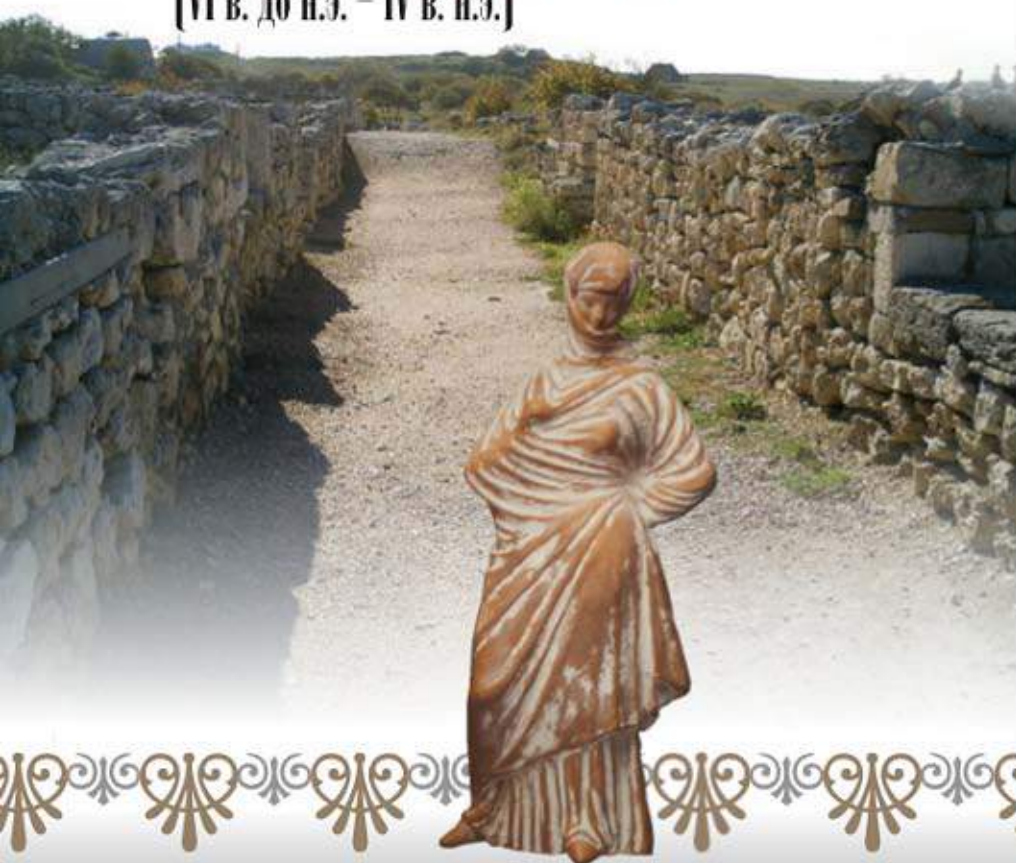

О. А. Ручинская

**Культура и общество
греческих городов
Северного Причерноморья
[VI в. до н.э. – IV в. н.э.]**

ХАРЬКОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В. Н. КАРАЗИНА
ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ХАРЬКОВСКОЕ ГОРОДСКОЕ ОБЩЕСТВО ГРЕКОВ «ГЕЛИОС»

О. А. Ручинская

**КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО
ГРЕЧЕСКИХ ГОРОДОВ
СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
(VI в. до н. э. – IV в. н. э.)**

Харьков «Майдан» 2017

УДК 94(477.7) “-05/+03”

ББК 63.3(0)329.48

Р 92

*Рекомендовано к печати Ученым советом
исторического факультета ХНУ имени В. Н. Каразина
(протокол № 9 от 20.10.2017)*

*Издание осуществляется при официальной поддержке
Харьковского городского совета*

Рецензенты:

Буйских А. В. – доктор исторических наук, старший научный сотрудник, заведующая отделом античной археологии Института археологии НАН Украины;

Сорочан С. Б. – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков ХНУ имени В. Н. Каразина;

Ставнюк В. В. – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков КНУ имени Т. Г. Шевченко.

Ручинская О. А.

Р 92 Культура и общество греческих городов Северного Причерноморья (VI в. до н. э. – IV в. н. э.). Х.: Майдан, 2017. 286 с.

ISBN 978-966-372-735-6.

Книга посвящена исследованию социально-культурной истории греческих городов Северного Причерноморья (Тиры, Ольвии, Херсонеса, городов Боспора) в период их автономного существования с момента возникновения и в первые века нашей эры, в условиях римского влияния на греческие гражданские коллективы. Определяются условия формирования греческой культуры в данном регионе, устройство городов и особенности жизни населения. Выявляется воздействие традиций духовной и музыкальной культуры на мировоззрение и образ жизни эллинов Северного Причерноморья. В работе также рассматривается роль полисной элиты в формировании и развитии культуры, ее взаимодействие с демосом в различных сферах культуры.

Книга рассчитана на историков, археологов и на широкий круг читателей, интересующихся античностью, древней историей и культурой Причерноморья.

УДК 94(477.7) “-05/+03”
ББК 63.3(0)329.48

ISBN 978-966-372-735-6

© ХНУ имени В. Н. Каразина, 2017
© Ручинская О. А., 2017

V. N. KARAZIN KHARKIV NATIONAL UNIVERSITY
PUBLIC ORGANIZATION
KHARKIV CITY SOCIETY OF GREEKS «HELIOS»

Oksana A. Ruchynska

**CULTURE AND SOCIETY
OF GREEK CITIES
OF THE NORTHERN
BLACK SEA COAST
(VI BC – IV AD)**

Kharkiv «**Maidan**» 2017

Ruchynska O. A.

Culture and Society of Greek Cities of the Northern Black Sea Coast (VI BC – IV AD). Kharkiv: Maidan, 2017. 286 p.

ISBN 978-966-372-735-6.

The book is devoted to the sociocultural study of the Greek cities of the Northern Black Sea Coast (Tiras, Olbia, Chersonesos, the Bosporan cities) from the time of their origin to the Roman cultural influence. The conditions for the formation of Greek culture in a given region, the organization of cities and the peculiarities of the life of the population are determined. The influence of the traditions of spiritual and muses culture on the worldview and way of life of the Greeks of the Northern Black Sea Region is revealed. The role of the polis elite in the formation and development of culture, its interaction with demos in various spheres of culture is also considered in the work.

The book is intended for historians, archaeologists and a wide range of readers interested in antiquity, history and culture of ancient Pontic Region.

СОДЕРЖАНИЕ

Список условных сокращений	9
Предисловие	13
<i>Раздел 1. Особенности развития культуры</i>	
греческих городов Северного Причерноморья	23
1.1. Условия формирования греческой культуры в Северном Причерноморье и специфика гражданских коллективов	23
– Расселение греков в Северном Причерноморье.	23
– Греческие традиции	29
1.2. Градостроительство и система благоустройства.	34
– Градостроительство.	34
– Система благоустройства.	59
1.3. Повседневная жизнь граждан	69
– Занятия граждан	70
– Граждане в свободное время.	76
– Воспитание и образование граждан	79
– В заботах о здоровье	96
– Элементы быта	105
<i>Раздел 2. Духовная культура в греческих городах</i>	
Северного Причерноморья	113
2.1. Греческая мифологическая традиция и религиозная жизнь граждан.	113
– Греческие мифы	114
– Личная религия	116
– Полисная религия	118

– Организация сакральной жизни граждан.....	129
– Религиозные обряды.....	136
2.2. Агонистические празднества	
в гражданских коллективах.....	152
– Подготовка и организация агонов.....	153
– Ахиллеи.....	155
– Аполлонии.....	161
– Празднества молодых атлетов.....	166
– Дионисии и мусические агоны.....	171
– Партении.....	177
<i>Раздел 3. Мусическая культура в греческих городах</i>	
Северного Причерноморья	181
3.1. Литературное творчество.....	181
– Греческий язык северопонтийских эллинов.....	188
– Поэтическое дарование граждан.....	184
– Исторические сочинения.....	187
– Знаменитые мудрецы и философы.....	191
3.2. Познание музыки эллинами	
Северного Причерноморья.....	195
– Виды музыкального искусства.....	196
– Греческие музыкальные инструменты	
в Северном Причерноморье.....	198
3.3. Театр и театральные представления.....	210
– Виды драматических представлений эллинов.....	211
– Постановка трагедий.....	213
– Комедии.....	217
– Драма сатиров.....	220
– Мимы и пантомимы.....	223
– Особенности функционирования театров	
в Северном Причерноморье.....	228
– Римские зрелища в Северном Причерноморье.....	236
Заключение.....	243
Summary.....	250
Список иллюстраций.....	253
Библиография.....	259

CONTENTS

Abbreviations list	9
Preface	13
<i>Chapter 1. Development Features of Culture in Greek Cities</i>	
of the Northern Black Sea Coast	23
1.1. Conditions for the formation of Greek culture and the particularity of civil societies	23
– Greek settlements in the Northern Black Sea Coast	23
– Greek traditions	29
1.2. Town planning and improvement system.	34
– Town planning	34
– Improvement system.	59
1.3. Everyday life of citizens	69
– Activities of citizens	70
– Citizens in their spare time.	76
– Education of citizens	79
– In health concerns	96
– Elements of private life	105
<i>Chapter 2. Spiritual Culture in Greek Cities</i>	
of the Northern Black Sea Coast	113
2.1. Greek mythological tradition and religious life	113
– Greek myths	114
– Personal religion.	116
– Policy religion.	118
– Organization of the sacred life of citizens	129
– Religious rites	136

2.2. Agonistic festivals in civil societies.	152
– Organization of the Agonistic festivals.	153
– Festivals of Achilles.	155
– Festivals of Apollo.	161
– Festivals of young athletes.	166
– Dionisia and artistic competitions.	171
– Parthenia.	177
<i>Chapter 3. Muses Culture in Greek Cities</i>	
of the Northern Black Sea Coast	181
3.1. Literary creativity of citizens.	181
– Language of the North Pontic Hellenes.	182
– Poetic talent of citizens.	184
– Historical works.	187
– Philosophers.	191
3.2. The knowledge of music by the Hellenes	
of the Northern Black Sea Coast.	195
– Types of musical art.	196
– Greek musical instruments	
in the Northern Black Sea Region.	198
3.3. Drama performances and Theatre	
in the Northern Black Sea Coast.	210
– Types of Greek drama.	211
– Tragedy.	213
– Comedy.	217
– Satyr plays.	220
– Mime and pantomime.	223
– Features of functioning of theaters	
in the Northern Black Sea Region.	228
– Roman spectacles in the Northern Black Sea Coast.	236
Conclusions.	243
Summary.	250
List of illustrations.	253
Bibliography.	259

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- АГСП – Античные государства Северного Причерноморья / Ред. Г. А. Кошеленко, И. Т. Кругликова, В. С. Долгоруков. Москва
- АДСП – Античные древности Северного Причерноморья. Киев
- АКСП – Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры / Ред. С. Д. Крыжицкого. Киев
- АО – Археологические открытия. Москва
- АСХ – Античная скульптура Херсонеса. Киев.
- БФ – Боспорский феномен: материалы конференции. Санкт-Петербург
- БЧ – Боспорские чтения: материалы конференции. Керчь
- ЕМИРА – Ежегодник Музея истории религии и атеизма. Москва, Ленинград
- ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения. Санкт-Петербург
- ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса
- ЗРАО – Записки Русского археологического общества. Санкт-Петербург
- ИАК – Известия императорской Археологической комиссии. Санкт-Петербург
- ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Ленинград
- КБН – Корпус боспорских надписей. Москва, Ленинград
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Москва, Ленинград

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. Москва

МАИЭТ – Материалы по истории, археологии и этнографии Тавриды. Симферополь

НО – Надписи Ольвии. Ленинград, 1968

НЭПХ – Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев

ОАК – Отчеты Археологической комиссии. Санкт-Петербург

ПАВ – Петербургский археологический вестник. Санкт-Петербург

ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. Москва, Магнитогорск

САИ – Свод археологических источников. Археология СССР. Москва

СГМИИ – Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва

СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа. Ленинград

СХМ – Сообщения Херсонесского музея. Симферополь

ТГИМ – Труды Государственного Исторического музея. Москва

ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград

Труды ГИМ – Труды государственного Исторического музея. Москва

ХСб – Херсонесский сборник. Севастополь

AJA – American Journal of Archaeology

GCA – Greek and Cypriote Antiquities in the Archaeological Museum of Odessa / Ed. by V. Karageorghis. Nicosia, 2001.

IGBR – Michailov G. Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae. Serdicae, 1970. Vol.1. Ed.2.

IOSPE – Latyshev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Petropoli, 1885–1901. Vol. I, II, IV; Vol. 1. Ed. 2. Petropoli, 1916 (2-е изд. т. I²)

SC – Латышев В. B. Scythica et Caucasica. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. СПб., 1893–1904. Т. 1-2.

SCIV – Studii si cercetari de istorie veche

Syll³ – Sylloge Inscriptionum Graecarum / Ed. G. Dittenberger. Ed. tert. Vol. 1-4. Lipsiae, 1915-1924.

Памяти моих учителей

доктора исторических наук, профессора,
заведующего кафедрой
истории древнего мира и средних веков
Харьковского национального университета
имени В. Н. Каразина
Владимира Ивановича Кадеева (1927–2012)

кандидата исторических наук,
старшего научного сотрудника
Института археологии НАН Украины,
начальника Ольвийской археологической экспедиции
ИА НАНУ
Валентины Владимировны Крапивиной (1950–2013)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Основание в Северном Причерноморье древнегреческих городов распространило на берега Черного и Азовского морей античную культуру, со всеми ее особенностями и достижениями, которая просуществовала здесь с определенными модификациями с VI в. до н. э. по IV в. н. э. Развитие культуры каждого из греческих городов рассматриваемого региона имело свои специфические черты, но их уникальность сочеталась с общими закономерностями, присущими всему региону в целом.

Своеобразие культуры греческих городов Северного Причерноморья сложилось в результате влияния трех категорий факторов: 1) особенностей исторических судеб греческих городов на периферии античного мира, 2) взаимодействия Северного Причерноморья с наиболее важными центрами античного мира в Средиземноморье, 3) взаимовлияния культур греческих городов с разнообразным миром местных племен Восточной Европы.

Появление греческих городов в Северном Причерноморье было связано с Великой греческой колонизацией VIII–VI вв. до н. э., причинами которой стало перенаселение Эллады, нехватка земель и, как следствие, необходимость освоения новых территорий, создание на вновь освоенных землях торговых баз,

через которые осуществлялись поставки греческой ремесленной продукции, поиск новых источников сырья, пополнение хлебных запасов. Первые греческие поселения возникли на северном берегу Понта Эвксинского (Черного моря) в середине VII в. до н. э. Это были небольшие греческие торговые фактории (эмпории), которые вели торговлю с местными племенами. К числу древнейших поселений относится Борисфен или эмпорий борисфенитов (на территории современного острова Березань, близ Очакова, Βορυσθένης происходит от греческого названия реки Днепр). Достаточно быстро, на протяжении VI–V вв. до н. э., эллины освоили практически всю территорию Северного Причерноморья. В этот период здесь возникают такие крупные города, как *Тира* (кон. VI в. до н. э., Τύρας – древнее название Днестра, современный г. Белгород-Днестровский), *Ольвия* (рубеж VII–VI в. до н. э., Ὀλβία с греч. «счастливая», правый берег Бутского лимана, современное село Парутино, Николаевской области, Очаковского района), *Херсонес* (первая четверть V в. до н. э., Χερσόνησος с греч. «полуостров», современный г. Севастополь), *Феодосия* (VI в. до н. э., Θεοδοσία с греч. «Богом данная», современный г. Феодосия), *Пантикапей* (рубеж VII в. до н. э., Παντικάπαιον, древнеиранское «рыбный путь», современный г. Керчь), *Фанагория* (третья четверть VI в. до н. э., Φαναγόρεια, от имени ойкиста Фанагора, основателя поселения, Таманский полуостров, побережье Керченского пролива, современный поселок Сенной, Краснодарский край), *Гермонасса* (первая половина VI в. до н. э., Ἑρμόνασσα, от имени основателя поселения, Таманский полуостров, современная станция Тамань), *Горгиппия* (вторая пол. VI в. до н. э., изначально г. Синд, с IV в. до н. э. Γοργυπλία, по имени правителя Горгиппа из династии Спартокидов, современный г. Анапа) (Рис. 1).

Территория, на которой были основаны греческие города, охватывала, таким образом, районы течения рек Днестр (Тирас), Южный Буг, при впадении его в Днепр (Борисфен), Крымский полуостров, Таманский полуостров, Синдику, позднее – восточное побережье Меотиды (Азовское море) до устья Танаиса (Дон). Самой северной точкой стал, осно-

Рис. 1. Северное Причерноморье в античную эпоху

ванный в III в. до н. э. город *Танаис* (Τάναϊς – древнегреческое название реки Дон, современный хутор Недвиговка, Ростовская область). Особенности расположения греческих городов вдоль побережья морей позволили Платону сравнить эллинов с муравьями или лягушками, которые теснятся вокруг болота [Платон. Федон, 109 b].

Необходимо отметить, что принятое в научной литературе традиционное выделение Северного и других регионов Причерноморья носит достаточно условный характер, в котором учитываются современные государственные границы, а не действительное районирование припонтийской области

в античное время [Шелов, 1967, с. 219]. Отмечая данную особенность, мы все же будем пользоваться общепринятой терминологией, именуя рассматриваемый регион Северным Причерноморьем.

В данном исследовании понятия культура и общество рассматриваются в неразрывном единстве. Данный социокультурный подход предполагает смещение интересов в сторону оценки событий истории через призму культурно-духовных ценностей. Полноценная жизнь, с точки зрения древнего эллина, была возможна лишь в условиях активной деятельности на благо общества. Личное счастье не мыслилось без общественной деятельности, в которой, в то же время, было много индивидуальной заинтересованности. Исключение из гражданского коллектива влекло за собой лишение всех прав и привилегий, в том числе, права на недвижимую собственность, имущество, семью и обрекало гражданина на фактическую изоляцию. Эта специфическая черта греческой культуры имела большое значение и для существования городов Северного Причерноморья. Взаимосвязь эллинской культуры и общества отражалась здесь через коллективную психологию, религиозность, особенности быта, художественную культуру. Ориентир исследования на города, как центры полисной культуры, обусловлен концентрацией в них греческих гражданских коллективов и возможностью комплексного исследования их мировоззрения, уклада жизни, мотивов поведения, что позволяет понять истинные причины тех изменений, которые происходили в истории государств, расположенных по северному побережью Понта Евксинского.

Хронологические рамки исследования охватывают период с VI в. до н. э. по IV в. н. э., что соответствует времени существования древнегреческих полисов Северного Причерноморья. Нижняя граница – время возникновения основных греческих городов на побережье Северного Понта. Рубеж III–IV вв. н. э. ознаменовал кризис античных форм жизни, всех институтов античного государства. Это было вызвано нашествием воинственных кочевых племен, распространением христианства и,

соответственно, привело к упадку античных традиций в причерноморских городах. В рамках этого большого хронологического периода существуют два подпериода, что основывается на различиях в культурном развитии городов: 1) с VI по I вв. до н. э. – греческий период истории городов Северного Причерноморья и их культуры; 2) с I в. до н. э. по IV в. н. э. – период римского влияния на культуру североPontийских городов.

Исследование культуры и общества греческих городов Северного Причерноморья представляет собой сложную задачу, что вызвано фрагментарным состоянием источниковой базы. В свою очередь, это требует комплексного подхода в анализе всех типов исторических источников (археологических, эпиграфических, иконографических, нумизматических, новой интерпретации известных свидетельств античных авторов).

Литературные (нарративные) источники, являющиеся наиболее информативным видом исторических источников, по данной теме отрывочны. Для античных творцов греческие города Северного Причерноморья были далекой периферией и находились в тесном контакте с варварскими племенами, поэтому мы имеем лишь скудные свидетельства греческих и римских авторов по отдельным аспектам социокультурной и религиозной жизни причерноморских полисов.

К числу наиболее содержательных свидетельств следует отнести рассказ Геродота (V в. до н. э.) о Скиле, в котором сообщается о празднествах в честь Диониса в Ольвии [Геродот. История, IV, 78-80]. Упоминание в рассказе ольвийского гражданина, донесшего скифам об участии царя Скила в греческих обрядах (Дионисиях) [Геродот. История, IV, 79], позволяет раскрыть внутренние особенности образа жизни гражданского коллектива Ольвии. Дополняет эти свидетельства Дион Хрисостом (греческий оратор, философ I-II вв. н. э.), который, побывав в I в. н. э. в Ольвийском полисе, отмечает приверженность ее жителей старине и традициям предков, их образованность и любовь к философским знаниям [Дион Хрисостом. Речи, XXXVI, 1-18]. Сообщения Геродота и Диона Хрисостомом ценны тем, что оба – свидетельства очевидцев.

Архитектуру Херсонеса, храмы города и окрестностей описывает Страбон (автор I в. до н. э. – I в. н. э.). Греческий географ предоставляет сведения о религиозной жизни херсонеситов, указывая на существование святилища Девы – главной богини-покровительницы гражданской общины Херсонеса [Страбон. География, VII, IV, 2-3]. В сообщениях Плиния Старшего (римский писатель I в. н. э.), Херсонес характеризуется как самый блестящий пункт западного побережья Крыма, в котором и в I в. н. э. все еще были сильны греческие обычаи [Плиний Старший. Естественная история, IV, 85]. Интересно и его изложение мифологической версии о сакральной связи Ахилла с Тендровской косой, получившей название Ἀχιλλέως δρόμος, т. е. «Ахиллов бег» и проводившимися там ольвийскими агонистическими празднествами [Плиний Старший. Естественная история, IV, 83]. Наиболее полно эту легенду трактует Помпоний Мела (римский географ I в. н. э.), который выводит данное название из празднеств и состязаний в беге, устроенных на Тендре фессалийским героем Ахиллом после победы в сражении [Помпоний Мела. Землеописание, II, 5].

Отдельные сведения о культуре Боспорского царства имеются у Диодора Сицилийского (греческий историк I в. до н. э.) и Полиена (автор II в. н. э.). Первый, в частности, опираясь на сведения анонимного боспорского историка, описывает борьбу за власть на Боспоре сыновей царя Перисада I и правление его сына Евмела I, то есть историю Боспора 311/310–304/303 гг. до н. э. [Диодор Сицилийский. Историческая библиотека, XX, 22-26]. Данные, которые упоминает Полиен, говоря об олинфском кифареде Аристоники, привезенном на Боспор полководцем персидского царя Мемноном, свидетельствуют о существовании театра в Пантикапее и мусической культуре боспорских эллинов [Полиен. Стратегмы, V, 44].

Константин VII Багрянородный (византийский император, X в.), основываясь, видимо, на местных причерноморских хрониках, пересказывает херсонесскую легенду о Гикии [Константин Багрянородный. Об управлении империей, 53]. Излагаемая версия имеет большой интерес для исследования

особенностей менталитета граждан Херсонеса и Пантикапея, и свидетельствует о преобладании общественных интересов над личными в системе моральных ценностей гражданских коллективов Причерноморья.

Свидетельства античных авторов разнообразны, но они оставляют многочисленные лакуны, заполнять которые помогают эпиграфические источники. Надписи – объективны и позволяют более детально характеризовать социально-культурные аспекты жизни греческих городов Северного Причерноморья.

Среди них наиболее важны лапидарные памятники (официальные декреты, посвятельные надписи, эпитафии, нанесенные на каменные плиты) (Рис. 2), которые дополняются свидетельствами граффити (тексты, процарапанные на сосудах, черепках, металлических изделиях) (Рис. 3).

Основная масса надписей греческих городов Северного Причерноморья сохранилась на греческом языке, небольшая часть – на латинском. В отличие от данных литературной традиции, эти источники, как правило, одновременны с отраженными в них событиями и исходят от непосредственных их участников. Лапидарные тексты, найденные в Северном Причерноморье, собраны в несколько сводов. Впервые такая работа была проделана известным эпиграфистом В. В. Латышевым [Latyshev, 1916, IOSPE, I²], позднее отдельными корпусами были изданы надписи городов Боспора [КБН, 1965], Херсонеса [НЭПХ, 1964, 1973] и Ольвии [НО, 1968]. Существует несколько сводов граффити Северного Причерноморья [Толстой, 1953; Соломоник, 1978, 1984; Сапрыкин, Масленников, 2007; Русяева, 2010].

Колоссальный материал для исследования культуры и общества греческих городов Северного Причерноморья предоставляют данные нумизматики. Среди них особое значение имеют монеты местной чеканки, своды которых были опубликованы А. Н. Зографом (1951, 1957), Д. Б. Шеловым (1956), Б. В. Хэдом (1963), В. А. Анохиным (1977, 1986, 2011), Н. А. Фроловой, М. Г. Абрамзоном (2014). Как справедливо

Рис. 2. Фрагмент
агонистического каталога
из Херсонеса,
первые века н. э.

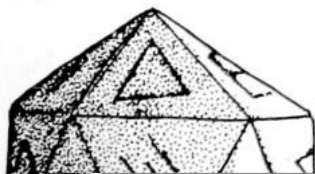

Рис. 3. Глиняный
многогранник с граффити
(буквы греческого алфавита),
I в. до н. э., Феодосия
(по Э. Б. Петровой)

заметил Г. А. Кошеленко, «монета испокон веков являлась не только денежным знаком, но и средством пропаганды определенных идей» и «вся система символов, помещенных на монете, отражала определенные идеологические концепции своей эпохи...» [Кошеленко, 1971, с. 212]. Монеты греческих городов Северного Причерноморья отражают официальные полисные культы, архитектурные стили, особенности фортификационных сооружений, портретные типажи, позволяют выявлять культурные контакты в эллинской ойкумене и с миром варваров (Рис. 4).

Не менее ценны данные археологических и иконографических источников, собранные в результате многолетних раскопок северопричерноморских городов. Архитектурные детали, памятники скульптуры, терракотовые статуэтки, декоративные росписи, которые украшали склепы и саркофаги, изображения на вазах, мозаика отражают способы проведения досуга гражданами городов Северного Понта; позволяют сделать вывод о развитии художественного творчества, музыки, физической культуры; иллюстрируют совершение религиозных обрядов.

Начало планомерных археологических исследований греческих городов Северного Причерноморья было положено на рубеже XIX–XX вв. и связано с именами Б. В. Фармаковского (Ольвия) (Рис. 5), К. К. Косцюшко-Валюжинича (Херсонес) (Рис. 6), Э. Р. Штерна (Тира), К. Е. Думберга (Пантикапей). В дальнейшем весомый вклад в изучение греческих полисов внесли В. Д. Блаватский (Рис. 7), Г. Д. Белов, В. Ф. Гайдукевич, В. В. Лапин, А. А. Масленников, С. Д. Крыжицкий, В. И. Кадеев, С. Б. Сорочан, Т. Л. Самойлова, А. Н. Русяева, В. В. Крапивина, А. В. Буйских и многие другие исследователи.

В современной историографии античности культура эллинов и особенности существования греческих гражданских коллективов в Северном Причерноморье относятся к числу наиболее обсуждаемых проблем. Традиционно наибольшее внимание уделяется изучению религиозных воззрений граждан. Подобные проблемы поднимались уже в начале XX века трудами В. В. Латышева [Латышев, 1909], И. И. Толстого [Толстой, 1904, 1918], Э. Миннза [Minns, 1913]. Работы данного периода заложили основы изучения религии и общественного устройства причерноморских полисов. Дальнейшие археологические исследования позволили обратиться к более углубленному изучению отдельных вопросов культурной истории городов Северного Причерноморья – развитию агонистики [Семенов-Зусер, 1940; Кубланов, 1962; Колесникова, 1964; Берзин, 1961; Ручинская, 1994; Скржинская, 2010], наиболее почитаемым божествам [Сапрыкин, 1978; Мещеряков, 1980; Русяева, 1992, 2001, 2005; Диатроптов, 2001; Бондаренко,

Рис. 4. Херсонесская монета
III в. до н. э. с изображением
головы богини Девы (Партенос)

Рис. 5. Борис
Владимирович
Фармаковский
(1870–1928)

Рис. 6. Карл
Казимирович Кос-
цюшко-Валюжинич
(1847–1907)

Рис. 7. Владимир
Дмитриевич
Блаватский
(1899–1980)

2003, 2005], архитектуре и искусству греков Северного Причерноморья [Иванова, 1953, 1961; Кобылина, 1972; Соколов, 1999, 1999а; Крыжицкий, 1982, 1993, 2012; Вдовиченко, 2003; Буйских, 2008]. На современном этапе появляются исследования, которые обращаются к особенностям менталитета эллинов Северного Причерноморья [Кадеев, 1996; Яйленко, 1998; Сапрыкин, Масленников, 1998; Самойлова, 2007; Ручинская, 2007]. Многообразие научных подходов к исследованию культуры греческих городов Северного Причерноморья отражает роль данного феномена в истории античного общества и подчеркивает необходимость его комплексного исследования.

В заключении выражаю благодарность Общественной организации Харьковскому городскому обществу «Гелиос» и Харьковскому городскому совету за помощь в издании данной книги.

Раздел 1

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ ГРЕЧЕСКИХ ГОРОДОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Эллинические города, возникшие на территории Северного Причерноморья, стали окраиной античного мира. Во многом это определило специфику исторического развития данного региона. Удаленность от основных центров Средиземноморья, сложность взаимоотношений с местными варварскими племенами и стремление сохранить традиционные эллинические представления создали здесь уникальную культуру. Данная культура сочетала в себе синкретические элементы варварских и восточных культур и, вместе с тем, оставалась в своей основе греческой, сохраняя даже в первые века н. э. (в период римского влияния) те традиции, которые в Балканской и Малоазиатской Греции давно прекратили свое существование.

1.1. Условия формирования греческой культуры в Северном Причерноморье и специфика гражданских коллективов

Расселение греков в Северном Причерноморье. Колонизационные процессы в Северном Причерноморье осуществлялись двумя основными волнами первопоселенцев: ионийцами и дорийцами. Ионийцы в Балканской Греции населяли

Аттику с Афинами, в Эгейском море – острова центральной части, в Малой Азии – область Ионии. В малоазийской Ионии располагался богатый портовый город Милет, ставший основателем большинства городов Северного Причерноморья (Тиры, Ольвии, основной части боспорских городов). Ионийцы, согласно историку Фукидиду [История, I, 70] были очень динамичными и легкими на подъем. Малоазийские греки, помимо всего прочего, отличались особой любовью к прекрасному, тонким эстетическим чутьем, их художественный стиль отличался легкостью, изяществом, декоративностью [Graham, 1964, p. 14]. Дорийцы изначально заселили область Дориду в Средней Греции, впоследствии распространили свою власть на Пелопоннес, в Эгейском море им принадлежали острова самой южной части, в том числе и остров Крит. В Малой Азии дорийцы охватили своим влиянием крайнюю юго-западную оконечность, названную «второй Доридой», где располагался второй крупнейший малоазийский город, основатель новых греческих апойкий – Гераклея Понтийская. Дорийцев, в целом, отличал консерватизм образа жизни и мышления, приверженность к аристократической форме правления, строгой военной дисциплине, традициям предков и патриархальной простоте нравов [Burstein, 1976, p. 25]. Их художественный стиль был простым и лаконичным. Именно такую, основанную на патриархальных традициях, культуру принесли в Северное Причерноморье первопоселенцы – дорийцы, основавшие Херсонес Таврический [Ручинская, 2001, с. 14].

В период расселения греков по территории Северного Причерноморья в окрестных землях жили скифы, тавры, меты, синды. Чаще всего греки основывали свои поселения на территориях в какой-то мере уже обжитых местным населением. Местные племена, очевидно, не оказали сопротивления эллинским торговцам, а затем и колонистам, основавшим города. Иначе трудно объяснить, как могли малочисленные эллинские первопоселенцы обосноваться и удержаться среди враждебного им населения. По-видимому, первичное заселение греками региона проходило мирным путем. Некоторая

часть варварского населения, особенно племенная знать, была заинтересована в развитии торговли с греками и не препятствовала им организовывать свои поселения. В трудах автора VI в. Стефана Византийского сохранилось причерноморское предание о том, что местный царек уступил милетцам землю для основания Пантикапея [SC, I, с. 264]. В то же время греческий географ Страбон пишет, что на Боспоре Киммерийском (район Керченского пролива) скифы вначале вытеснили киммерийцев, а затем скифов изгнали греки, основавшие там Пантикапей и другие города [Страбон. География, VII, IV]. Тот факт, что греки при основании городов стремились выбирать наиболее удобные в стратегическом отношении места, а вновь образованные города достаточно быстро окружались оборонительными стенами, свидетельствует о том, что взаимоотношения между обитателями греческих городов и окружающим их негреческим населением не всегда были дружескими.

Достаточно быстро, возникшие в Северном Причерноморье греческие города становятся типичными полисами. С городами-метрополиями они поддерживают культурные, религиозные и экономические контакты, но в области внутреннего управления обретают полную самостоятельность. Вокруг городских центров формируется хора (сельская территория, пригодная для занятий земледелием).

Первоначально, основанные Милетом, полисы Северного Причерноморья имели олигархическую форму правления (которая вскоре становится демократической). Традиционно, при основании новых поселений, в метрополии формировалась группа первых колонистов, возглавляемых ойкистом. Данная группа была строго дисциплинирована, сплочена и фактически представляла собой небольшую гражданскую общину. На освоенных территориях первоколонисты становились элитой, от которой вели свой род следующие поколения граждан. Такая традиция была очень характерна для милетской колонизации, в которой особая роль отводилась ойкисту, имевшему неограниченные полномочия [Ehrhardt, 1983, S. 70]. Богатые погребения архаического периода из Ольвии, Тирь,

Пантикапея показывают, что первопоселенцы, успев разбогатеть, составили слой местной аристократии [Виноградов, 1989, с. 73]. «Письмо жреца» (граффито на стенке амфоры) VI в. до н. э. из Ольвии и свинцовые письма Ахиллодора, Апатурия и Артикона [Яйленко, 1998, с. 90-91; Виноградов, 1989, с. 75] свидетельствуют о том, что богатые и знатные ольвийские граждане владели рабами. Ольвийская аристократия носила такие же имена как представители высшего слоя аристократии Милета – эпонимных эсимнетов мольпов (главы культового союза почитателей Аполлона Дельфиния, по которым велось летоисчисление). Следующие группы добавочных колонистов – эпойков, были значительно урезаны в правах по

Рис. 8. Колонизация греками Северного Причерноморья

сравнению с первопоселенцами и подчинялись уже установленным правилам и законам [Ольвия, 1999, с. 348-349]. Гражданский коллектив консолидировался благодаря общности почитаемых божеств и его дальнейшее развитие зависело от единства внутри коллектива, что способствовало усилению демократических тенденций. Установление постоянного демократического строя в Ольвии произошло, видимо, в пределах первой четверти IV в. до н. э. [Виноградов, 1989, с. 135].

В дорийском Херсонесе, с момента основания полиса, существовали элементы аристократического и демократического государственного устройства [Кадеев, 1981, с. 74], что было характерно умеренной демократии – политии [Аристотель. Политика, IV, 6, 2]. В дальнейшем в Херсонесе, несмотря на временное усиление олигархии, устанавливается демократический строй и существует «община равных» [Кадеев, 1981, с. 62]. Херсонес и в первые века н. э. оставался демократическим полисом, имел размежеванные наделы граждан на Герacleйском полуострове.

Тесную связь с милетскими эсимнетами мольпов имел и Археанакт, возглавивший отряд первопоселенцев, основавших Пантикапей и впоследствии ставший основателем боспорского царского рода Археанактидов [Гайдукевич, 1949, с. 43]. В 480 г. до н. э., согласно сообщениям Диодора Сицилийского [Историческая библиотека, XII, 31, 1], возникает Боспорское царство со столицей – Пантикапеем, объединившее греческие города европейского (Феодосия, Мирмекий, Нимфей) и азиатского (Фанагория, Гермонасса, Горгиппия) Боспора [Гайдукевич, 1949, с. 43]. Возникновение на этой территории Боспора царства, привело к сосредоточению центральной власти в Пантикапее, но остальные боспорские полисы сохранили свое гражданское самоуправление. В эллинистическую эпоху боспорские города тесно контактировали с варварами и трансформировали свою полисную организацию в рамках царства [КБН, № 19, 974, 1043]. Боспорское царство объединило отдельные греческие города с их гражданскими коллективами в единое целое. Такая форма государственного объединения

была характерна эллинистической эпохе и в других регионах эллинского мира. На территории Боспора «царство» оказалось более приемлемой формой политической жизни для местного населения и, в тоже время, позволило грекам сохранить свою идентичность в условиях враждебного варварского окружения [Подосинов, 2011, с. 224-232].

В ходе истории города Северного Причерноморья, несмотря на войны с варварами, непродолжительное вхождение в состав Понтийской державы Митридата VI Евпатора, включение их в первые века н. э. в орбиту влияния Рима, сохраняли самоуправление гражданских общин и культурные традиции эллинского этноса.

В демократических полисах главными органами законодательной власти были Народное собрание и Совет, исполнительная – коллегия выборных должностных лиц (архонтов, номофилаков, агонифетов), существовал и гражданский суд. Полноправными гражданами полисов считались эллины, взрослые мужчины, которые исполняли общественные обязанности, несли военную службу, обладали земельными наделами в пределах полисной хоры [Hammond, 1972, p. 120]. На территории городов Северного Причерноморья, помимо граждан, жили иноземцы (эллины из других греческих городов), женщины, дети, варвары, рабы, но они не входили в состав полисного коллектива и не обладали правами гражданства. По словам П. Видаля-Наке, полис представлял собой своеобразный «мужской гражданский клуб», который исключал из своего состава вышеперечисленные категории населения [Видаль-Накэ, 2001, с. 228]. По этому поводу приведем хорошо известные слова Аристотеля о том, что «...и женщина бывает хорошая, и даже раб, хотя, быть может первая и хуже [мужчины], а второй и вовсе худ» [Аристотель. Поэтика, 1454 а, 20].

Иногда представители других городов Северного Причерноморья, вероятно, включались в состав гражданских коллективов, как это случилось ок. 230-225 гг. до н. э. с сыновьями херсонесита Аполлония, Герогейтоном и Теогейтоном [НО, № 26; Николаев, 2014, с. 215]. Оба выходца из Херсонеса полу-

чили права гражданства в Ольвии и имели право участвовать в выборных должностях [Никитина, 1969, с. 139]. Но, подобные права обычно предоставлялись в виде исключения и, обычно, во втором-третьем поколениях. Представители варварского населения, которые входили в состав гражданских коллективов, проходили предварительно этап эллинизации. Традиционно, категории негражданского населения, проживавшие в городах Северного Причерноморья, в процессе жизни взаимодействовали с гражданским коллективом, являвшимся основным носителем культуры, однако противопоставлялись ему.

В первом веке н. э. в города Северного Причерноморья вводятся римские военные гарнизоны, в составе гражданских коллективов появляются лица, имевшие права римского гражданства. Это приводит к необходимости взаимодействия гражданской администрации городов Северного Причерноморья с представителями Римской имперской власти. В свою очередь, это повлекло за собой распространение в Северном Причерноморье римских градостроительных и архитектурных тенденций, римского влияния на духовную и культурную жизнь граждан, в том числе, на особенности проведения досуга и повседневную жизнь.

Резкие изменения в общеполитической ситуации в Северном Причерноморье происходят, начиная со второй четверти III в. н. э. Вторжения готов и союзных им племен, а, затем, гуннов, разрушают Тиру, Ольвию, города Боспорского царства, ухудшается их экономическая ситуация, что приводит к угасанию городской жизни в IV в. н. э.

Греческие традиции. Возникновение греческих городов в Северном Причерноморье (VI–V вв. до н. э.) сопровождалось перенесением в этот регион полисной культуры эллинов. Выделим наиболее характерные особенности данной культуры, что позволит выявить культурные тенденции, принесенные первопоселенцами.

Одной из важнейших особенностей греческой культуры являются ее коллективные, общественные основы. Полисная система, с ее хорошо организованным гражданским

коллективом, оказала огромное влияние на всю последующую культуру эллинов. Для древнего эллина активное участие в общественной жизни, осуществление гражданских прав и обязанностей представлялось естественной, присущей ему формой деятельности. Именно это отличало его от раба, делало членом общества и, следовательно, человеком. Аристотель в «Политике» отмечал, что тот, кто живет вне государства в силу своей природы, а не из-за случайных обстоятельств, тот или сверх-человек, или недоразвитое существо [Аристотель. Политика, I, I, 9]. Человек в позднеархаический и классический периоды истории Греции не мыслился вне гражданской общины. Греки обладали очень развитым чувством полисного патриотизма. Но, наряду с этим, существовало этническое, культурное и культовое единство всего эллинского мира, в противовес варварским народам, что, безусловно, нашло отражение и в культурной традиции.

Общественная сторона греческой культуры была порождена особым укладом жизни «на людях», характерным территориям с мягким средиземноморским климатом. Грек большую часть своего времени проводил вне дома и был, говоря словами Аристотеля, ζῶον πολιτικόν (существом политическим) [Аристотель. Политика, I, I, 9]. При этом эллины не только принимали участие в деятельности коллегиальных государственных учреждений или в религиозных церемониях, устраиваемых всей гражданской общиной, но и свой досуг проводили в общении с согражданами. Известный исследователь античности Ф. Ф. Зелинский, анализируя одну из эпиграмм отмечает, что для эллинов правильным считался 6-часовой рабочий день, а затем следовало «жить» (ΖΗΘΙ), что означало общаться с людьми [Зелинский, 1995, с. 133]. Само слово ΖΗΘΙ является буквенным выражением времени на солнечных часах, после первых шести часов (Рис. 9).

Приведем еще одно интересное пояснение причин высокого развития греческой культуры, связанное с влиянием климатических условий на характер эллинов. Аристотель замечает, что народы, обитающие в холодных странах, пре-

Рис. 9. Солнечные часы (ὑψόμετρον). Кепы, первые века н. э. (фото О. А. Ручинской)

исполнены мужества, но им не хватает ума, азиатские народы наделены умом, но им не хватает мужества. Эллы же, находясь в умеренном климате, обладают и мужественным характером, и умственными способностями [Аристотель. Политика, VII, VI, 1]. Такое равновесное сочетание способностей стало, по его мнению, причиной создания гармонии во всех сферах культуры Эллады. Гармоничная культура, отражающая коллективное творчество всей гражданской общины, получила ярко выраженный оптимистический характер и жизнеутверждающее начало. Согласно таким представлениям человек, благодаря собственным усилиям, способен изменить жизнь к лучшему.

Важной особенностью греческой культуры было мифологическое восприятие мира. Характерной чертой греческой мифологии было приращение образу богов и способу их существования свойств человека и той общественной организации, в которой он жил, то есть полисной системы. Под сильным воздействием мифологического осмысления действительности оказалось и восприятие времени. Время, с точки зрения древних греков, не имело хронологической последовательности. Эллы считали, что миром правит судьба, которой подвластны не только люди, но и боги, и, следовательно, не остается места для исторического развития. Мир воспринимался

ними не как изменяющийся и развивающийся, а как находящийся в покое или вращающийся в великом кругу. События, происходящие в мире, и эпохи повторяются, и некогда существовавшие люди и явления вновь возвратятся. «Золотой век», по представлениям греков уже был, он в прошлом [Тахо-Годи, Лосев, 1999, с. 703-705; Видаль-Накэ, 2001, с. 302]. Анализируя мировоззрение эллинов, выдающийся антиковед и философ А. Ф. Лосев называл их «людьми, которые пятятся к будущему», движутся навстречу ему «спиной вперед» [Лосев, 1994, с. 594]. Французский исследователь П. Видаль-Накэ отмечает, что история для греков безмерна, но это циклическая история, ритм которой задают периодически происходящие катастрофы (войны, катаклизмы) [Видаль-Накэ, 2001, с. 86].

Циклическое восприятие времени нашло отражение в греческом календаре, который был календарем празднеств. Согласно Платону космическое время вписано в государственное устройство и религиозную жизнь греков, поэтому в году должно быть не менее 365 празднеств [Платон. Законы, 828 b-c, 745 b-e]. Каждому месяцу в календаре соответствовал определенный праздник, проводившийся из года в год в одно и то же время. Названия месяцев происходили от имени божества или названия празднества, которое совершалось в конкретный месяц. Греческий календарь (ἡμερολόγιον) был лунным, соответственно в основе годового цикла лежал месяц в 29-30 дней, что совпадало с оборотом луны вокруг земли. Каждое первое число месяца приходилось на новолуние, а каждое пятнадцатое – на полнолуние. В связи с этим греческий год имел не 365, а 354 дня и через каждые два года [Геродот. История, II, 4] или три, пять и восемь лет восьмилетнего цикла вставлялся дополнительный месяц [Латышев, 1997, с. 99-101]. Каждый греческий город вел свой собственный календарь празднеств, в котором учитывались официальные божества, почитавшиеся конкретной гражданской общиной.

Характерной чертой греческой полисной художественной культуры было возвеличивание образа человека. В этой культуре человек (или бог, воплощенный в образе человека), стал

наивысшей ценностью, мерой всех вещей. Стремление к симметричным пропорциям и гармонии проявилось в архитектуре, прежде всего, храмовой. В статуарном искусстве отразилась двойственность человеческой натуры: зависимость от богов и рока, но возможность свободно, по законам человеческого разума и совести, избирать свой путь. Поэтому человек в статуях либо действовал, либо выражал способность к героическим действиям. Греческое искусство имело колоссальное воспитательное значение, возвеличивало красоту и гармонию.

Одной из важнейших особенностей греческой культуры была оро-акустическая ориентация, то есть ориентация на звучащее слово и его слуховое восприятие. Данная особенность способствовала необычайному расцвету ораторского искусства, политического и судебного красноречия. С этим связана традиция произнесения торжественных речей (энкомий) и популярность публичных чтений авторами своих произведений. Слуховая ориентация оказала воздействие и на развитие греческого театра. Театры строились из расчета всего взрослого гражданского населения и были ориентированы в большей степени на слуховую передачу информации, чем на зрительное восприятие. Об этом свидетельствует скудость декораций, естественный несменяемый фон, применение фиксированной маски [Bieber, 1961, p. 16-20].

Наконец, следует подчеркнуть важность агональных основ греческой культуры. Образ жизни, стиль мышления и творчества греков опирался на тягу к полемике, состязанию (*ἀγών*). Стремление к состязательности (агонистике) пронизывало все сферы греческой жизни: политику, философию, систему судопроизводства, художественное творчество, повседневную жизнь. Особенно ярко это воплотилось в системе гимнастических (гимнастических), гиппических (конных) и мусических состязаний (состязания в музыке, поэзии, литературном творчестве, театральные представления), сопровождавших наиболее важные греческие празднества. Причина распространения подобного явления кроется в полисной системе, способствовавшей развитию творческой активности граждан,

ориентации греков на поощрение и порицание, и установке на то, чтобы превзойти окружающих в достижении своих жизненных целей [Зайцев, 2000, с. 113; Суриков, 2012, с. 17-20].

1.2. Градостроительство и система благоустройства

К VI в. до н. э., времени появления большинства городов Северного Причерноморья, относится формирование основ архитектурной и градостроительной теории греков. Соответственно, при строительстве городов на северном берегу Понта Евксинского греческие переселенцы использовали многие достижения градостроительного искусства Эллады.

Градостроительство. В истории культуры античных городов Северного Причерноморья можно выделить три основных этапа градостроительства: 1) возникновение и становление греческих городов Северного Причерноморья (VI–V вв. до н. э.); 2) расцвет городской жизни (IV–II вв. до н. э.); 3) постепенный упадок градостроительства (I в. до н. э. – IV в. н. э.).

На первом этапе в VI–V вв. до н. э. большое значение имела обороноспособность, поэтому основание большинства городов в этот период начиналось с возвышенных участков, совершалось стихийно, но с определенной общей регламентацией. Планировка городов была тесно связана с рельефом местности.

Ольвия, располагавшаяся на правом берегу Бугского лимана, имела трапециевидную форму (Рис. 10). Херсонес, возникший на полуострове, строго следовал его контурам (Рис. 11). Пантикапей возник в местности, над которой возвышалась высокая гряда, поэтому город был расположен по склонам холма (гора Митридат), на вершине которого находился акрополь (укрепленная часть города) (Рис. 12). Фанагория в своей основе имела неправильный четырехугольник. Важным требованием к местности при основании городов была возможность создания удобных гаваней, поэтому вновь основанные города Северного Причерноморья возникали

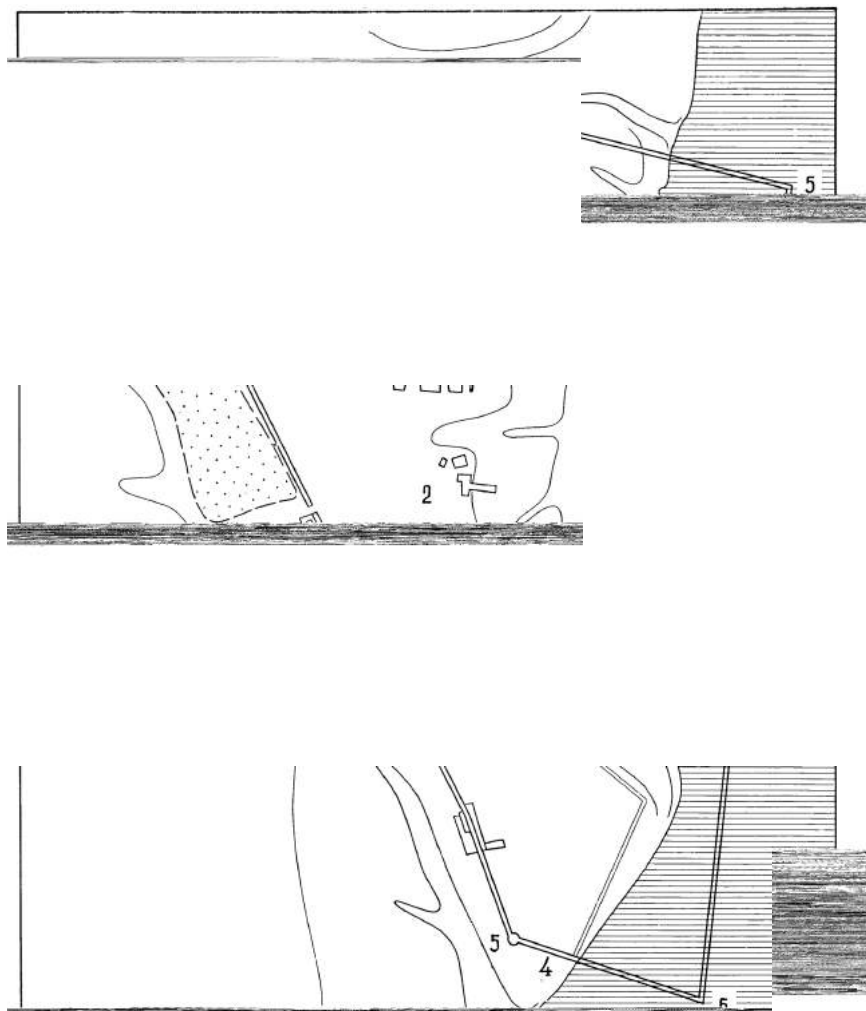

Рис. 10. План Ольвии

непосредственно на берегах Черного и Азовского морей (Пантикапей, Феодосия, Фанагория, Херсонес) или лиманов (Ольвия).

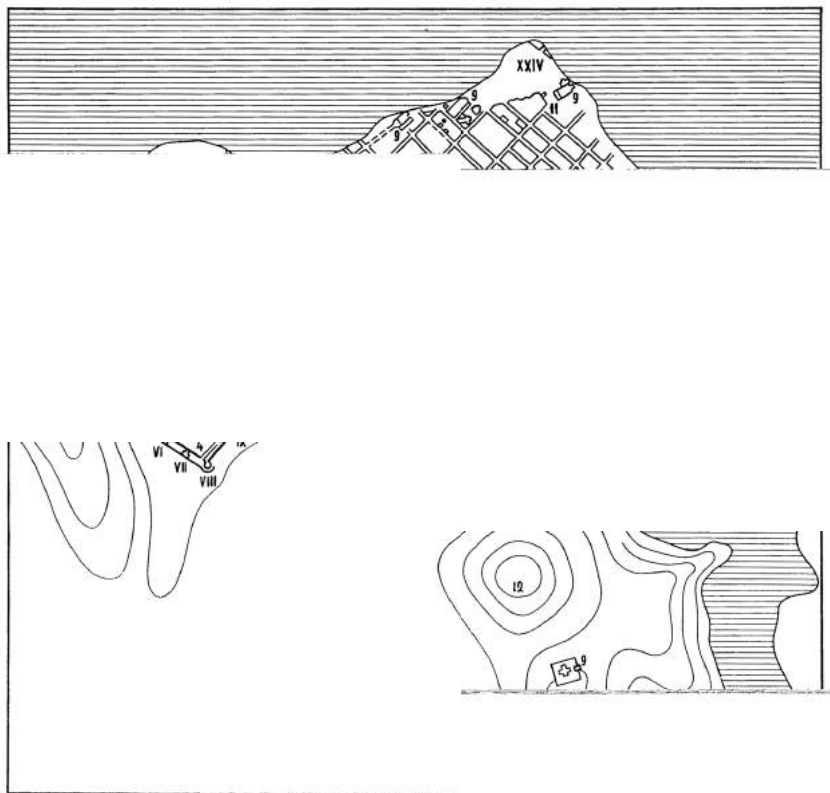

Рис. 11. План Херсонеса

Ранние греческие поселения в Северном Причерноморье были небольшими по площади. Например, площадь Пантикапея в VI в. до н. э. была около 7,5 га с населением не более 2-3 тысяч человек [Блаватский, 1964, с. 25], территория Ольвии около середины VI в. до н. э. составляла не более 6 га, но уже во второй половине VI в. до н. э. достигла 16,5 га [Крыжицкий, 1993, с. 36], в это же время площадь Фанагории составила 20 га [Долгоруков, 1990, с. 30-33]. Городские территории в этот период были застроены землянками и полуземлянками, поэтому греческие поселения еще мало походили на города.

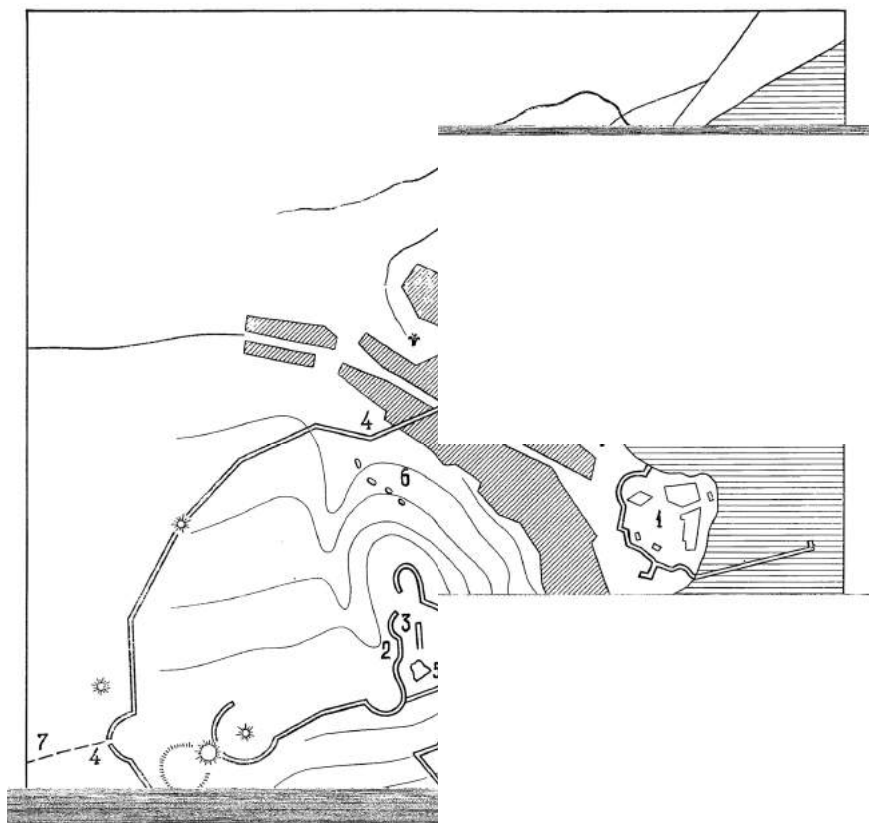

Рис. 12. План Пантикапея

Земляные конструкции обычно заглублялись в землю, имели площадь от 6 до 15 кв. м., в некоторых из них обнаружены остатки очагов, лежанки, столики, ниши. Полы были глинобитными, одно- или двускатные крыши покрывались камышом или соломой. Такие земляные сооружения выявлены в Ольвии, Пантикапее, Мирмекии, Фанагории, они появляются в VI в. до н. э. или в конце VI – начале V вв. до н. э.

[Крыжицкий, 1993, с. 41; Бутягин, 2001, с. 36-41] (Рис. 13, 14). М. И. Золотарев предположил наличие землянок и в Херсонесе [Золотарев, 1987, с. 331]. Против этой точки зрения выдвинул аргументы В. М. Зубарь [Зубарь, 2004, с. 92-95; Херсонес Таврический, 2005, с. 70-72], поясняя невозможность строительства подобных земляных сооружений в Херсонесе из-за специфики природных условий и сложности подрубки скальных пород. Следует подчеркнуть, что полужемляночное домостроительство носило временный характер, связанное с экономическими и хозяйственными трудностями греческих

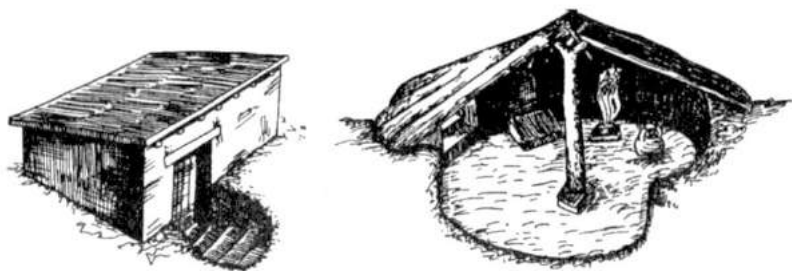

Рис. 13. Реконструкция земляных сооружений из Ольвии

Рис. 14. Реконструкция земляных сооружений из Мирмекия

переселенцев при освоении новых территорий. Через некоторое время, вероятно, 50-80 лет, полуземляночные комплексы сменяются наземными многокомнатными сырцово-каменными сооружениями [Соловьев, 1994, с. 85-95; Отрешко, 2009, с. 101]. С V в. до н. э. они становятся основным видом городских сооружений, а строительство землянок и полуземлянок в пределах городской черты прекращается. Дома группируются в кварталы, в которых, наряду с жилищными постройками, часто размещаются ремесленные мастерские. Застройка городских территорий становится более планомерной. В отличие от других городов Северного Причерноморья, Херсонес изначально застраивался согласно регулярной системе планировки (так называемая «гипподамовая система»), но наземное домостроительство начинается здесь позднее, во второй четверти – середине третьей четверти IV в. до н. э. [Буйских, Золотарев, 2001, с. 113; Сорочан, 2005, с. 72]. На основе единого регулярного плана, возможно, происходила и застройка Фанагории [Античные государства, 1984, с. 198].

Уже на раннем этапе градостроительства в греческих поселениях происходит формирование улиц, возникают общественно-административные центры (агора). Изначально агора представляла собой открытую площадь, где производилась торговля, происходили народные собрания и культовые церемонии. С V в. до н. э. вокруг общественно-административных центров появляются лавки торговцев, административные здания, здание суда (дикастерий), гимнасий [Карасев, 1975, с. 3]. В тех городах, где особая роль отводилась морской торговле, агора могла располагаться вблизи порта, как, например, в Фанагории. Более часто такие центры городской жизни обустраивались на пересечении главных улиц в центральной части города (Ольвия, Херсонес). Вблизи агоры размещались священные участки (теменосы), на которых были сосредоточены основные храмы со священными рощами, алтари, мастерские для изготовления культовых предметов, сокровищницы. Теменосы окружались священной оградой [Крыжицкий, Буйских, 1990, с. 34-35]. Во второй половине VI в. до н. э.

на священном участке Пантикапея возводится храм Аполлона Врача, построенный в форме периптера. В середине VI в. до н. э. появляется священный участок Деметры в Нимфее [Худяк, 1962, с. 43]. В Ольвии уже в VI в. до н. э. действовало два теменоса. Один был связан с культом Аполлона Врача и появился в середине – второй половине VI в. до н. э. [Русяева, 1988, с. 170]. На втором, центральном, теменосе Ольвии в V в. до н. э. строится храм Аполлона Дельфиния, здесь же был расположен главный алтарь города. Алтарь представлял собой объемный параллелепипед, сверху которого находились три плиты с круглыми углублениями для возлияний (Рис. 15). С юга и севера к нему были пристроены площадки, на одной из которых стоял жрец, а на другой располагался постамент для установки культовой статуи [Ольвия, 1999, с. 107]. Вероятно уже в VI в. до н. э. на территории центрального теменоса располагалась священная роща [Карасев, 1964, с. 32-33] (Рис. 16).

Фортификационные сооружения VI–V вв. до н. э. представляли собой земляные валы, деревянные ограды или стены из сырцового кирпича. Они были недолговечными и при расширении городских территорий уничтожались. Согласно рассказу Геродота о Скиле [Геродот. История, IV, 78-80], Ольвия уже в V в. до н. э. имела оборонительные стены, но достоверно обнаруженные остатки сырцовых кладок ранних стен относятся к первой половине IV в. до н. э. [Крыжицкий, Лейпунская, 1988, с. 10-32]. В конце V – начале IV вв. до н. э. оборонительной стеной окружается Херсонес [Сорочан, Зубарь, Марченко, 2000, с. 63]. К V в. до н. э. относятся остатки оборонительных сооружений Пантикапея, Фанагории, Тиритаки, Мирмекия. Стены Пантикапея были сложены из двух рядов каменных блоков, промежутки между которыми заполняли огромные каменные глыбы. В Тиритаке стены были сооружены из сырцовых кирпичей, поставленных на каменный фундамент, но в конце VI – начале V в. до н. э. они не окружали городскую территорию, а были встроены в промежутки между домами. В дальнейшем (в IV–III вв. до н. э.)

Рис. 15. Главный алтарь, Ольвия, VI–V в. до н. э.

Рис. 16. Центральный теменос Ольвии, V в. до н. э.
(реконструкция А. Н. Карасева)

городские укрепления Тиритаки перестраиваются, усиливаются башнями (Рис. 17).

Второй этап градостроительства охватывает период с IV по II вв. до н. э. и характеризуется расцветом градостроительного искусства греков в Северном Причерноморье. Это время

основания новых городов, преимущественно на территории Боспора.

В IV в. до н. э. на месте прежнего Синда образуется Гор-гиппия, получившая свое название от имени представителя спартокидовской династии, возникает Танаис, в конце IV в. до н. э. Херсонес основывает Калос Лимен (Рис. 18) [Античные государства, 1984, с. 199; Щеглов, 1978, с. 36]. Значительно увеличиваются площади уже существующих городов. Ольвия (Рис. 19), Херсонес, Пантикапей, Фанагория достигают площади в 30-50 га, а количество жителей от 12 до 20 тыс. человек.

Существуют средние по размерам города, занимающие территорию до полутора десятка гектар и имеющие население в 2-5 тыс. человек, например Мирмекий и Тиритака. Примечательно, что даже небольшие города в этот период уве-

личивают свою территорию. В конце V в. до н. э. площадь Керкенииды составляла 4,2-4,3 га, а во второй половине IV в. до н. э. – 5,3 га [Кутайсов, 2003, с. 75].

Застройка Херсонеса в данный период продолжается на основе единого регулярного прямоугольного планирования [Крыжицкий, 1993, с. 7]. Окончательно процесс складывания городской планировочной системы здесь завершился к началу последней четверти IV в. до н. э. [Кутайсов, 2003, с. 63-64]. Территория Херсонеса была разделена на кварталы, по 2-4 дома в каждом, перпендикулярно пересекающимися

Рис. 17. Городская ограда в Тиритаке: 1 – остатки городской ограды, 2 – западная стена здания

Рис. 18. Городище Калос Лимен

Рис. 19. Ольвийское городище (аэрофотосъемка)

улицами (6 продольными и 20 поперечными) (Рис. 20) [Буйских, Золотарев, 2001, с. 113].

На восток от центра города возле главной продольной улицы располагалась агора. Далее на восток главная улица выходила еще на священный участок, восточную часть которого занимал храм [Золотарев, 1987, с. 330-331]. На запад от агоры, более чем на 100 м, рядом с главной продольной улицей, был размещен театр, построенный в последней четверти IV в. до н. э. (Рис. 21) [Домбровский, 1960, с. 29-36].

В IV–III вв. до н. э. в Ольвии, Херсонесе, Пантикапее, Фанагории проводятся большие градостроительные работы, связанные с кардинальной перестройкой целых кварталов. В этот период в Ольвии и Фанагории происходит выделение Верхнего и Нижнего города (Рис. 22).

Пантикапей в рассматриваемый период разделяется на три части – верхнюю, нижнюю и террасную. Улицы Пантикапея представляли собой террасы, шириной до 20 м, расположенные по склонам холма. Террасы укреплялись подпорными стенами и связывались между собой лестницами. В верхней части города располагался хорошо укрепленный акрополь, застроенный в это время дворцовыми и культовыми постройками [Толстиков, 1984, с. 35]. Во II в. до н. э.

Рис. 20. Херсонес, прямоугольная система планирования

Рис. 21. Театр в Херсонесе

Рис. 22. Верхний город Фанагории

в средней части террасы возводится пританей – здание городских властей [Марченко, 1968, с. 48]

В Ольвии проводятся активные строительные работы, как в Верхнем, так и в Нижнем городе, застраивается склон, соединяющий обе части. Каждая часть города имеет свою планировку, при этом, в отдельных районах используется прямоугольная система планирования, но лишь частично. Нижний город занимает территорию в 17 га [Ольвия, 1999, с. 160]. В этой части Ольвии был устроен рыбный рынок [IOSPE, I², 32; Крыжицкий, 1993, с. 93]. Надписи сообщают о существовании в городе в данное время театра [IOSPE, I², 25; НО, 28]. Возможно, он располагался на склоне, соединяющем Верхний и Нижний город, но пока не обнаружен.

В Верхнем городе велись интенсивные работы по архитектурному оформлению общественного центра – агоры, которая находилась на пересечении главных городских магистралей. Ольвийская агора в этот период представляла собой прямоугольную площадь размером около 3,5 тыс. м² (Рис. 23) [Леви, 1985, с. 69; Крыжицкий, 1993, с. 94]. В ее северной части располагался большой портик – стоя, за которым находился теменос с храмом Аполлона Дельфиния. С запада к агоре примыкали – здание суда (дикастерий), лавки торговцев, богатый жилой дом (сохранилось имя его владельца – жреца Агрота), здание государственных коллегий. Вдоль южной границы было расположено еще одно здание коллегий и гимнасий (место для занятий гимнастикой и получения образования), с востока – торговый ряд.

Следует подчеркнуть, что уже стало традиционным выделение трех основных типов городской застройки в Северном Причерноморье, которые наиболее ярко проявились в IV–II вв. до н. э. [Античные государства, 1984, с. 199–200; Крыжицкий, 1993, с. 56]. К первому типу относятся города со стилизованной иррегулярной планировкой (например, боспорские города Тиритака и Мирмекий). Этому типу характерны разнообразные по размерам и конфигурации кварталы, которые располагались вдоль кривых улиц и переулков. К этому же

типу принадлежит планировка Пантикапея, вызванная характером рельефа местности. Городские кварталы Пантикапея располагались по склонам горы Митридат, поэтому улицы часто представляли собой лестницы. Ко второму типу (наиболее распространенному) относятся города, где отсутствовал единый регулярный план, но использовались элементы прямоугольной системы планировки в рамках отдельных районов. Примером такого города является Ольвия. Ольвийские улицы не были прямолинейными и строго параллельными, они меняли свое направление в зависимости от рельефа. Жилые кварталы города имели форму четырехугольников, но нестандартных размеров. В среднем каждый квартал состоял из

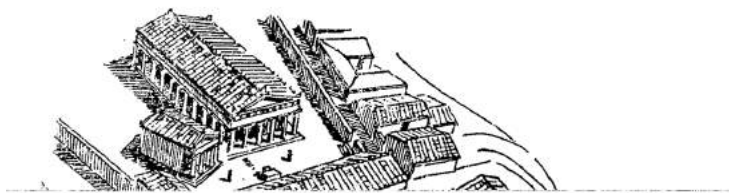

Рис. 23. Центральная часть Верхнего города Ольвии
(реконструкция С. Д. Крыжицкого)

2-4 домов, но известен пятиугольный квартал, где было более 10 домов. К третьему типу принадлежат города с единой регулярной прямоугольной планировкой, основанной на сети пересекающихся под прямыми углами улиц (гипподамова система планировки). Примером таких городов могут быть Херсонес и, возможно, Фанагория. В Херсонесе основу градостроительного плана составляли прямоугольные кварталы, состоящие из 4-6 домов, которые разделялись пересекавшимися под прямым углом улицами.

Непохожим на другие города Северного Причерноморья было градостроительство Танаиса. Половину этого города составляли варвары, что четко выразилось в появлении двух самостоятельных районов города, различающихся по характеру застройки. Эти районы были окружены самостоятельными укреплениями в пределах городской черты. В восточной части, где жили греки, все дома были сложены из плоских, подтесанных и тщательно подогнанных камней, имели одинаковую ориентацию и относительно прямоугольную планировку. В западном районе, где располагалось местное варварское население существовало хаотичное расположение домов с острыми и тупыми углами, с изогнутыми в плане стенами, сложенными из необработанных камней. Дома этого района располагались вдоль узких извилистых проходов [Книпович, 1949, с. 53-80].

С. Д. Крыжицкий, на основе анализа имеющихся градостроительных планов и, ориентируясь на высказывание Аристотеля, по поводу правильного планирования городов, приходит к выводу, что наиболее соответствует региону Северного Причерноморья планировка Ольвии [Крыжицкий, 1993, с. 89]. Согласно Аристотелю, планировка города должна быть такова, «чтобы с трудом могли найти выход из города чужеземные войска и нападающим на город трудно было в нем ориентироваться». Поэтому правильной планировки нужно придерживаться только по отдельным частям и кварталам, что должно способствовать безопасности города и его благообразию [Аристотель. Политика, VII, 10, 4-5]. Греческой

системе градостроительства вообще была присуща регулярная прямоугольная система планирования. Видимо, местные особенности Северного Причерноморья, близость варварских племен, нестабильность ситуации в регионе и особенности рельефа местности привели к широкому распространению второго типа градостроительной системы, совмещающей черты регулярной и не регулярной планировки.

Особенностью рассматриваемого этапа градостроительства в Северном Причерноморье является выделение отдельных районов в городах по социальному признаку. Центральные части городов, где были размещены агора и связанные с нею сооружения административного или общегражданского назначения, культовые участки (теменосы), застраивались домами богатых граждан. Жилища бедноты, дома ремесленников располагались по окраинам городов. Подобное районирование в IV–II вв. до н. э. осуществлялось в Ольвии, Фанагории, Пантикапее (Рис. 24) [Гайдукевич, 1949, с. 166].

Рис. 24. Богатый дом вблизи акрополя Пантикапея

Дома окраинного района Ольвии были небольшие по площади (около 100 м²), в центре же располагались жилые строения площадью свыше полутысячи квадратных метров, дома различались и богатством декора [Крыжицкий, 1971, с. 77]. В Ольвии в Верхнем городе в эллинистическую эпоху вокруг агоры и теменоса группировались дома высшей аристократической верхушки города [Николаев, 2014, с. 212]. Это были дом жреца Агрота и два больших по площади дома (ЗК-1 и ЗК-2), расположенных в районе Зевсова кургана [Леви, 1985, с. 40-43]. Богатый дом жреца Агрота Дионисиева, выходявший непосредственно на агору, был украшен статуей Артемиды Ольвийской (кон. III в. до н. э.). Два упомянутых дома (ЗК-1 и ЗК-2) резко отличались по системе благоустройства от всех других домов, расположенных в районе Зевсова кургана. Оба они составляли квартал общей площадью 800-1000 кв. м. Дом ЗК-1 был расположен у края склона, откуда открывался величественный вид на лиман. Андрон (мужская часть) этого дома был украшен мозаичным полом из разноцветной гальки. Рядом с андроном располагались другие парадные комнаты, в одной из них были обнаружены фрагменты полихромной штукатурки. Другое парадное помещение этого дома украшали скульптуры Гигии, Асклепия, Эрота (III в. до н. э.) [Ильина, 2004, с. 150].

В Херсонесе небогатые хозяйственно-жилые дома с сохранившимися остатками ремесленного производства концентрировались на Северном берегу, а богатые большие по площади с перистильными дворами дома возводились вдоль одной из основных магистральных улиц города [Херсонес Таврический, 2005, с. 331]. В городах Северного Причерноморья керамические мастерские в целях противопожарной безопасности были вынесены за пределы городской черты, где они, подобно афинскому Керамику, образовывали целые кварталы [Knigge, 1991, р. 360]. Так было, например, в Херсонесе, Фанагории и Горгии [Алесева, 1997, с. 168].

В рассматриваемый период происходит усиление оборонительных сооружений городов Северного Причерномо-

рья, вызванное натиском местных варварских племен. Стены Тиря, которые, вероятно были построены в конце V в. до н. э., а впоследствии неоднократно подвергались разрушению и перестраивались, в эллинистический период усиливаются башнями, пристраивается южная куртина, сложенная из огромных плит, поставленных вертикально [Античные памятники, 2001, с. 95-97]. Мощные оборонительные стены, которые теперь из-за роста городских территорий окружают значительные территории, реконструируются и усиливаются башнями во многих городах Северного Причерноморья (Ольвия, Херсонес, Пантикапей, Фанагория, Тиритака). Стены имеют укрепленные ворота и вылазные калитки, необходимые при обороне городов (Рис. 25).

Толщина оборонительных стен Херсонеса в рассматриваемый период составляла 3,85 м [Иванов, 1912, с. 294]. Для сравнения, стены Афин, построенные Фемистоклом, имели всего 2,4-2,6 м. Укрепления Пирея, созданные трудами Кимона и Перикла, имели толщину от 2,5 до 3,6 м и только в одной части равнялись 5 и более метрам [Knigge, 1991, р. 49]. Херсонесские стены имели полукруглые башни диаметром от 8 до 10 м и четверо ворот (шириной до 3,8 м). Ворота закрывались деревянными створами с задвигающимся засовом и имели катаракту (железную решетку) [Гриневич, 1927, табл. II]. В условиях военной угрозы они заваливались камнями и бревнами. Во второй четверти – середине III в. до н. э. в юго-восточной части Херсонеса возводится хорошо

Рис. 25. Херсонесские ворота III в. до н. э. (в верхней части – проем римского времени)

укрепленная цитадель, при строительстве башен и куртин которой использовались надгробные памятники из близлежащего некрополя [Зубарь, Антонова, 2001, с. 46-50].

Оборонительная система Ольвии была одинарной, стены усиливались прямоугольными башнями (Рис. 26). Во второй половине IV–III вв. до н. э. мощные стены и башни заменили более ранние укрепления, построенные из сырцового кирпича. Изначально Ольвия была окружена стенами с трех сторон, в III в. до н. э., согласно декрету в честь Протогена [IOSPE, I², № 32], оборонительные сооружения строятся вдоль береговой линии со стороны лимана [Крыжицкий, 1984, с. 45]. Общая протяженность городских стен Ольвии в эллинистический период составила 2850 м [Карасев, 1948, с. 33]. Оборонительные сооружения Верхнего города Ольвии включали двое ворот – северные и западные. Западные ворота, вероятно, главные ворота города, в конце IV в. до н. э. были усилены двумя

Рис. 26. Оборонительные стены Ольвии (фото О. А. Ручинской)

квадратными башнями, высота которых могла достигать 12-15 м при двух-трех ярусах. Между башнями располагалась куртина толщиной до 4,5 м, в которой был устроен проем ворот (Рис. 27) [Крыжицкий, Лейпунская, 1988, с. 22-23].

В IV–II вв. до н. э. претерпевают серьезных изменений укрепления акрополя Пантикапея, в этот период окончательно определилась его территория (Рис. 28). Оборонительная система Пантикапея на отдельных участках представляла собой двойную линию стен с башнями. Куртины завершались боевыми площадками с защитными зубцами [Толстиков, 1977, с. 156-166]. Вблизи башен располагались подсобные помещения, где хранилось оружие, военные припасы. Высота оборонительных сооружений могла достигать 7-10 м, толщина стен акрополя доходила до 2,5 м. Возле ворот северной оборонительной линии находилась вылазная калитка [Толстиков, 1984, с. 33-39].

Следует подчеркнуть, что для обороны греческих городов Северного Причерноморья не было характерно применение

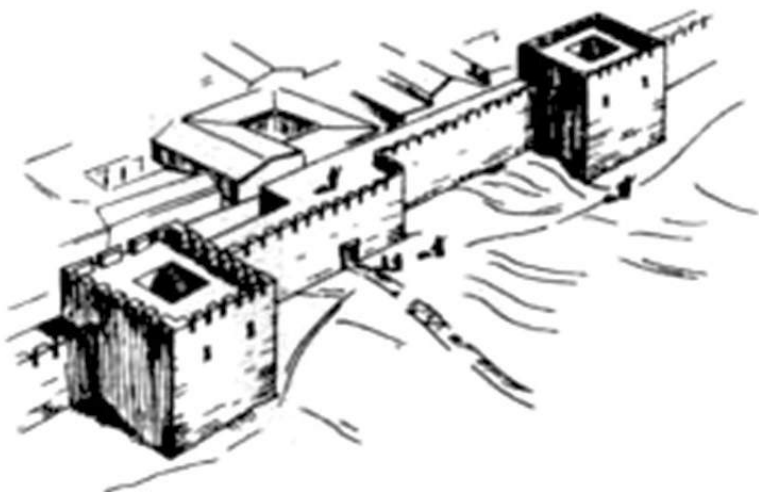

Рис. 27. Реконструкция западных ворот Ольвии (по С. Д. Крыжицкому)

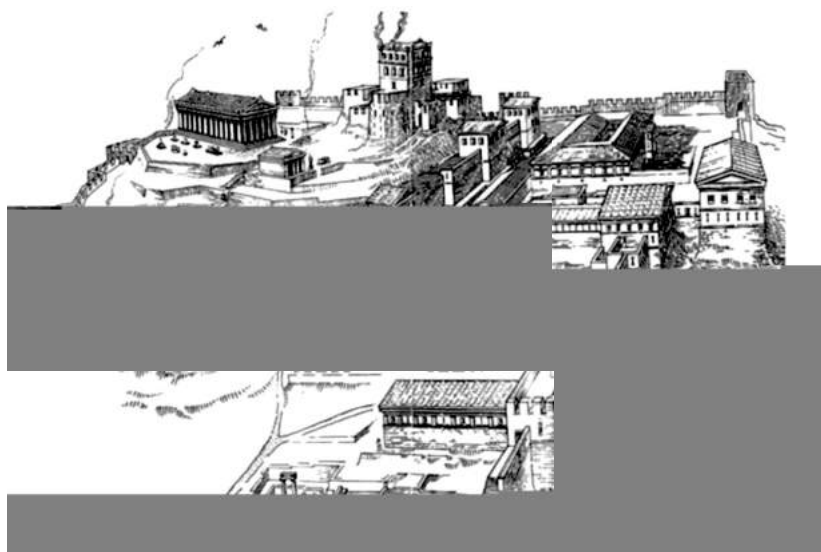

Рис. 28. Реконструкция акрополя Пантикапея III в. до н. э.
(по В. П. Толстикову)

искусственных рвов и валов. Обычно с этой целью использовались естественные преграды в виде балок. Исключение составляют два параллельных вала, которые пересекали Керченский полуостров с севера на юг – Тиритакский вал (тянулся от Тиритаки, мимо Пантикапея на север к Азовскому морю) и, так называемый, Узунларский или Аккосов вал (проходил от Узунларского озера к Меотиде, длиной 35-36 км). Валы изначально были земляными и имели догреческое происхождение, но в V–IV вв. до н. э. эллины усилили их каменными крепидами и башнями [Блаватский, 1954, с. 102]. Эти валы имели не локальное, а стратегическое назначение, располагались далеко за пределами городов и предназначались для защиты огромных территорий Боспорского царства.

Третий этап градостроительства (I в. до н. э. – IV в. н. э.) связан с серьезными изменениями, которые произошли в истории греческих городов Северного Причерноморья. В I в.

до н. э. многие города подверглись разрушениям, связанным с военными действиями, нашествием гетов, почти полностью разрушившим Ольвию. Разрушительные последствия имело и землетрясение 63 г. до н. э., от которого особенно пострадали бспорские города. Вхождение греческих городов, начиная с I в. н. э., в орбиту влияния Рима, появление в них постоянных римских гарнизонов также оказало серьезное влияние на систему городской застройки. В связи с этим, данный этап характеризуют как период постепенного упадка эллинского градостроительства в Северном Причерноморье.

После разрушительного нашествия гетов, Ольвия не смогла восстановиться в прежних границах, ее площадь уменьшилась в три раза, возросла скученность застройки, особенно в Нижнем городе. Побывавший в Ольвии в конце I в. н. э. риттор Дион Хрисостом, отмечал «...плохой вид построек и тесное расположение города на небольшом пространстве...» [Дион Хрисостом. Борисфенитская речь, XXXVI]. Территории остальных городов продолжают увеличиваться. Площадь Пантикапея в данный период достигла 100-120 га, Фанагории – 50-60 га, Феодосии – 20 га, а Херсонеса – 27 га [Блаватский, 1951, с. 16; Кобылина, 1956, с. 67; Кадеев, 1996, с. 25; Петрова, 2000, с. 102]. Несмотря на то, что среди населения в римский период появляется большое количество варваров или их потомков, а в число членов гражданских коллективов включаются те, кто имели права римского гражданства, города и в первые века н. э. сохраняют свои прежние градостроительные планы, основанные на эллинских традициях. Сохраняется и прежняя планировка Пантикапея, строительные работы ведутся на основе уже сложившихся уличных сетей, сооружаются новые террасы. Однако, с III в. н. э. террасная планировка столицы Боспорского царства сменилась улицами и домами, которые приспособлялись к рельефу местности. Строительные работы в Фанагории и Горгиппии приводят к тому, что здесь вместо старых богатых построек возводятся новые, более простые по убранству здания. Все работы, судя по надписям из Танаиса, Горгиппии и других

боспорских городов, проводились под руководством профессиональных архитекторов, местных или специально приглашенных из Греции. Вместе с тем, в некоторых частях городских территорий, на месте ранее существовавших общественных и культовых сооружений IV–II вв. до н. э., возникают пустыри (Пантикапей, Фанагория, Ольвия). Среди жилых кварталов получили распространение комплексы ремесленных мастерских, рыбозасолочных сооружений, виноделен (Пантикапей, Фанагория, Мирмекий, Тиритака, Херсонес). Проводится довольно активное строительство домов со смешаной хозяйственно-жилой функцией (дом-«пекарня» в Ольвии, дом винодела в Херсонесе, дом с торговым складом в Танаисе) [Крыжицкий, 1982, с. 99]. Большую часть малых городов Боспора занимают теперь хозяйственные помещения (винодавильни, рыбозасолочные цистерны). Зернохранилища появляются и в пределах городской черты Пантикапея. Но керамические мастерские, по-прежнему, сосредоточены за пределами городских территорий (Ольвия, Фанагория). Внутренняя планировка Херсонеса продолжала в основных чертах сохранять свою прямоугольную и относительно регулярную систему. Херсонес состоял из двух частей – Верхнего и Нижнего города, но нижняя часть составляла лишь десятую часть от всей площади города и все основные строительные работы проводились в верхней части. Там, в частности, вместо ряда небольших домов строятся богатые здания, занимающие целый квартал [Белов, 1953, с. 17]. Подвергается серьезной перестройке театр Херсонеса, в период с I по III вв. здание театра было полностью реконструировано и превращено в типично римское строение. Во II в. в нижней части города строится римская цитадель, включавшая здание казармы и термы (площадью 250–300 м²) [Антонова, Аркадова, 1971, с. 270–271].

Термы стали новым типом городских сооружений, появившимся в городах Северного Причерноморья в связи с приходом римлян. Помимо Херсонеса, термы были построены в Пантикапее, Хараксе [Крыжицкий, 1993, с. 176]. Таким же новым, типично римским, явлением было строительство ци-

таделей. Римские цитадели возводились в греческих городах без учета уже сложившихся уличных сетей и городских архитектурных ансамблей. Они очень ярко выделялись на фоне остального городского пейзажа. В Тире, в связи с присутствием римских войск, часть оборонительных сооружений эллинистического времени была перестроена в цитадель, где размещался гарнизон. Внутри цитадели было отстроено здание вексилляции (одноэтажное здание, площадью 66 м², состоящее из одного помещения). С середины II в. н. э. римская цитадель заняла южную треть Верхнего города Ольвии. Она была застроена массивными сооружениями, связанными с жизнью римского гарнизона [Крыжицкий, 1993, с. 176]. Цитадели Тиры и Ольвии, крепость Пантикапея в градостроительном отношении доминировали над городом. В Херсонесе, Ольвии, Тире цитадели были окружены поясом укреплений в пределах городской черты и, таким образом, возникало две оборонительные линии [Гриневич, 1927; Карасев, 1948; Карышковский, Клейман, 1985, с. 100]. Основная оборонительная система, как и ранее, представляла собой систему стен и башен. Практически во всех без исключения городах строились новые укрепления, восстанавливались и реконструировались старые. В Херсонесе в этот период была возведена протейхизма – передовая (дополнительная) стена, находящаяся перед основными оборонительными сооружениями [Гриневич, 1959, с. 86-90]. Херсонесские башни укреплялись дополнительными поясами. Общее количество башен, которые были круглые и прямоугольные по форме, достигла двух с половиной десятков. Был значительно увеличен диаметр башни Зенона, приблизительно на 3,5 м, и достиг 11,4-11,6 м [Стржелецкий, 1969, с. 17]. Стены Херсонеса в этот период надстраивались, в них были устроены вылазные калитки (Рис. 29) [Гриневич, 1959, с. 86-90]. Изображение системы херсонесских укреплений на стене склепа IV в. н. э. позволяет представить верхние части ныне исчезнувших стен (Рис. 30).

В Пантикапее при строительстве оборонительных сооружений, видимо, начинает применяться, так называемый,

Рис. 29. Вылазная калитка в стене Херсонеса

Рис. 30. Оборонительные стены Херсонеса (изображение на стене склепа IV в. н. э.)

римский бетон, что позволило создавать арочные конструкции. Монеты Савромата I (93-103 гг.) и Рескупорида II (68-92 гг.) отражают наличие башен у ворот Пантикапея и арочные полуциркульные завершения самих ворот (Рис. 31) [Зограф, 1951, табл. 22].

Завершение третьего этапа градостроительства в греческих городах Северного Причерноморья приходится на рубеж III–IV вв. В этот период размах городских строительных работ резко падает. Реставрация оборонительных сооружений продолжается только в Херсонесе и Танаисе. Большин-

ство городов резко сокращаются в своих размерах (за исключением Пантикапея и Фанагории) и в них возрастает скученность застройки. Увеличивается количество хозяйственных комплексов, в пределах городской черты, на месте образовавшихся пустырей (Фанагория), появляются керамические обжигательные печи. Ухудшается благоустройство городов. Со второй половины IV в. почти все сохранившиеся к тому моменту греческие города Северного Причерноморья, за исключением Херсонеса, погибают под натиском гуннов.

Система благоустройства. Эллы перенесли в Северное Причерноморье не только свою систему градостроительства, но и стремились обустроить свое пребывание на новых территориях в соответствии с привычными представлениями, соответствовавшими их эстетическим взглядам на удобные и здоровые условия жизни. Прежде всего, это касалось оптимального планирования уличных сетей, санитарно-гигиенических норм, художественного оформления центральных площадей и других общественных мест, жилых домов. Поэтому, уже с момента основания, в греческих городах Северного Причерноморья большое значение придавалось системе благоустройства.

Вопросами благоустройства и санитарного обеспечения греческих городов, функционированием систем водообеспечения и водоотведения, ликвидацией твердых отходов, обеспечением необходимых условий аэрации (воздухообмена) и инсоляции (проникновение солнечных лучей) занимались специальные должностные лица – астиномы (ἀστυνόμος), своего рода градоначальники. На существование таких

Рис. 31. Изображение крепостных ворот на монете Пантикапея, вторая половина I в. н. э.

магистратов в Северном Причерноморье указывают астиномные клейма на продукции керамического производства (Рис. 32) [Цехмистренко, 1971, с. 20]. Кроме того, по данным эпиграфики и литературной традиции известно, что в городах Северного Причерноморья существовали специальные попечители источников. Круг обязанностей астиномов был очень широк. По свидетельству Аристотеля, они должны были «беспокоиться о городских и пригородных источниках, чтобы они были чистыми, и, чтобы каналы, которые впадают и вытекают из них, не засорялись... переписать все наличные цистерны... и следить за тем, чтобы хозяева держали цистерны закрытыми и ни одна из существующих ранее не была засорена. Астиномы должны следить за общественными отхожими местами, за стоками из них...» [Аристотель. Афинская полития, II, 50; Аристотель. Политика, VI, 5, 3]. Кроме того, в обязанности астиномов входила забота о содержании в надлежащем порядке зданий, жилых домов, городских стен, дорог, надзор за соблюдением тех правил строительства, которые призваны обеспечивать общественное благоустройство. Они обладали и некоторыми полицейскими функциями, поскольку, за нарушение правил могли арестовывать и наказывать провинившихся [Платон. Законы, VI, 758; Аристотель. Афинская полития, II, 50]. Все это призвано было обеспечить

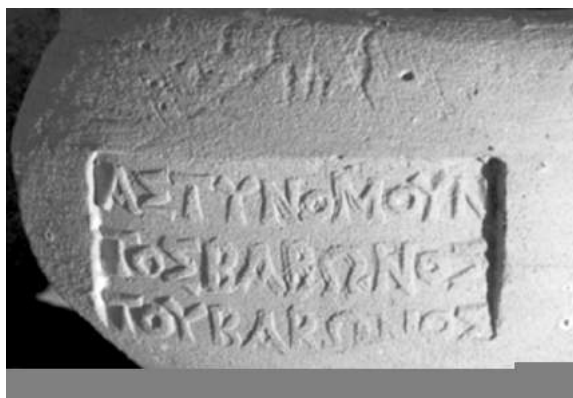

Рис. 32. Клеймо на ручке Херсонесской амфоры с упоминанием астинома

нормальное функционирование системы благоустройства греческих городов.

Несмотря на то, что первоначальная застройка большинства греческих поселений в Северном Причерноморье осуществлялась стихийно, она подчинялась определенной регламентации, что проявлялось в единой для большинства жилищ ориентации и стремлении к размещению их рядами. Одновр

Рис. 33. Улица в Херсонесе

Рис. 34. Улочка в Ольвии
(фото О. А. Ручинской)

Главная продольная улица в Херсонесе также в это время покрывалась плитами больших размеров [Гриневиц, 1931, с. 14-15; Кадеев, 1996, с. 26]. Ширина главной продольной улицы составляла 6,5 м, второстепенных улиц Херсонеса – 3,265 м [Буйских, Золотарев, 2001, с. 115]. Под вымостками улиц проходили водостоки, что способствовало быстрому стоку атмосферных осадков с городских территорий. Активное террасирование, которое проводилось в первые века н. э. на склонах акрополя

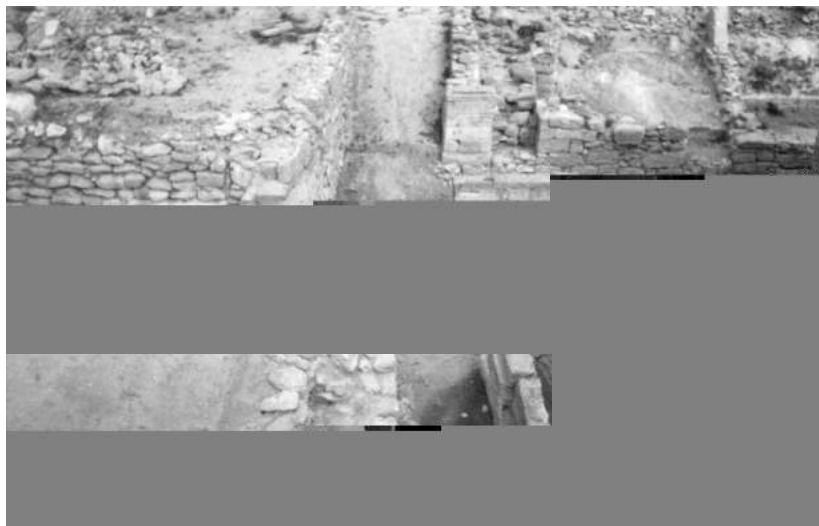

Рис. 35. Улочка в Нимфее (фото О. А. Ручинской)

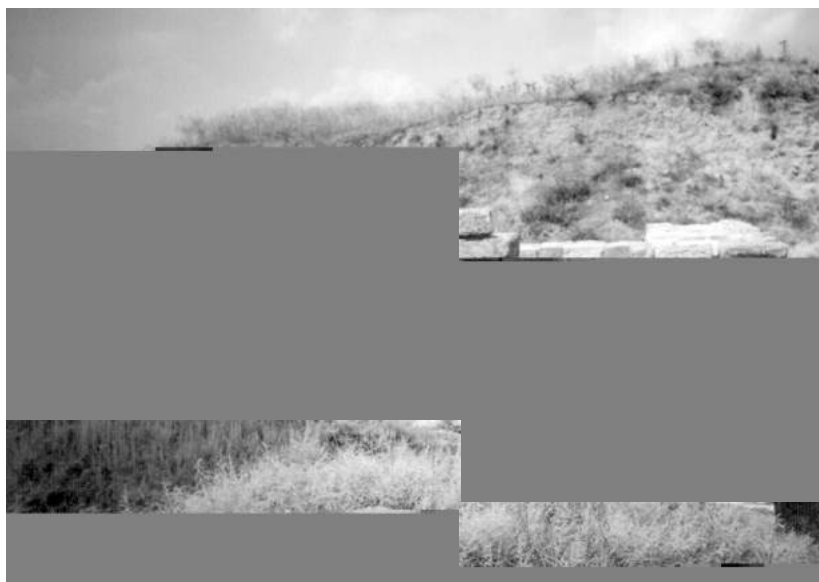

Рис. 36. Улица-лестница в Ольвии (фото О. А. Ручинской)

Рис. 37. Горгиппия, главная улица

Пантикапея, также обеспечивало сток вод и предупреждало разрушение террас.

Традиционно, в греческих городах с регулярной планировкой, как, например, в Милете, ориентация улиц велась не по сторонам света, а по промежуточным румбам [Ehrhardt, 1983, S. 140]. Придерживались этой традиции в определенной степени и в Северном Причерноморье. В Херсонесе, Фанагории, Илурате и других городах большая часть жилых помещений была ориентирована на юг, юго-запад, юго-восток, что создавало необходимые условия для инсоляции жилых домов.

Каждый город имел собственную систему водообеспечения и дренажа. В. Н. Зинько подразделяет греческую гидротехническую систему на три типа: 1) источники (колодцы, родники, фонтаны), 2) водосборные сооружения (водохранилища, цистерны), 3) водоводные системы (водопроводы, водостоки) [Зинько, 1999, с. 142]. Все эти элементы гидросистемы засвидетельствованы материалами Северного Причерноморья. Водоснабжение городов осуществлялось за счет природных источников и общественных колодцев, расположенных на улицах. Наиболее ранние колодцы, глубиной до 5 метров, были обнаружены на поселении Борисфен (VII в. до н. э.)

(Рис. 38) [Отрешко, Мазарати, 2009, с. 90]. К эллинистическому времени относится общественный колодец, глубиной около пятнадцати метров, обнаруженный в районе ольвийского гимнасия [Леви, 1985, с. 127].

В Ольвии в пределах Нижнего города были выходы пресных вод, которые жители оформляли каптажами и колодцами. Вода также подводилась от источников к общественным фонтанам с помощью устройства специальных гидросистем или самотеком. В отдельных районах Нижнего города Ольвии вода из городских водопроводов поступала к каждому дому. Для сбора воды устраивались во дворах индивидуальные колодцы, квадратные или круглые в плане, выложенные каменными плитами, рылись глубокие цистерны, земляные стены которых покрывались водонепроницаемым известняковым раствором [Леви, 1985, с. 137]. На перекрестках улиц устраивались

Рис. 38. Колодец на поселении Борисфен (фото О. А. Ручинской)

колодцы и, возможно, фонтаны (Рис. 39) [Кудренко, 1984, с. 178-188]. В Верхнем городе Ольвии вода хранилась в специальных общественных водоемах и цистернах [Крыжицкий, 1971, с. 36, 128; Античные памятники, 2001, с. 23]. Водостоки и цистерны для хранения питьевой воды были обнаружены на акрополе Пантикапея (Рис. 40) [Гайдукевич, 1959, с. 158]. Вторым веком до н. э. датируется общественный колодец, расположенный на нижней террасе города. Он был сложен из плотно пригнанных

блоков и достигал глубины 10 м. Общественный колодец в Фанагории имел архитектурное оформление [Блаватский, 1941, с. 28]. В Горгиппии, наоборот, на улицах отсутствовали колодцы для общественного пользования, каждый дом имел свой колодец с питьевой водой [Алексеева, 1997, с. 109].

Рис. 39. Статуэтка мальчика, являвшаяся украшением фонтана, Ольвия, III в. н. э.

Рис. 40. Фрагмент водослива в виде львиной головы. Пантикапей, V в. до н. э.

В первые века н. э. были широко распространены водопроводы из глиняных, свинцовых труб. Они открыты в Пантикапее, Херсонесе и других городах. В Хараксе водопровод подводил воду к водоему – нимфею, покрытому многослойным и водонепроницаемым известковым раствором. Одна сторона нимфея для большего удобства пользования водой была сделана в виде лестницы. В Херсонесе в первые века н. э. появляется семикилометровый водопровод, по керамическим трубам которого вода поступала в город из Юхариной балки [Николаенко, 1998, с. 86].

Для отвода сточных и дождевых вод устраивались водостоки, направлявшие потоки воды в специальные резервуары. Такие сооружения особенно хорошо представлены в Ольвии. Водосточные каналы, выложенные каменными плитами, которые проходили непосредственно вдоль улиц, известны с V в. до н. э. В IV–III вв. до н. э. начали использоваться закрытые водопроводные и водосточные каналы, сложенные из каменных плит (Рис. 41). Водосточные каналы выходили за городскую черту или оканчивались водопоглощающими колодцами [Крыжицкий, Лейпунская, 1988, с. 28].

В Херсонесе в отдельных районах города существовали канализационные системы в виде каменных каналов прямоугольного сечения, а также второстепенные каналы, меньшего сечения, которые складывались из черепицы и кирпичей [Кадеев, 1996, с. 28]. Магистральные водостоки сверху перекрывались каменными плитами.

Начиная с эллинистического периода, нормализовалась система санитарного обеспечения и очистки городов Северного Причерноморья. Мусор с территории городов вывозился на свалки, которые располагались непосредственно за городскими стенами. Такие мусорные завалы были обнаружены в Нимфее, Пантикапее, Фанагории, Херсонесе, Ольвии. К первым векам н. э. толщина этих завалов достигала в Пантикапее – 5 м, в Ольвии и Херсонесе – 6 м. Такие обширные мусорные завалы не очень способствовали улучшению санитарно-гигиенических норм в городах Северного Причерноморья,

но часто они служили дополнительными оборонительными валами. Часть твердых отходов сжигалась, о чем свидетельствует значительное количество пепла в культурных слоях греческих городов. На территории жилых домов устраивались выгребные ямы, которые по мере наполнения засыпались.

В римский период, наряду с появлением терм, в античных городах Северного Причерноморья распространяется новая система отопления – гипокауст (система воздушного отопления, когда теплый воздух из центральной топки пропусклся через отверстия или трубы под полом и внутри стен) [Антонова, Аркадова, 1971, с. 270-271]. Римские термы

ства в греческих городах Северного Причерноморья снижается. Одной из причин этого явления было распространение категории смешанных хозяйственно-жилых домов. В ряде городов возрастает скученность застройки (Мирмекий, Тиритака, Танаис), увеличивается количество хозяйственных сооружений (Тиритака, Мирмекий). Керамические обжигательные печи возникают в пределах города на пустырях (Фанагория) [Античные государства, 1984, с. 201]. Снижается качество строительных работ, ухудшается благоустройство, прекращается вывоз мусора на городские свалки. Все это свидетельствует об упадке благоустройства греческих городов Северного Причерноморья.

1.3. Повседневная жизнь граждан

Специфика повседневной жизни граждан в греческих городах Северного Причерноморья явилась фактором, который ускорил экономический и культурный прогресс региона, способствовал появлению особых форм социальных отношений. Эллины перенесли на северный берег Понта не только свои представления о

Рис. 44. Ольвия,
двусторонняя стела,
V в. до н. э.

хитектора в Горгиппии [Античные государства, 1984, с. 220]. К 335 г. н. э. относятся последние сведения о существовании зодчих в Северном Причерноморье, в частности, о деятельности архитектора Евтиха на Таманском полуострове [КБН, № 1112].

Важное место в экономике городов Северного Причерноморья занимало керамическое ремесло, связанное с изготовлением лепной и гончарной посуды, амфорной тары, керамических строительных материалов, глиняных ткацких и рыболовных грузил. Особую роль играло производство терракот. Широко популярными были монетное дело, торевтика и изготовление ювелирных изделий, железоделательное

производство, обработка цветных металлов. К числу распространенных ремесел относились косторезное, стеклодельное, кожевенное, прядение и ткачество (Рис. 45, 46).

Прядением и ткачеством традиционно занимались женщины в греческих городах, остальные ремесла были прерогативой мужской части населения. Следует подчеркнуть, что ремесло не считалось престижной сферой деятельности. Ксенофонт, в частности, приравнивает земледелие к добродетели, а профессию ремесленника противопоставляет земледельцу [Ксенофонт. Домострой, VI, 6]. Платон отмечает, что в греческом обществе на ремесло смотрели как на нечто не соответствующее достоинству гражданина [Платон. Горгий, 518а; Государство, III, 3 (5), 2]. В Северном Причерноморье ремесленные мастерские, дома ремесленников всегда располагались не в центре, а по окраинам городов. Обычно они со-

Рис. 45. Херсонес. Стекланные сосуды

четались с домами беднейшей части населения, в этом можно видеть определенную традицию, характерную эллинскому обществу.

Более престижной была сфера торговли. Греческие города Северного Причерноморья торговали с государствами Средиземноморья и Причерноморья, осуществляли торговый обмен с местными причерноморскими племенами. Среди Средиземноморских центров изначально особую роль играли ионийские центры западной Малой Азии, островные центры Эгейского моря (Милет, Клазомены, Хиос, Самос, Родос). В дальнейшем все более усиливаются торго-

вые контакты с Афинами и Аттикой, позднее с южнопонтийскими центрами – Гераклеей Понтийской и Синопой. Торговые контакты греческие города Северного Причерноморья имели с Колхидой (Восточное Причерноморье), западнопонтийскими городами, осуществляли торговые операции и в пределах северного побережья Понта Эвксинского. Благодаря торговле в Северное Причерноморье поступали выдающиеся образцы греческого искусства и керамики, архитектурные детали, строительный материал, вино, оливковое масло, одежда, ткани. В первые века н. э. развиваются торговые связи с западными провинциями Римской империи, откуда в Северное Причерноморье поступает краснолаковая керамика, светильники, металлические изделия, стекло. Греко-варварский товарообмен осуществлялся в основном на рынках греческих городов или в крупных торговых центрах, расположенных на территориях местных племен. Крупным

Рис. 46. Костяная статуэтка с изображением Деметры, Тира, V–III в. до н. э.

«торжищем» греков и местных племен Страбон называет Танаис, а также Пантикапей [Страбон. География, XI, 2, 3; VII, 4, 5], но подобные торговые операции происходили и в Ольвии, и в Фанагории. Активный товарообмен с местными племенами привел к созданию в Северном Причерноморье крупных греческих центров по производству изделий (керамика, торевтика, ювелирное дело), отражающих сцены из жизни и быта скифов и других варварских племен. Самым крупным центром по производству товаров для продажи местным племенам стал Пантикапей, большую роль играла также Ольвия, мелкие изделия изготавливались в Херсонесе. О развитости внутреннего рынка в городах Северного Причерноморья свидетельствуют рыночные площади с лавками торговцев. Специализированный рыбный рынок, на котором происходила торговля рыбой и рыбными соусами, был, судя по надписи II в. н. э. в честь Феагена сына Диагена, в Херсонесе [Семенов-Зусер, 1947, с. 237]. Лавки торговцев располагались на Ольвийской агоре (ἀγορά), которая была и общественно-политическим центром города, и торговым рынком [Леви, 1956, с. 35]. Упоминание в надписях рыночной площади в Танаисе [КБН, № 1245] и специальных должностных лиц – агораномов, следивших за порядком и торговлей на агоре в Херсонесе [IOSPE, I², 418, 440], указывают на существование подобных центров во многих городах Северного Причерноморья. Должность агоранома была очень почетной, херсонесская надпись на постаменте статуи в честь Агасикла, сына Ктесия (III в. до н. э.) упоминает в ряду других благодеяний, совершенных этим уважаемым гражданином в пользу родного города, устройство им рынка, выполнение почетных обязанностей гимнасиарха и агоранома [IOSPE, I², № 418].

Граждане в свободное время. Большую часть своего времени, не занятого трудами, граждане греческих городов Северного Причерноморья проводили вне дома, в общественных местах, где они общались, занимались торговлей, гимнастическими упражнениями. Витрувий отмечает, что таких мест в эллин-

ских городах было несколько, каждое из которых имело свое предназначение. Это были, так называемые, здания для благоустройства: рынки, портики, гавани, бани, театры, гимнасии [Витрувий, I, 3, 1-2]. Эллины вставали обычно рано, наскоро перекусив, шли на агору, которая имела огромное значение. Она служила не только местом торговли, но и центром общественной и политической жизни [Элиан. Пестрые рассказы, XIV, 22]. Это было самое посещаемое место города. Часть агоры занимал рынок и сначала грек направлялся именно сюда, поскольку закупками различных продуктов и товаров в доме занимались мужчины, иногда доверяя это рабам. Каждый товар на рынке располагался в определенном ряду, осмотр товаров часто сопровождался увлекательной беседой с согражданами [Аристофан. Лисистрата, 550]. Здесь же можно было нанять для званого обеда повара, флейтистку, танцовщицу [Феофраст. Характеры, XI, 7]. Отправив покупки с рабом домой, эллин отправлялся на прогулку.

На агоре находились все главные здания города – совет, суд, храмы, городской архив [Ραμοῦ-Χαψιάδη, 1982, σ. 65]. Но агора была, прежде всего, местом встреч и бесед. Согласно Артемидору, на ней всегда толпился народ [Артемидор. Сонник, III, 62]. По замечанию Диона Хрисостома днем (между 9 и 12 часами) агора особенно наполнялась [Дион Хрисостом, XXXVI, 1], в это время сюда стекалось почти все мужское население города. Тщеславные люди приходили сюда покрасоваться [Феофраст. Характеры, XXI, 8], другие приходили повидать знакомых, посидеть в портике [Феофраст. Характеры, II, 2]. Следует отметить, что портики были типовым сооружением для всех агор в различных частях греческого мира, что подтверждается и свидетельствами античных авторов [Павсаний. Описание Эллады, I, 3, 1-5; Витрувий, V, 1, 1], и современными археологическими исследованиями [Parnicki-Pudelko, 1955, s. 81; Ραμοῦ-Χαψιάδη, 1982, σ. 66]. Портики на Ольвийской агоре [Леви, 1956, с. 35-37] придавали ей типичный для греческого города облик и предназначение, и свидетельствовали о распространении данной традиции в Северном Причерноморье.

Местом, часто посещаемым греческими гражданами был гимнасий [Jones, 1940, p. 220-221]. Обычно здание гимнасия принадлежало к числу наиболее красивых общественных сооружений города. Археологическими материалами засвидетельствовано его существование в Ольвии и Фанагории. Ольвийский гимнасий просуществовал с определенными перестройками с V по II вв. до н. э. [Леви, 1985, с. 99], но эпиграфические источники свидетельствуют, что гимнасий в Ольвии продолжил свое существование и в первые века н. э. [IOSPE, I², № 40]. Фанагорийский гимнасий, также с определенными перестройками, действовал в период с III в. до н. э. по рубеж I–II вв. н. э. [Кобылина, 1956, с. 29-31]. Надписи из Фанагории IV в. до н. э. [КБН, № 991] и II в. н. э. [КБН, № 983], упоминающие здание гимнасия в данном городе, подтверждают длительный период его существования. О гимнасии обычно заботилось государство, но иногда должностные лица – гимнасиархи оказывали попечение гимнасию из собственных средств. Косвенно на существование гимнасия в Херсонесе в III в. до н. э. указывает должность гимнасиарха – руководителя гимнасия, наблюдавшего за воспитанием и образованием юношества и занимавшегося организацией соревнований [IOSPE, I², № 418]. В первые века н. э. херсонесские гимнасиархи упоминаются в четырех надписях [IOSPE, I², № 424, 436, 437; Соломоник, 1973, № 127]. На Боспоре гимнасий существовал не только в Фанагории, где он засвидетельствован археологическими материалами. Почетный декрет (II в. до н. э.), упоминающий пожизненного гимнасиарха [КБН, № 823] и надгробная эпитафия I в. до н. э. в честь педотриба (учителя гимнастики) Фарнака, сына Фарнака синопейца подтверждает факт существования гимнасия в Пантикапее [КБН, № 129]. Агонистический каталог III в. до н. э. [КБН, № 1137] и надпись II в. н. э., упоминающая гимнасиарха Фарнакиона из Горгиппии [КБН, № 1140], а также надписи из Танаиса, перечисляющие среди списков должностных лиц религиозных союзов – фиасов, гимнасиархов [КБН, № 1260а, 1263, 1264, 1268, 1277, 1278, 1279. 1280, 1282, 1287, 1288], приводят сведения

о существовании гимнасиев в данных городах. Гимнасий был местом, где проводились гимнастические упражнения, здесь устраивались философские дискуссии, это было место общения граждан и обучения. Не случайно гимнасий обычно располагался в непосредственной близости от агоры, как и в случае с Ольвийским гимнасием.

Все это были не просто часто посещаемые места, это были общественные места, которые обязательно посещались ежедневно всеми гражданами. Поскольку гражданин был еще и главой ойкоса (глава семьи, домохозяйства), он обязан был заботиться о своих домочадцах, выступать перед судом вместо жены, несовершеннолетних детей, рабов. Для жены и несовершеннолетних детей отец был *kúrios* (с греч. «глава, господин»), он должен был заботиться о надлежащем воспитании детей, дать им необходимое обучение. В противном случае, гражданин не имел права требовать от детей предоставления пропитания и ухода в период старости или болезни, поддержки перед судом и в нужде [Геродот. История, II, 35; Платон. Критий, 50 D]. Согласно Аристотелю, высшая задача государства заключалась в том, чтобы образованием и воспитанием развивать в гражданах добродетель, а беспрепятственное распространение добродетели должно способствовать благосостоянию гражданского коллектива [Аристотель, Политика, I, 2, 7; III, 5 (9), 10].

Воспитание и образование граждан. В Северном Причерноморье обучение характерному греческому образу жизни происходило с детства, на что ориентировалась соответствующая система воспитания и образования. Здесь, как и повсюду в Греции, воспитание гражданина, ориентированного на коллективное восприятие мира, происходило в игре. Уже с раннего возраста дети – *παῖς* (в переводе с греч. «мальчик и девочка») принимали участие в различных играх. До семилетнего возраста дети обоих полов воспитывались совместно на женской половине дома, в гинекее. Материалы некрополей Северного Причерноморья отражают находки в детских захоронениях тележек и повозок, множество фигурок животных,

детские кубики, куклы, волчки и другие игрушки. Самые маленькие играли погремушками. В детском погребении некрополя Пантикапея была найдена погремушка в виде колыбели-качалки с лежащим внутри младенцем. Глиняная игрушка была полый, в полость был помещен глиняный шарик, издававший при каждом движении громкий звук [Шкорпил, 1905, с. 28]. Аналогичные погремушки, детские колокольчики обнаружены в захоронениях некрополей Фанагории [Кобылина, 1957, с. 89], Херсонеса [Косцюшко-Валюжинич, 1902, с. 28; 1904, с. 59]. Многочисленными находками являются игрушки в виде животных, преимущественно домашних, которых ребенок мог ежедневно видеть у себя во дворе и в окружающем мире – это фигурки собак, коров (быков), лошадей, петухов, голубей. Такие игрушки в городах Северного Причерноморья обычно изготавливали из глины, дерева и кости [Ольвия, 1999, с. 524]. Терракотовые фигурки быка из Пантикапея [Беньковский, 1904, с. 68] и лошадки из Херсонеса (Рис. 47) [Шевченко, 2016, с. 130, № 823], с сохранившимися отверстиями в передней части, свидетельствуют о том, что в них вставлялись колесики, позволяя ребенку играть с ними, катая эти игрушки. В Херсонесе и Пантикапее были обнаружены и терракотовые повозочки, снабженные подвижными колесиками, чтобы их можно было возить [Беньковский, 1904, с. 63-72].

Найденные в Херсонесе терракотовые статуэтки местного производства в виде барана (Рис. 48), гуся эллинистической эпохи, голубя (Рис. 49), петуха (Рис. 50) и быка (Рис. 51) первых веков н. э., также могли использоваться в виде детских игрушек [Шевченко, 2016, с. 132, № 843; с. 133, № 849, 852, 854; с. 130, № 828].

В Ольвии были обнаружены миниатюрные сосудики; глиняное блюдо, на котором лежали, сделанные из глины, овощи, а вокруг сидели четыре голубя; игрушечный глиняный столик; терракотовые куклы, часть из которых имела подвесные конечности [Штерн, 1911, с. 25; Лапін, 1971, с. 482]. Подобные терракотовые куклы с подвесными конечностями были найдены и в Пантикапее [Шкорпил, 1909, с. 21]. Следует

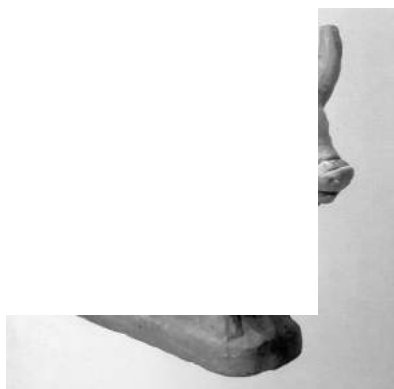
Рис. 47. Херсонес, статуэтка коня, I–II в. н. э.

Рис. 48. Херсонес, фрагмент статуэтки барана, втор. пол. IV–перв. пол. III в. до н. э.

Рис. 49. Херсонес, статуэтка голубя, II в. н. э.

Рис. 50. Херсонес, фрагментированная статуэтка петуха, I в. н. э.

Рис. 51. Херсонес, статуэтка быка, I–II в. н. э.

отметить, что не все терракотовые статуэтки с подвесными конечностями, находимые в Северном Причерноморье, являлись детскими игрушками. Часть из них, вероятно, имела культовое значение, другая – отражала представления мимов в театрах римского времени.

В детском погребении Пантикапея была обнаружена оригинальной формы чашечка с ручкой в виде сидящей обезьянки [Шкорпил, 1909, с. 37]. Особый интерес вызывают свистки в виде фигурок животных (лошадки и птички), обнаруженные во время раскопок детских погребений некрополя Феодосии. Судя по высказываниям Э. Р. Штерна, они издавали такие резкие и неприятные («раздирающие») звуки, что «поистине приходится жалеть о нервах тех родителей, дети которых владели этими инструментами» [Штерн, 1911, с. 23].

Дети эллинов в Северном Причерноморье играли и в кости, что было, в тоже время, одной из самых распространенных игр и среди взрослого населения. Для игры в кости (в бабки) использовались астрагалы (ἀστρογάλλος) (суставные кости быка, козы, овцы или лошади) (Рис. 52) [Петерс, 1986, с. 78]. Играть в бабки греки начинали с раннего детства. Согласно

Рис. 52. Херсонес, игральные кости и астрагалы

Лукиану, мальчику Ганимеду сам Зевс пообещал, что даст «много-много бабок для игры» [Лукиан. Разговоры богов, 4, 3]. Даже игры в кости эллины пытались использовать с целью обучения. Такие игры должны были развивать ловкость и глазомер. Например, в детских захоронениях Херсонеса были обнаружены комплекты из 5 и 6 астрагалов [Кадеев, 1996, с. 113]. В этом варианте игры пять астрагалов (бабки) клали на ладонь, подбрасывали и пытались поймать тыльной стороной ладони [Gardiner, 1968, р. 5-6]. На Боспоре, в соответствии с материалами некрополя Пантикапея, играли в такую же игру с пятью астрагалами (πέντελίθοι), а также метали астрагалы в начерченный на земле круг или вырытое в земле углубление, желая выбить оттуда бабки противника, которые доставались победителю [Блаватская, 1959, с. 68-69]. Популярность игры в кости подчеркивает обнаружение в одной из земляных гробниц Пантикапея 184 игровых костей, из них – 176 простых и 8 больших, тщательно отточенных с двух сторон. На больших астрагалах буквами греческого алфавита были отражены цифровые значения [Шкорпил, 1904, с. 91, № 101]. Большое количество различных типов обработанных астрагалов находят и в Ольвии. Часть из них имеет насечки, граффити, отверстия для подвешивания [Петерс, 1986, с. 77-78].

Детей обучали играть в игру, подобную современным пашкам. С ее помощью развивали сообразительность и остроту ума. В херсонесском детском захоронении III в. н. э. (захоронение двух девочек!) был обнаружен полный комплект из 15 черных и 15 белых шашек [Косцюшко-Валюжинич, 1902, с. 109, мог.1170], которыми, вероятно, играли на доске, разделенной на 12 полос. Такая игра называлась «полис» (πόλις), партия игралась 30 шашками, каждый игрок имел по 15 разноцветных фигур. В детской гробнице II в. н. э. в некрополе Пантикапея была найдена деревянная шкатулка с 15 шашками, имевшими рельефные изображения греческих богов (Зевса, Геры, Геракла, Хроноса, Афродиты, Диоскуров), египетской богини Исиды, римского императора Августа и его внука Луция Цезаря [Петерс, 1986, с. 85-86]. Играли в эту игру,

изначально бросая костяной кубик с очками, а затем, согласно выпавшему очку, перемещали шашку. Такой костяной кубик вместе со стеклянными шашками был обнаружен в одном из детских захоронений Херсонеса [Кадеев, 1996, с. 115]. Вероятно, подобная игра была широко распространена в римское время, поскольку разные варианты комплектов шашек были выявлены в тринадцати погребальных памятниках Херсонеса (Рис. 53), шашки были обнаружены в археологических слоях первых веков н. э. в Китее, Танаисе [Петерс, 1986, с. 86]. II в. н. э. датируется обнаруженный в Ольвии костяной игровой кубик с очками от 1 до 6, такой же кубик был найден и в Пантикапее [Петерс, 1986, с. 90]. В Ольвии также были найдены костяные шашки I–II вв. н. э., одна – с граффити, вторая имела с одной стороны граффити, а с другой – изображение Харона [Петерс, 1986, с. 86].

Начиная с семилетнего возраста, мальчики и девочки в греческих городах обучались раздельно [Аристотель. Политика, VII, 15, 6]. Девочки оставались под присмотром и обучением матерей в гинекее (их обычно учили чтению, письму, счету, рукоделию), а мальчиков начинали обучать основам грамоты и счета в начальной школе. Школы преимущественно были частными, но со временем, вероятно, появилась и государственная система образования. В частности, на территории Боспорского царства во II в. н. э., согласно надписи в честь

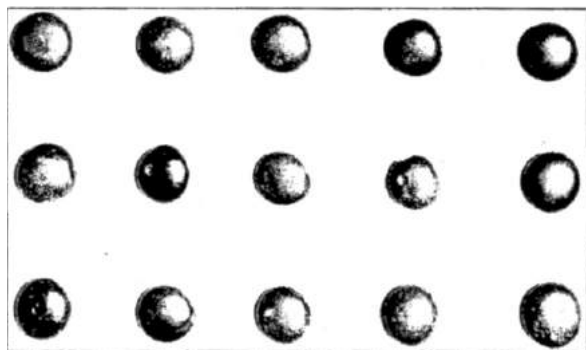

Рис. 53. Херсонес, комплект стеклянных шашек

не столько стремление к атеизму, как считает В. П. Яйленко [Яйленко, 2010, с. 119], а как обучающий назидательный момент, должный приучить к соответствующему поведению в культовых местах. Цель сакрального воспитания состояла в формировании гражданского сознания через благочестие, для того чтобы каждый эллин соблюдал общепринятые правила гражданского коллектива. Важное воспитательное значение имели общегосударственные празднества, сопровождавшиеся торжественными шествиями и агонами, в которых принимали участие, наряду с полноправными гражданами, мальчики и юноши. Особую роль, в этой связи, играли Аполлонии на Боспоре, Парфении в Херсонесе, Ахиллеи в Ольвии.

Каждый полис Северного Причерноморья чеканил собственную монету, имел денежное обращение и вел активную торговлю с другими греческими полисами. В этой ситуации каждый гражданин обязан был уметь не только читать, но и считать. Для обучения арифметике было крайне необходимым знание алфавита, поскольку цифрам в Древней Греции соответствовали буквы греческого алфавита, например, альфа (α) – 1, бета (β) – 2, гамма (γ) – 3, дельта (δ) – 4 и т. д. Числовые значения от простых букв отличались тем, что над ними ставилась горизонтальная черта, а само число получалось как сумма значений отдельных букв. В Северном Причерноморье для обозначения цифр, помимо алфавитной, использовалась и акрофоническая система, в которой цифрами служили первые буквы слов, обозначающие соответствующие числа, например, Δ (дельта) – обозначала число «10» (дека). Сохранившиеся граффити на сосудах дают представление о единицах измерения сыпучей и жидкой продукции, имевшей распространение в Северном Причерноморье и, одновременно, отражают бытовавшие здесь цифровые обозначения [Граффити, 1978, № 111, 345, 529, 544-546, 548-561, 568-574, 576].

В греческой системе воспитания и образования особая роль отводилась музыке. Музыкальное образование начиналось параллельно с обучением основам грамматики, с 7 лет. Платон считал, что занятия музыкой, «влияя на личность

в целом, способствуют приучению молодых к «владению собой» (σωφροσύνη), делают их более культурными, поселяя в их душах эвритмию и гармонию» [Платон. Протагор, 325 ab]. Практически каждый греческий гражданин умел играть на каком-либо музыкальном инструменте (наиболее распространенные – авлос, лира, кифара), исполнять коллективные песнопения и овладевал искусством пляски (орхестрикой). Эллин, не способный принять участие в хороводе, в качестве певца и танцора, не считался образованным человеком [Марру, 1998, с. 68], по Платону, это сводилось к выражению «ἀχόρευτος ἀπαίδευτος» («не танцующий, необразован») [Платон. Законы, II, 654 ab]. Свидетельство Полиена о посещении знаменитым кифаредом Аристонином из Олинфа театров боспорских городов, заполненных гражданами [Полиен. Стратегмы, V, 44, 1], позволяет говорить о широком распространении музыкального искусства в Северном Причерноморье и глубоком понимании музыки гражданским населением. Музыкальное образование позволяло гражданам принимать активное участие в хоровых песнопениях, играть на музыкальных инструментах во время религиозных процессий и празднеств. Изображения вакхических и иных религиозных процессий, сопровождавшихся игрой на музыкальных инструментах, неоднократно встречаются в иконографии Херсонеса, Ольвии, городов Боспора [Белов, 1962, с. 55; Гилевич, Щеглов, 1996, с. 105]. Сохранились фрагменты текстов гимнов, исполнявшихся коллективно в городах Северного Причерноморья – херсонесский гимн в честь Гермеса [IOSPE, I², № 486] и березанский в честь Ахилла [Шелов-Коведяев, 1990, с. 49-62]. Обучение музыке не предполагало всеобъемлющей подготовки профессиональных музыкантов, речь шла о понимании музыки, а через нее всего греческого мира, его макрокосма. Музыка была частью мусического образования, включавшего, кроме того, и поэтическое творчество, которому обучали детей. Особенно популярными во многих городах Греции были два стихотворных стиля – элегический дистих и гексаметр, которым чаще всего и обучали в школе. Стихотворные

эпитафии и посвященные надписи из городов Северного Причерноморья, содержащие поэтические строки, подтверждают существование местных поэтов, получивших первоначальные навыки в мусической школе [КБН, № 113-151, 913, 991-992, 1017, 1057-1058, 1192; IOSPE, I², № 226, 479, 482, 485, 516, 519, 527, 546, 716; НЭПХ, 1964, № 58; НЭПХ, 1973, № 185; Козуб, Белецкий, 1977, с. 173; Денисова, 1988, с. 252; Иванчик, Толстиков, Ковальчук, 2007, с. 111].

Полисная система, таким образом, приобщала своих граждан с юношеских лет к мусическому наследию предков и стремлению развивать искусства. Для эллинов, по словам Платона, было важно не только духовное развитие. Греческая архитектура, скульптура, система застройки городов, вся красота окружающего мира должна была воздействовать на человека с раннего детства [Платон. Государство, III, 401c]. Археологические материалы Северного Причерноморья подтверждают эту традицию в местных полисах. Начиная с IV в. до н. э. улучшилось материальное благосостояние жителей, изменился облик греческих городов, расширилось жилищное и общественное строительство [Крыжицкий, 1993, с. 151]. Все это подготовило почву для появления местных архитекторов, создававших великолепные типично греческие постройки. Столица Боспорского царства город Пантикапей, Ольвия, Херсонес стали центрами сосредоточения, как местных, так и известных скульпторов, художников, торевтов и ювелирных мастеров из различных городов Эллады, создававших настоящие шедевры [Зубарь, Русяева, 2004, с. 81-82; Русяева, 1986, с. 513; Золотарев, Буйских, 1994, с. 80-81; Херсонес Таврический, 2005, с. 477].

Параллельно с мусическим образованием юные эллины получали и физическую подготовку, обучаясь в гимнастической школе. Это было связано с идеей гармонического развития человека (идея калокагатии – сочетания красоты духовной с красотой физической). Споры о том, что первично – духовное развитие или физическое, активно происходили уже во времена Платона. Он, в частности, считал, что мусическое образование должно предшествовать гимнастическому,

поскольку здоровое тело не улучшает состояния души, но здоровый дух способствует совершенствованию тела [Платон. Государство, 403d]. Другие греческие мыслители, полагали, что изначально следует создать «крепкий сосуд», а затем наполнять его знаниями [Шанин, 1979, с. 21]. Не пришли к единому мнению в анализе данного вопроса и современные исследователи [Forbes, 1971, р. 58-59]. Однако, хорошо известно, что уже с раннего возраста дети в Элладе играли в подвижные игры на свежем воздухе. Наиболее популярными среди них были игры и соревнования с мячом (σφαῖρα) [Платон. Законы, 830b]. Активно привлекались мальчики к состязаниям в беге. Бег был наиболее универсальной гимнастической дисциплиной. Хорошо известно выражение, часто приписываемое Пифагору: хочешь быть сильным – бегай, хочешь быть красивым – бегай, хочешь быть умным – бегай. Бег рассматривался в качестве оздоровительной гимнастики для детей младшего возраста и как элемент воспитания подростков, начиная с 14 лет [Марру, 1998, с. 177]. В Северном Причерноморье мальчики тренировались и состязались в беге на короткую дистанцию, в простом виде бега, который назывался греческим термином «дромос» (δρόμος) или «стадий» (στάδιον). Упоминание о победе в беге на стадий подростка содержится в надписи III в. до н. э. из Ольвии, сообщающей, что гимнасиарх Никодром, сын Дионисия посвятил победную статую своего сына богу Гермесу [IOSPE, I², № 186]. Состязания в коротком беге для мальчиков известны также по каталогу победителей в состязаниях из Горгиппи III в. до н. э. [Берзин, 1961, с. 127]. Издатель данной надписи Э. О. Берзин разделил всех участников на возрастные категории: мальчиков (12-15 лет), юношей (16-17 и 18-19 лет) и взрослых (старше 20 лет). Исследователь предположил, что мальчики могли соревноваться в Горгиппи также и в эстафетном беге с факелами [Берзин, 1961, с. 118]. Подготовка юных атлетов осуществлялась в основном в палестрах, которые обычно являлись частью гимнасия, занимались с ними специальные учителя – педотрибы. Имя одного из таких учителей сохранилось в стихотворной эпитафии I в. до н. э. из Пантикапея.

В надписи сообщается о преждевременной смерти педотриба Фарнака из Синопы, видимо высококвалифицированного педагога, что стало большой утратой для всего пантикапейского гимнасия [КБН, № 129]. Педотрибы обычно подсказывали своим ученикам, как необходимо выполнять упражнения, показывали их выполнение на собственном примере, и, вероятно, делали массаж с оливковым маслом своим подопечным до и после занятий [Forbes, 1971, p. 63-64]. В палестрах детей обучали также борьбе, прыжкам, но в подобных состязаниях мальчики, видимо, участия не принимали. Учитывая прибрежное расположение городов Северного Причерноморья, детей могли обучать и плаванию. Плавать эллины умели хорошо и, пытаясь охарактеризовать ничтожного, не способного ни к чему человека, говорили словами Платона, что он «не умеет ни читать, ни плавать» [Платон. Законы, III, 689 d]. Однако соревнования в этом виде гимнастических упражнений в Элладе практически не проводились. Греческий писатель Павсаний упоминает только одну греческую область в Арголиде, около города Гермiona, где в святилище Диониса соревновались пловцы, о других центрах подобные сведения отсутствуют [Павсаний. Описание Эллады, II, 35, 1].

Следует подчеркнуть, что довольно значительная часть населения в полисах Северного Причерноморья не могла позволить длительного обучения своих детей, поскольку происходило оно не за государственный, а за частный счет. Низшие слои населения ограничивались лишь начальным образованием. Средние и зажиточные категории граждан предоставляли возможность своим сыновьям усиленно заниматься физической подготовкой и осваивать элементы научных знаний.

Дальнейшее образование юношей происходило в гимнасии. Физические нагрузки постепенно усиливались и в горгиппийском списке победителей состязаний можно увидеть, что юноши обоих возрастных категорий (младшей и старшей) состязались в длинном беге (δόλιχος) и еще одном состязании – эуексии (εὐεξία) [Берзин, 1961, с. 120]. В каталоге представлен длинный список имен победителей в длинном

беge, что свидетельствует об их хорошей подготовке [IOSPE, II, № 432]. Известно, что дистанции длинного бега в Греции были различны. Они равнялись 7, 12, 14, 20 или 24 стадиям, как в Олимпии, что соответствовало 4614,5 м [Olivova, 1985, p. 113]. Насколько трудно было выдержать подобный бег, а тем более завоевать победу, позволяет убедиться рассказ Павсания о том, что известный спартанский бегун Лад, хотя и одержал победу в этом виде состязания, но тут же умер от истощения и усталости [Павсаний. Описание Эллады, II, VII, 2]. В отношении состязания под названием эуексия мнения ученых разделились. Эуексия в переводе с древнегреческого означает «сила, крепость», что дало основание связывать данное соревнование с показом участниками хорошего состояния тела и здоровья [Гайдукевич, 1949, с. 241; Семенов-Зусер, 1940, с. 23; Кубланов, 1962, с. 568]. Такие соревнования, своеобразные конкурсы красоты среди мужчин, действительно были популярны в Греции. В Афинах, к примеру, было состязание эвандрия (εὐανδρία), которое отражало телесную силу, рост, красоту [Ксенофонт. Меморабилии, III, 3, 12; Афинея. Пир мудрецов, XIII, 609 E; XIII, 565]. Но, поскольку, в Горгииппи в состязании принимали участие юноши призывного возраста (эфебы), которые по эллинской традиции обычно соревновались в агонах, носивших военный характер, то, следом за Э. О. Берзиным, считаем эуексию специальным военным состязанием, связанным с исполнением военных упражнений, силой, ловкостью участников [Берзин, 1961, с. 119].

Эфебия, как институт, нацеленный на военную подготовку и прохождение определенной инициации юношами перед получением ими гражданского статуса, получила широкое распространение в Афинах с IV в. до н. э. Ориентировочно с 18 лет юноши становились эфебами, несли сторожевую службу, принимали участие в религиозных празднествах и шествиях (некое подобие военного парада) [Латышев, 1997, с. 246-248; Видаль-Наке, 2001, с. 134]. Достаточно быстро эфебия распространилась в других полисах Греции, достигла она и западного побережья Черного моря – Истрии, Добруджи [Марру,

1998, с. 261], Одессоса [IGBR, № 68, 47-49, 51]. В III–II вв. до н. э. эфебия перестала быть обязательной для каждого молодого гражданина, в число эфэбов входили теперь в основном юноши из богатых и знатных семей, которые, помимо, гимнастических упражнений посещали занятия философов, риторов и грамматиков. В среде эфэбов усиливается патриотическое воспитание, ориентированное на сохранение традиционных полисных устоев [Востриков, 2014, с. 8]. Четкие сведения о существовании института эфебии в Северном Причерноморье, к сожалению, отсутствуют. Однако на наличие отдельной категории юношества, уделявшей особое внимание гимнастическим упражнениям, указывает группа надгробных памятников IV–III вв. до н. э. из Херсонеса. На них изображались стригили – специальные скребки, которыми пользовались атлеты для очищения тела после тренировок и состязаний, сосуды для масла (арибаллы, алабастры) (Рис. 86), а также тении – налобные повязки, которыми награждали победителей состязаний [Соломоник, 1973, № 138, 150, 159, 170, 172; Даниленко, 1969, с. 39-40]. Косвенным подтверждением существования эфебии в Ольвии является статуарная полуфигура юноши, отождествляемая с Аполлоном, которая была установлена в Ольвийском гимнасии в эллинистический период [Чубова, Лесницкая, 1976, с. 210-218]. Надписи из многих греческих городов свидетельствуют, что перед посвящением в граждане эфебы в своих клятвах прославляли Аполлона Дельфиния. Такая традиция почитания Аполлона эфебами прослеживается и в Ольвии [Русяева, 1992, с. 46].

Юноши, занимавшиеся в гимнасиях полисов Северного Причерноморья, по-видимому, обучались также навыкам публичных выступлений, литературному языку, философии. На это указывают эпиграфические памятники, отражающие знание мифологии, написанные хорошим литературным языком с сохранением дорических и ионических диалектов, что наблюдается даже в первые века н. э. [Соломоник, 1973, с. 36; Кадеев, 1996, с. 120; Антонова, Яйленко, 1995, с. 86; Ольвия, 1999, с. 392]. Многие граждане явно получали хорошее образование

в риторских школах, что неоднократно подчеркивается в посвященных им текстах. В херсонесском декрете II в. н. э. прославляется Демократ, сын Аристогена, который, исполняя государственные должности, «...докладывал и говорил славно...» [IOSPE, I², № 425]. Прославился своими выступлениями перед ольвиополитами в III в. до н. э. и знаменитый благодетель Протоген, всю жизнь, продолжая «...говорить и действовать наилучшим образом...» [IOSPE, I², № 32]. К первым векам н. э. относятся скульптурные памятники, на которых граждане Херсонеса [Античная скульптура Херсонеса, 1976, № 309, 311-312] и Пантикапея [КБН, № 145; Sokolov, 1974, p. 127, № 133] представлены со свитками у ног или в руках изображенного, что свидетельствовало об их общественной деятельности, связанной с публичными выступлениями (Рис. 54). Приведенные примеры подтверждают существование в Северном Причерноморье риторских школ, которые могли посещать дети городской элиты. Для продолжения образования отдельные граждане могли отправляться в Афины и обучаться в известных философских школах. Правда, поехать туда могли только наследники

Рис. 54. Статуя молодого боспорца, ритора или поэта, I в. н. э., Пантикапей

наиболее богатых семей или приближенные к Боспорскому царскому двору [Петрова, 2000, с. 160; Зубарь, Русяева, 2004, с. 81-82; Скржинская, 2014, с. 33]. Например, сын богатого и знатного боспорянина Сопея, приближенного царя Сатира I (433–389 гг. до н. э.), был отправлен в Афины и получил прекрасное образование в школе Исократа [SC, 1890, Т. 1, с. 356-357]. Таким образом, в городах Северного Причерноморья использовалась универсальная система греческого образования (пайдейя), в которой формировался не профессионал в определенной области, а человек как личность, с определенными ценностными ориентирами.

В заботах о здоровье. Жители городов Северного Причерноморья в своих повседневных заботах беспокоились не только о своем духовном и физическом развитии, они принимали меры и по сохранению собственного здоровья. Делу поддержания здоровья служила греческая система воспитания. По словам Платона, цель воспитания должна сводиться к тому, чтобы излишними стали суд и врачевание [Платон. Государство, 405a]. Не случайно, во многих медицинских системах первостепенную роль играли гимнастика, занятия на свежем воздухе и диета. Когда же речь шла о непосредственном лечении, то все врачебные предписания касались состоятельных граждан, которые имели средства и время для заботы о своем здоровье. Поэтому во время болезней основная часть населения ориентировалась на помощь богов-врачевателей, что способствовало значительному распространению в Древней Греции сакральной медицины.

В Северном Причерноморье эллинам пришлось тяжело привыкать к новым климатическим условиям, сложностям отношений с варварами. В таких условиях было трудно сохранять здоровье и долголетие. Согласно данным Херсонесского некрополя средний возраст жизни мужчины составлял 39 лет, женщины – 32 года, была очень высока детская смертность [Кадеев, 1996, с. 128].

Храмовая медицина в государствах Северного Причерноморья получила распространение уже на раннем этапе

существования городов. Греческие поселенцы, основавшие города на побережье Черного моря принесли сюда и культы богов-врачевателей, почитаемых и популярных в Древней Греции. Люди обращались к богам с просьбами об исцелении и улучшении здоровья, приносили им дары и посвящали храмы. Наибольшей популярностью пользовались культы богов-покровителей медицины Аполлона и Асклепия, последний из которых часто почитался в паре со своей дочерью, богиней здоровья Гигией [Жебелев, 1893, с. 368-370]. В период милетской колонизации для покровительства и сакральной защиты новых полисов Аполлон почитался с эпиклесой Иетрос (Врач). Данный культ получил распространение в Тире, Борисфене, Ольвии, большинстве боспорских городов – Пантикапее, Мирмекии, Феодосии, Патрее, Гермонассе [Шепко, 2007, с. 206]. Культ Аполлона

издавна являлся покровителем минеральных источников. В Греции очень популярным было строительство его храмов вблизи рек и минеральных целебных источников или просто источников, а также естественных пещер, что объясняется спецификой лечения больных, которое было часто связано с водными процедурами [Ручинская, Семененко, 2012, с. 85-86]. Загородные святилища Асклепия строили вдали от поселений, в живописных холмистых и равнинных местностях, окруженных садами и священными рощами [Павсаний. Описание Эллады, II, 10, 2].

Храмы Аполлона и Асклепия были центрами врачевания, где больные получали исцеление, как душевное, так и физическое. Сакральная медицина основывалась на применении мистических и магических форм лечения больных, была связана с культами здравеносных божеств, но при этом использовала в своей практике и методы светской медицины. Особую роль в этом аспекте играли Асклепейоны. В отношении устройства храмов Асклепия ценные сведения приводит Павсаний, описывая знаменитый храм бога-врачевателя в Эпидавре [Павсаний. Описание Эллады, II, 27]. В архитектурном отношении эпидаврийский храм представлял собой периптер дорического стиля, одиннадцать колонн окружали его в длину и шесть в ширину. В предхрамие вела лестница из трех ступеней, оттуда открывались двери в сам храм. В храме должна была находиться статуя Асклепия, перед которой находился стол с приношениями. Рядом с храмом располагался портик, использовавшийся в качестве абатона – специального помещения, где больные должны были провести ночь в ожидании пророческих снов, что должно было способствовать исцелению [Александровский, 1890, с. 87-89].

Определенными особенностями сопровождался допуск больных в храм Асклепия. Будущие пациенты должны были пройти некоторые обязательные процедуры. Чаще всего они предполагали собой полное очищение организма, которое включало специальную диету, в том числе прием рвотных и слабительных, обязательным компонентом очищения было

омовение в морской воде или в священных водах источников [Ручинская, Семененко, 2012, с. 85-92]. Только после осуществления всех предварительных процедур больной допускался в стены храма. Вхождение в храм сопровождалось ритуальным шествием, во время которого, жрецы рассказывали истории о чудесных исцелениях, совершенных божеством. Стены храмов изобиловали надписями, рассказывающими истории болезней и их излечения, а также вотивами, изображающими излеченные части тела, которые благодарные пациенты подносили божеству в знак признательности за восстановленное здоровье [Сорокина, 1979, с. 15]. К числу предметов, посвященных Асклепию благодарными пациентами в городах Северного Причерноморья можно отнести керамический вотив, изображающий часть исцеленной руки из Херсонеса [Кадеев, 1996, с. 135; Шевченко, 2016, с. 137]. Вотивные предметы, связанные с просьбами или благодарностью за исцеление, были обнаружены в эллинистическом слое святилища Аполлона Врача в Китее. Это специально изготовленная терракотовая рука, согнутая в локте, с поднятым кверху указательным пальцем и примитивно выполненная миниатюрная терракотовая голова с круглыми заглубленными глазами и носом, обозначенным зацепом [Молев, 2010, с. 93]. Подобные благодарственные приношения в храмы богов-врачевателей известны и по материалам других городов Северного Причерноморья [Денисова, 1981, с. 57; Русяева, 1982, с. 116-117]. Граффити III – первой половины II вв. до н. э. из Нимфея [Намойлик, 2014, с. 161] и II в. н. э. из Фанагории [КБН, № 1005] сообщают о приношении в святилища Асклепия масла. В качестве благодарности за излечение в храмы несли дары в виде денег, статуй, рельефов в честь Асклепия. Помимо керамических изделий, изображающих исцеленные части тела, такие приношения могли быть изготовленными из мрамора и металла [Жебелев, 1893, с. 396-398]. Следует отметить, что в храмах Асклепия приносились жертвоприношения змее, которая была помощником бога-врачевателя и олицетворяла выздоровление и возвращение жизненных и духовных сил.

В дар Асклепию приносили различных животных. Одним из распространенных символов Асклепия в представлении древних греков, которое олицетворяло начало жизни и здоровья, являлось яйцо. Изображения Асклепия с яйцом найдены во многих греческих городах, в том числе и в Северном Причерноморье [Герасимов, 1966, с. 218; Пятышева, 1971, с. 75].

Среди методов лечения, практиковавшихся жрецами в храмах, самым главным была инкубация. Больных помещали в специальное помещение – абатон, где они должны были провести ночь. Чаще всего абатоном служили крытые галереи, которые простирались вдоль стены храма [Александровский, 1890, с. 88]. Перед торжественным погружением в сон жрецы совершали вечернюю службу, зажигали лампы, после чего все больные отправлялись ко сну. Об этих процедурах упоминает в своих «Священных речах» римский оратор Элий Аристид [Элий Аристид, 1,11]. Предполагалось, что во сне пациентам являлся Асклепий, который давал рекомендации по излечению той или иной болезни. Следует отметить, что физическое состояние больных, находившихся под впечатлением от религиозных обрядов и историй о сказочных исцелениях, совершенных божеством, наконец, самим пребыванием в храме способствовало появлению вещих снов. Толкованием снов занимались жрецы. Это и составляло основу храмовой медицины. Жрецы подробно расспрашивали пациента о том, что ему приснилось и, исходя из этого, назначали лечение [Сорокина, 1979, с. 18]. Наряду с инкубацией популярными методами лечения были массаж, водолечение, гимнастика, внутреннее и наружное применение жертвенной крови, и совсем необычные практики, как то езда верхом, охота, посещение театра, слушание стихотворений и музыка. Об этом можно найти упоминания у Элия Аристида, который был частым посетителем асклепионов: «Бог приказывал мне много необычного. Помню, как нужно было пробежать босиком в зимнюю пору. Была езда верхом – самое трудное из всех занятий. ... Точно так же зимою я постоянно ходил босиком и укладывался на ночь во всех местах святилища – и под

изображение Геракла, борющегося с Немейским львом, а на обороте они содержали три буквы каппы (Κ), что должно было успокоить боли в желудке и противостоять коликам [Неверов, 1979, с. 97]. На гемме из Пантикапея были вырезаны три буквы дзеты (ΖΖΖ) и надпись: «для желудка». Жнец, изображенный на пантикапейской гематитовой гемме, считался средством от прострела (радикулита). На лицевой стороне геммы IV в. н. э. был представлен летящий Персей с головой Медузы, а на обороте начертано заклинание: «Убирайся, подагра, тебя преследует Персей!». Амулет из Горгиипии в виде агатового шарика был по всей поверхности заполнен надписями. Одна из надписей гарантировала владельца в защите «против ядов», другая, обращенная к Исиде, спрашивала здоровья для головы, ушей, мозговых оболочек, язычка, мягкого неба, гортани, переносицы, ноздрей, зубов и рта [Неверов, 1983, с. 124-125].

В храмах богов-врачевателей жрецы использовали и средства терапевтического лечения. Все тот же Элий Аристид сообщает: «А после этого он дал мне лекарства, первым из которых, насколько я помню, был сок бальзама. Им нужно было натереться, когда при омовении переходишь из горячей воды в холодную. Затем были очистительные средства из изюма и других разностей...» [Элий Аристид, 2, 80]. Распространенным методом лечения было кровопускание, которое было призвано очищать организм [Элий Аристид, 2, 48].

Первые сведения о светских врачах в Северном Причерноморье относятся к концу IV–III вв. до н. э. и происходят из Херсонеса [Херсонес Таврический, 2004, с. 309]. Именно этим временем датируются две эпитафии на надгробных памятниках, поставленных в память местным херсонесским врачам, выходцам из Эгейской Греции, где располагались известные медицинские школы [Соломоник, 1988, с. 54; Кадеев, 1996, с. 129]. На обоих памятниках были изображены, находившиеся в употреблении медицинские инструменты: щипцы, пинцеты, кровососные банки (Рис. 57). Серия разнообразных медицинских инструментов была обнаружена в Ольвии,

Рис. 57. Надгробие врачей с изображением медицинских инструментов. Херсонес

а в помещении возле гимнаasia находилось большое количество миниатюрных сосудов, предназначенных для лекарственных веществ [Наливкина, 1940, с. 187-202; Ольвия, 1999, с. 436]. К первым векам н. э. относятся находки медицинских инструментов из некрополей Пантикапея и Херсонеса [На краю ойкумены, 2002, с. 81, № 321-323]. В Херсонесе был обнаружен набор хирургических инструментов III в. н. э., состоящий из зонда, двух скальпелей и дощечки для заточки медицинских инструментов [Депер, 1927, с. 250-251]. В других захоронениях, по-видимому, принадлежащих врачам, были обнаружены мерные ложечки для лекарств, скальпели, пинцеты, зонды [Кадеев, 1996, с. 131]. Появление в первые века н. э. в городах Северного Причерноморья римских военных гарнизонов потребовало использования профессиональных римских военных врачей. Латинская эпитафия на одном из надгробий упоминает о том, что во II в. н. э. в Херсонес прибыл врач Публий Ведий Треп, вольноотпущенник и грек по

происхождению, который погиб во время военного столкновения с таврами [IOSPE, I², № 562]. Судя по всему, римские врачи в Северном Причерноморье оказывали платную медицинскую помощь и местному населению. В элитном захоронении из Усть-Альминского могильника, связанного с одноименным позднескифским городищем (с. Песчаное Бахчисарайского района), был выявлен знатный скифский мужчина, которому при жизни была сделана сложная хирургическая операция на костях свода черепа. Врач, сделавший такую операцию, явно владел методиками римской медицинской школы [Пономарев, 2001, с. 126]. Таким образом, в городах Северного Причерноморья получили распространение как традиционно греческая, так и римская медицинские практики.

Элементы быта. Постепенное развитие и расцвет городов Северного Причерноморья способствовали налаживанию бытовых условий жизни граждан. Большая часть городов Северного Причерноморья не отличалась обилием зелени, но их украшали многочисленные, богато декорированные храмы со священными рощами, красивые общественные здания и жилые постройки, статуи и фонтаны на центральных улицах и площадях.

Традиционно греческий дом делился на три части: мужскую (андрон), женскую (гинекей) и хозяйственную [Nevett, 1999, р. 163]. Однако археологически эти части в городских домах Северного Причерноморья выявить сложно. Одним из немногих исключений является помещение с галечной мозаикой, на которой изображена сцена омовения двух обнаженных девушек у лутерия. Согласно современным представлениям, мозаика принадлежала андрону жилого дома Херсонеса конца IV – начала III вв. до н. э. [Домбровский, 1994, с. 159-169]. В других домах функции андрона могли выполнять большие помещения, расположенные справа и слева от входа. Главным помещением греческого дома было помещение с очагом – ойкос, где чаще всего собирались все члены семьи, готовили пищу и даже спали в холодное время года. Помещения с очагами в центре дома были найдены в Керкинитиде

эллинистического периода [Кутайсов, 1990, с. 25], в домах на Северном берегу Херсонеса.

Интерьер помещений составляла деревянная мебель – столы, стулья, кресла, лежанки (клине), сундуки, шкатулки (Рис. 58) [Ростовцев, 1913, табл. 61, 12]. Состоятельные граждане пользовались мебелью, украшенной художественной резьбой (скульптурной, рельефной, инкрустационной). В Херсонесе, Ольвии, Пантикапее, Мирмекии, ряде других боспорских городов были обнаружены костяные пластинки, служившие накладками на спинки и ручки кресел [Сокольский, 1971, с. 92-95]. Декор комнат дополнялся коврами, занавесками, декоративными вазами, в нишах или на подставках стояли терракотовые, мраморные или известняковые статуэтки божеств. Богатые дома и храмы могли украшаться скульптурой, обычно это были небольшие по размерам культовые статуи. В качестве примера приведем несколько сохранившихся декоративных статуй из Херсонеса: небольшая мраморная голова бородатого Диониса конца V – начала IV вв. до н. э. [Белов, 1971, с. 109, № 3], голова атлета из проконесского мрамора IV в. до н. э., принадлежащая школе Скопаса [АСХ, 1976, с. 54, № 118] и мраморная женская голова конца IV – начала III вв. до н. э., представляющая собой образ Афродиты,

Рис. 58. Бронзовые ножки шкатулки.
Боспор, склеп Дементры

выполненный под влиянием школы Праксителя [Белов, 1971, с. 112-113, № 6; АСХ, 1976, с. 21, № 22].

Спали обычно на матрасах с подушкой, укрывались одеялом, овчиной или другими мехами. Для отопления использовали, кроме открытых очагов и печей, различного типа жаровни [Козуб, 1986, с. 510]. Помещения освещались через проемы окон и дверей. В прохладную погоду окна закрывались ставнями. С III в. н. э. начинает использоваться оконное стекло. Его могли частично привозить в города Северного Причерноморья из римских провинций, а частично изготавливали на месте, о чем свидетельствуют остатки стеклодельных мастерских, обнаруженных, в частности, в северном районе Херсонеса [Белов, 1969, с. 80-84]. Двери были деревянные, лучшим сырьем для них считался вяз [Сокольский, 1971, с. 111-112]. В вечерние часы освещение осуществлялось с помощью факелов и глиняных или бронзовых светильников [Античные памятники, 2001, с. 86], для которых горючим было оливковое масло или сало (Рис. 59).

Еда основной массы граждан была весьма скромной. Главные блюда были из муки: каша, суп, хлеб (ячменный и пшеничный), который был самостоятельным блюдом, если его макали в вино или оливковое масло (Рис. 60). Из овощей использовали салат, капусту, бобы, чечевицу, лук, чеснок,

Рис. 59. Светильники. Оливия

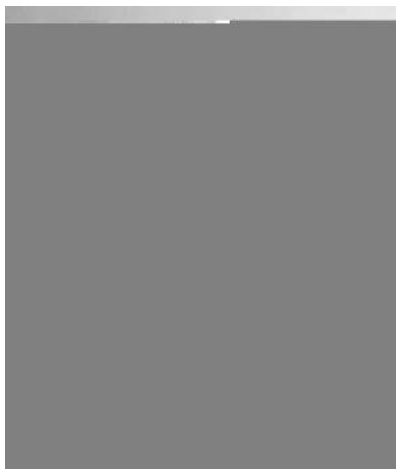

Рис. 60. Терракотовый хлебец.
Херсонес

а также маслины. Маслины упоребляли в пищу соленые или маринованные и привозили их с южного берега Понта и Средиземноморья [Каде-ев, 1996, с. 54]. Из молока делали сыр. Мясо принимали довольно редко, в то время как рыба была очень распространена: жареная, соленая, консервированная, в виде соусов. Среди соусов особенно ценился гарум или гесперийский рассол, который делался из скумбрии, а также хамсы и анчоуса [Højte, 2005, р. 133-160]. Одним из круп-

ных центров производителей и поставщиков рыбных соусов в Северном Причерноморье был Херсонес, где находился специальный рынок для торговли ними [Семенов-Зусер, 1947, с. 237-246]. В пищу употребляли также раков, крабов, устриц, мидии. На десерт подавали фрукты, виноград, мед, грецкие орехи и миндаль [Маликов, л. 2-3; Стржелецкий, 1961, с. 80-82; Кругликова, 1975, с. 196]. Пили вино, которое по греческому обычаю, предварительно смешивали пополам с водой, для чего использовали специальные сосуды – кратеры. Употребляли местное ольвийское, херсонесское, боспорское вино и привозное – в V–IV вв. до н. э. хиосское, мендейское, фассосское, а в IV–II вв. до н. э. – гераклеийское, родосское, косское, на что указывают многочисленные находки амфорной тары из различных центров Восточного Средиземноморья [Кадеев, 1996, с. 55-56]. В первые века н. э. увеличиваются поступления из южнопонтийских центров, особенно Синопы, поступают колхидские, итальянские вина.

В домашнем хозяйстве чаще использовали глиняную посуду. Пищу готовили в кружальных и лепных сосудах – горшках,

сковородах, кастрюлях. Вино и оливковое масло хранили в остродонных амфорах, зерно и соленую рыбу в пифосах. В отношении столовой посуды, следует отметить, что в классический период использовалась аттическая чернолаковая посуда [Античные памятники, 2001, с. 55 (Ольвия), с. 88 (Тира)], в эллинистический период – местного производства кувшины, тарелки, чашки, миски [Кастанаян, Арсеньева, 1984, с. 229-230]. В первые века н. э. практически повсеместно в городах Северного Причерноморья появляется посуда, покрывавшаяся красным лаком [Античные памятники, 2001, с. 67 (Ольвия), с. 96 (Тира)]. В обиходе многих городов появляются плоские рыбные блюда с углублением в середине для соуса [Нойте, 2005, р. 133-160]. В Херсонесе II в. н. э. они были овально-вытянутой формы с горизонтальными ручками. В это же время в Херсонесе встречаются краснолаковые горшочки и солонки [Кадеев, 1970, с. 88-96]. В городах Северного Причерноморья в первые века н. э. широко распространяется стеклянная посуда – сирийская, итальянская, малоазийская и александрийская [Античные памятники, 2001, с. 55]. В Ольвии и на Боспоре появляются серебряные и золоченые бронзовые изделия из итальянских и провинциально-римских центров. Среди них выделяются два сосуда из Ольвии – кувшин с фигурной ручкой, верхняя часть которой имеет форму виноградного листа, а нижняя оканчивается двумя птичьими головами и ковш (киаф), орнаментированный пальметами, цветами и ягодами [Ольвия, 1999, с. 513], а также серебряное блюдо в форме раковины из Пантикапея [Ростовцев, 1913, табл. 61, 4] (Рис. 61). Для умывания пользовались большими глиняными, реже мраморными мисками – лутериями.

Судя по памятникам искусства Северного Причерноморья одежда местных граждан мало чем отличалась от одежды жителей метрополий и почти не имела разницы между мужскими и женскими одеяниями. Греческие граждане традиционно носили хитон – род нижней рубашки, поверх него надевали плащ – гиматий. Хитоны могли быть

Рис. 61. Серебряное блюдо в форме раковины. Пантикапей

безрукавными, с короткими [АСХ, 1976, рис. 176, 187] или с длинными рукавами [АСХ, 1976, рис. 170]. Мужской хитон подвязывался по талии, а женский – под грудью [GCA, 2001, № 87; АСХ, 1976, рис. 140, 176, 178] или ниже талии [АСХ, 1976, рис. 135, 141, 213] и очень редко – по линии талии. Женщины носили длинную и довольно пеструю одежду, их головы в непогоду и во время обрядов покрывались полотнищем гиматия

(Рис. 62) [Соколов, 1973, № 90, 128, 129, 132 (Пантикапей), 171 (Фанагория), 178, 182 (Херсонес); АСХ, 1976, рис. 130, 133, 135, 140, 158-160 (Херсонес); GCA, 2001, № 68 (Ольвия), 75 (Пантикапей), 85 (Феодосия); Шевченко, 2016, № 82]. Мужчины покрывали голову плащом гораздо реже. Для плащей, обычно, использовали плотную и толстую ткань. Хитоны носили, изготовленные из тонкой шерсти и льна, а богатые женщины могли покупать импортные хитоны из шелка [Кадеев, 1996, с. 59]. Наиболее распространенным видом обуви были сандалии на толстой кожаной или деревянной подошве [Шевченко, 2016, № 740] (Рис. 63). В холодную погоду, зимой носили сапоги или туфли из мягкой кожи на низком каблуке [Козуб, 1986, с. 511]. Некоторые исследователи отмечают, что на Боспоре в холодный осенне-зимний период в мужской одежде использовались элементы, характерные местному варварскому населению: штаны, шаровары, куртки, высокие сапоги, меховые шапки. Считается, что при Спартокидах оформился, так называемый «боспорский мужской костюм», известный по изображениям на надгробиях: плотно облегавшие тело штаны, заправленные в мягкие сапоги, куртка и плащ, застегнутый фибулой на правом плече и переброшенный через левое

плечо [Зубарь, Русяева, 2004, с. 28-29]. Дион Хрисостом, посетивший в конце I в. н. э. Ольвию, оставил описание мужского военного костюма ольвиополитов. Он отметил шаровары и небольшой тонкий черный плащ на плечах [Дион Хрисостом. Борисфенитская речь, XXXVI]. Подобное описание военного костюма и шароваров, которые носили жители западнопонтийского города Тома, представил на рубеже нашей эры Овидий [Овидий, V, 10, 33-34]. По-видимому, шаровары, следует рассматривать в данном случае не в качестве примера

варваризации мужского греческого костюма, а как удобный элемент одежды в военных условиях в холодном климате. В остальных случаях херсонеситы, ольвиополиты, граждане боспорских городов носили традиционный греческий костюм, который собственно отличал эллина от варвара.

В традиционном греческом женском костюме большое значение имели украшения, в отличие от мужчин,

Рис. 62. Женская фигура в хитоне и гиматии с покрытой головой, терракота, Херсонес

Рис. 63. Нога в сандали, фрагмент терракотовой статуэтки. Херсонес

которые кроме перстня-печати почти никаких украшений не носили. Среди женских украшений Северного Причерноморья следует выделить – бусы, серьги, кольца, браслеты. Дешевые вещи изготавливались из цветных металлов, бронзы, латуни, меди, а ценные – из золота, серебра, драгоценных камней [Пятышева, 1956, с. 46-53].

Подводя итог, отметим, что особенности проникновения эллинов в Северное Причерноморье, специфика ионийской и дорийской колонизации, географический регион и политическое положение греческих городов, все это отразилось на эллинской культуре данного региона. Греческие переселенцы, основывая в VI–V вв. до н. э. города на северном побережье Понта, принесли с собой традиции классической культуры, находившейся на этапе расцвета. Самодостаточные в культурном отношении, замкнутые из-за иноплеменного окружения, греческие города Северного Причерноморья стремились сохранить типично греческие черты уклада жизни, что способствовало сопротивлению как варварскому, так и римскому влиянию.

Раздел 2

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА В ГРЕЧЕСКИХ ГОРОДАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Колонизация греками Северного Причерноморья способствовала распространению в данном регионе эллинского мировоззрения, традиционного стремления к гармоничному восприятию и активному познанию окружающей действительности. Свое мироощущение греки передали через духовную культуру – эстетические идеалы, взгляды на жизнь, взаимоотношение с миром богов и людей, интеллектуальные традиции. Перенесение традиционных представлений о богах оказало влияние на религиозное сознание и культовую практику населения вновь основанных городов, позволило сохранить связи с общегреческими святилищами и филэллинскую идеологию.

2.1. Греческая мифологическая традиция и религиозная жизнь граждан

Религиозные представления в города Северного Причерноморья были принесены первопоселенцами [Русяева, 1992, с. 5-6]. Поэтому, почти с начала существования этих городов можно говорить о сложившемся религиозном мировоззрении населения, которое опиралось на традиции метрополии и новые местные идеологические принципы.

Греческие мифы и религия в Северном Причерноморье.

Колонисты привезли в Северное Причерноморье свои мифы, в дальнейшем, вошедшие составной частью в ритуалы почитания богов. Среди известных греческих мифов, тесно связанных с Северным Причерноморьем, следует упомянуть легенду о пребывании Ахилла на острове Левке (Белом острове, Λευκός), ныне черноморском островке Змеиный, где по преданию располагалось загробное царство и в полном блаженстве пребывали души умерших. Остров Левке стал культовым центром почитания Ахилла, куда съезжались эллины со всей Ойкумены, здесь функционировал оракул [Хирст, 1908, с. 79-85; Толстой, 1918, с. 8-11; Охотников, Островерхов, 1993]. Легенда об Ахилле и Ифигении связывает имя фессалийского героя и дочери микенского царя Агамемнона с Тендровской косой, где были устроены состязания в беге. Согласно преданию, Ифигения прогневила Артемиду, убив ее священную лань, но богиня сжалилась и спасла Деву с жертвенного костра, перенесла ее на север в Понт Евксинский. Узнав об этом чудесном спасении, Ахилл устремился за своей невестой, направившись в своих поисках на Тендру [Русяева, 2005, с. 54]. Иная интерпретация мифа об Ифигении связывает ее с Тавридой, что, по мнению ряда исследователей, способствовало формированию представлений о сакральной связи Ифигении с Артемидой и формированию в данном регионе культа Партенос (Девы) [Хирст, 1908, с. 112-115; Мещеряков, 1980, с. 64-72; Русяева, 1999, с. 163; Русяева, 2005, с. 68].

Понтийская легенда о Геракле и Ехидне, представленная в пересказе Геродота, передает эллинский вариант мифа о происхождении скифов [Геродот. История, IV, 8-10]. Содержание легенды сводится к сообщению о том, что Геракл, совершая свой десятый подвиг (похищение коров Гериона), в скифской земле встретил полудеву-полуехидну, от союза с которой произошло рождение трех его сыновей – Скифа, Агафирса и Гелона. А. С. Русяева отмечает, что подобный вариант происхождения местных племен от греческого героя служил пропагандистским целям и оправдывал заселение земель эллинами в период ко-

лонизации [Русяева, 2005, с. 40]. Обоснованию существования святилища Афродиты Апатурос на Боспоре, служит легенда о битве Геракла с гигантами, нападшими на Афродиту. Согласно изложению Страбона, Афродита пошла на хитрость, спрятав Геракла в пещере и, передавая ему гигантов по одному, помогла коварно умертвить их [Страбон. География, XI, 2,10]. Сакральную связь Аполлона с территорией Северного Причерноморья почеркивают мифы, упоминающие о путешествии бога на север, его связи с гипербореями [Лосев, 1996, с. 468-469]. Таким образом, в греческих мифах, получивших распространение в Северном Причерноморье, пояснялось заселение данных земель богами и героями, которые выступали в роли первопродцов, сакральных колонистов, что открывало путь для основания на территории Понта эллинских поселений.

С моментом основания полиса было связано определение круга культов, которые должны отправляться совместно всеми членами новой общины. Такое решение, по-видимому, принимал ойкист. Обычно ойкисты происходили из знатных аристократических родов, соответственно они были хорошо знакомы с официальными культами полиса, откуда вели свое происхождение, поэтому в пантеон новых полисов входили культы метрополии [Parker, 1997, p. 61]. Сами ойкисты часто героизировались и их культы почитались в причерноморских полисах вплоть до первых веков н. э., сохраняя память об «отцах-основателях». Возможно, таким героем в Ольвии был Евресибий, ойкист одной из партий колонистов, ставший основателем знаменитого аристократического рода в полисе [Русяева, 1992, с. 206; 2005, с. 27; Диатроптов, 2001, с. 37].

Принятие решения об определении официальных культов и главного божества, возглавлявшего пантеон, было возможно после обращения к оракулу. В колонизации Северного Причерноморья важную роль играли несколько известных прорицалищ Аполлона. Милетско-ионийские колонисты обращались за оракулами в святилища Аполлона в Дидимах и Дельфах, основание Херсонеса происходило на основании оракула Аполлона Делосского [Русяева, 1992, с. 27-29].

В целом религия, получившая распространение в государствах Северного Причерноморья с VI в. до н. э. по IV в. н. э. была греческой и имела тенденцию к сохранению исконных культов главных олимпийских богов и обожествленных героев. Эллинскими были и официальные пантеоны богов, с характерной синкретизацией отдельных культов. Одни и те же культы, получившие распространение в различных полисах Северного Причерноморья, имели много общих черт, но отличались локальной спецификой, проявлявшейся разнообразием функций и эпиклес. Первые места в пантеонах занимали те из олимпийских богов, которые имели непосредственное отношение к безопасности жизни и ведущим отраслям хозяйства.

Личная религия. Традиционная греческая религия была направлена на почитание локальных богов, каждый из которых признавался покровителем определенного полиса. Однако в силу разнородности населения, различных потоков колонизации Северного Причерноморья, наличия местного населения, каждый греческий полис почитал еще целый ряд богов. Бог-покровитель обладал несколькими функциями, которые отражались в сакральных эпитетах – эпиклесах, поскольку этот бог должен был отвечать интересам разных групп населения, объединяя их в единый коллектив. Другие боги имели более узкую специализацию, обращение к которым было необходимо в конкретной ситуации. Следовательно, как отмечает А. Фестюжьер, могло существовать и личное поклонение полисным богам [Фестюжьер, 2000, с. 15]. Таким культам, частным по своему характеру, могли поклоняться за пределами городской черты в сельской местности, часто поклонялись отдельным богам семьей или родом. По словам Платона, многие люди «сооружают...алтари и святилища в качестве средства для своего спасения; они наполняют этими святилищами все дома и поселки...» [Платон. Законы, X, 910a]. Он же подчеркивал, что в идеале, полисная религия должна слиться с религией отдельных индивидуумов [Платон. Законы, X, 909d-910d; XII, 955e]. Главным отличием семейных культов

от официальных полисных было то, что они почитались не всей гражданской общиной, а отдельной семьей в собственном святилище, под которое обычно выделялась часть дома. В домашних святилищах почитали как общеполисных божеств, так и божественных покровителей конкретной семьи. В таких святилищах обычно использовались терракотовые статуэтки, изображавшие любимых богов и героев, миниатюрные терракотовые алтарики с изображением мифологических сюжетов. Эти сакральные предметы часто находят при раскопках жилых домов в северопонтийских полисах [Русяева, 1982, с. 142; Зубарь, 2005, с. 36-37; Шевченко, 2016, № 469] (Рис. 64). Отправление домашних культов было не менее важным, чем официальные обряды и в каждом конкретном случае было связано с предпочтениями почитателей или определенной жизненной ситуацией [Русяева, 2001, с. 41]. Личное благочестие эллинов Северного Причерноморья проявлялось в том, что они могли почитать своих богов дома, могли делать личные приношения в храмы. Небольшие керамические вотивы, представлявшие собой обломки керамики с процарапанной первой буквой имени бога, были частыми приношениями в северопонтийские храмы [Штерн, 1897, с. 163-199]. Следовательно, любой эллин, даже не очень грамотный и богатый, мог лично просить о заступничестве у бога гражданской общины. В тоже время, состоятельные граждане часто по личному обету, что подчеркивается в надписях, совершали дорогие приношения в храмы (дорогостоящие дары, монеты), ставили статуи, возводили храмы [IOSPE, I², № 80; НО, № 79-81,

Рис. 64. Терракотовый алтарик с изображением мифологической сцены, III в. до н. э. Херсонес

83]. В Пантикапее, например, Аврелий Валерий Сог постороил по обету молельню Богу высочайшему [КБН, № 63]. Важно подчеркнуть, что храмы в городах Северного Причерноморья, как и повсюду в Греции, были постоянно открыты. Каждый гражданин в любое время мог его посетить, произнести молитву, обратившись к богу. Особенно часто лично обращались к богам за исцелением. Поэтому Асклепию, Гигии поклонялись как в храмах, так и дома, часто создавали небольшие святилища за пределами городской черты [Гайдукевич, 1949, с. 170]. В сельской местности часто строились и святилища Элевсинским божествам [Масленников, 1997, с. 150].

Полисная религия. В каждом полисе выделялись официальные культы, которые почитались всей гражданской общиной и отношение к ним граждан являлось своего рода проявлением патриотизма. Источниками для суждения о таких культах являются, прежде всего, монеты, на которых изображались образы богов-покровителей. Кроме того, им сооружали святилища и храмы, воздвигали алтари и жертвенники, создавали статуи, в священной окрете храма (на теменосе) и на агоре устанавливали мраморные и известняковые плиты с посвященными надписями. Официальные полисные декреты также позволяют уточнить структуру пантеонов. Например, присяга херсонеситов (надпись начала III в. до н. э.) начинается с обращения к богам, почитаемым в полисе: «Клянусь Зевсом, Геей, Гелиосом, Девую, богами и богинями Олимпийскими и героями, кои владеют городом, областью и укреплениями херсонеситов...» [IOSPE, I², № 401].

В Ольвии, Тире, Херсонесе, городах Боспора известны посвящения всем греческим богам. Следует подчеркнуть, что особой популярностью в Северном Причерноморье пользовались культы героев. В Ольвии в качестве официальных культов почитали Аполлона, Зевса, Афину, Афродиту, Диониса, Плутона и Кору, Асклепия и Гигию. Особые почести оказывались обожествленным героям – Ахиллу, Гераклу, Диоскурам [Русяева, 1992]. В Херсонесе весь период существования полиса преобладал культ богини Девы Партенос [Мещеряков,

1980, с. 70-72]. К верховным божествам относились также Зевс, Гея, Гелиос, Геракл, Дионис, Асклепий, Гигия, Гермес, Афродита [Кадеев, 1996, с. 150-151]. Тириты почитали Деметру, Кору-Персефону, Диониса, Афины, Артемиду, Аполлона, Асклепия [Самойлова, 1988, с. 75-78; 2007, с. 276-279; Сон, 1993, с. 108]. В городах европейского Боспора официальными культурами были культы Аполлона, Артемиды, Афродиты, Зевса, Геры, Геракла, Диониса, на азиатской стороне широко почитались – Афродита Урания, владычица Апатура, Артемиды, Аполлон, Посейдон, Гермес, Асклепий [Ustinova, 1999, р. 27, 61; Бондаренко, 2007, с. 18-19]. С момента вхождения части территорий Северного Причерноморья в состав Понтийской державы Митридата VI Евпатора в регионе получают распространение восточные и греко-восточные божества, характерные эллинистическому периоду [Сапрыкин, 2009, с. 8]. В первые века н. э., в связи с появлением в полисах римских гарнизонов и распространением римского культурного влияния, в пантеонах происходят некоторые изменения. Главенствующая роль, по-прежнему, принадлежит греческим божествам, но у них усиливаются функции защитников, покровителей и спасителей полисов. В Ольвии, например, Ахилл приобретает эпиклему Понтарх (Владыка Понта, покровитель), Аполлон почитается как Простат (защитник), а Зевс – Сотер (спаситель) и Полиарх (Владыка города). В пантеонах возрастает значение тех греческих богов, культы которых имели особую популярность в Римской империи. Подобным примером может служить усиление роли культов Асклепия и Гигии в Херсонесе во II–III вв. н. э. [Кадеев, 1996, с. 153], в III в. н. э. в Ольвии [Русяева, 1992, с. 130-132; Бондаренко, 2007, с. 17], во II в. н. э. на Боспоре, где Асклепий был наделен эпитетами Сотера (спасителя) и Эвергета (благодетеля) [КБН, № 957]. Согласно свидетельствам из Пантикапея храмы в честь греческих богов продолжают возводиться даже в IV в. н. э. [КБН, № 65, 66]. В Гермонассе во II в. н. э. засвидетельствовано особое должностное лицо, которое ведало святынями [КБН, № 1045] и, вероятно, следило за почитанием официальных культов.

Однако включение полисов Северного Причерноморья в сферу римского влияния способствовало распространению здесь культа римских императоров, который наиболее почитался в Боспорском царстве [Диатроптов, 2001, с. 42-43; Кузнецов, 2006, с. 166]. Зависимость Боспорского царства от Рима ярко проявилась в период правления царя Котиса I (45/46–67/68 гг.). Это привело к тому, что в официальных надписях боспорский царь стал именоваться пожизненным первосвященником Августа [КБН, № 41], а, следовательно, был проводником культа римского императора на Боспоре. В надписи первой половины II в. содержится упоминание о храме Августов в Фанагории (КБН, № 1050), что позволяет предположить существование там специальной коллегии императорского культа во главе с царем. Эпиграфические данные свидетельствуют, что титул пожизненного первосвященника Августов боспорские цари носили вплоть до первой половины III в. н. э., времени правления Рескупорида III [КБН, № 63]. В дальнейшем императорский культ на Боспоре утратил свое значение.

В первые века н. э. в среде состоятельных граждан причерноморских полисов и лиц, имевших права римского гражданства, увеличивается количество почитателей восточных культов (малоазийских – Кибела, Аттис, Мен, Дионис-Сабазий; египетских – Осирис, Серапис, Исида, Гарпократ; иранского – Митра) [Русяева, 1992, с. 149-151, 154; Шевченко, 2011, с. 277-282], появляются смешанные (синкретические) культы [Кубланов, 1958, с. 57-58; Бондаренко, 2007, с. 17-19]. На Боспоре во II–III вв. особую популярность приобретает культ безымянного Бога Высочайшего (Теос Гюпсистос), соединившего в себе черты нескольких божеств (греческого Зевса, иудейского божества, фракийского Зевса-Сабазия или иранского бога-всадника). Данный культ воспринимался почитателями не только как «Бог Высочайший», но и как «Бог Всемогущий». Адепты данного культа объединялись в религиозные союзы (фиасы), во главе которых стояли представители боспорской аристократии.

Для III–IV вв. характерно появление в Херсонесе и городах Боспора гемм-инталлий, на которых изображались гности-

ческие символы в сопровождении характерных имен богов и заклинаний [Неверов, 1973, с. 55-77; Соломоник, 1973, с. 61]. Следовательно, в этот период население полисов Северного Причерноморья было знакомо с идеологией гностиков, популярной в Римской империи. Материалы некрополей свидетельствуют о широком распространении в это время магических представлений среди граждан.

В позднеантичный период в Северное Причерноморье проникает христианская идеология. Археологические и эпиграфические источники свидетельствуют о появлении почитателей этой религии, в основном из среды иноземцев, на рубеже III–IV вв. н. э. в Херсонесе и на территории Боспорского царства [Мещеряков, 1978, с. 121-144; Фомин, 2012, с. 69-76]. Греческое население Боспора и Херсонеса длительный период оказывало сопротивление распространению новой религии и только во второй половине IV в. н. э. в условиях превращения христианства в основу римской культурной экспансии в Северном Причерноморье оно получает более широкое распространение.

Обращаясь к греческим культам Северного Причерноморья, остановимся на нескольких наиболее значимых из них, выделяя локальные особенности полисов.

Первостепенное значение для всех полисов Северного Причерноморья имел культ Аполлона. Именно данный культ являлся покровителем милетско-ионийской колонизации, будучи главным среди полисных богов Милета [Ehrhardt, 1983, р. 201, 251]. С момента основания Борисфена, Ольвии, Пантикапея и других полисов Боспора здесь существовал культ Аполлона с эпиклесой Иетрос (Врач) [Русяева 1992, с. 31]. Первый храм, посвященный Аполлону Иетросу в Ольвии, был построен в третьей четверти VI в. до н. э., в конце того же века ранний храм был разрушен и на его месте возведен новый, больший по размерам. В середине V в. до н. э. Аполлону был посвящен еще один храм и с этого момента он почитался в Ольвии в новой ипостаси в качестве Аполлона Дельфиния [Пичилян, 1984, с. 178-179]. А. С. Русяева отмечает, что

расширение функций данного культа в Ольвии было связано с ростом благосостояния гражданской общины и появлением знатных родов [Русяева, 2005, с. 241]. В данном полисе отмечено наибольшее разнообразие эпиклес Аполлона. В архаический и раннеклассический периоды он почитался как Аполлон Иетрос (Врач) – наделялся функциями владыки полиса, защищал от всяческих опасностей, Аполлон Дельфиний – покровитель гражданской общины, Аполлон Ликей (Волк) – покровитель первых милетских колонистов и мореходов, охотников и скотоводов, Аполлон Северный (Борей) – победитель севера, Аполлон Таргелий – связанный с весенними праздниками плодородия и очищения гражданской общины от скверны. Ко II в. н. э. различные эпиклеса Аполлона соединяются в одну, и он почитается как Защитник (Простат) – спаситель, попечитель, благодетель, защитник от войн и болезней [Русяева, 1992, с. 29-55].

Культ Аполлона с эпиклесой Иетрос стал главным полисным богом Пантикапея с самого начала существования полиса. В конце VI – начале V вв. до н. э. на вершине горы Митридат ему было возведено великолепное святилище, ставшее сакральным центром объединения Боспорского царства [Пичикян, 1984, с. 160-164; ср. Толстиков, 2010, с. 277]. В период правления династии Археанактидов (нач. V в. до н. э. – 438 г. до н. э.) под эгидой святилища Аполлона на Боспоре возникла священная амфикифия. При ранних Спартокидах (вторая половина IV – начало III в. до н. э.) культ Аполлона стал главным государственным культом Боспорского царства. Значимость данного культа в религиозной жизни Боспора определяется тем, что представители царской династии становились жрецами при отправлении данного культа. Политика Спартокидов заключалась в том, что культ Аполлона почитался во всех полисах, входивших в состав Боспорского царства. Свидетельством популярности данного культа на Боспоре являются эпиграфические источники – многочисленные посвящения Аполлону из Пантикапея, Фанагории, Гермонассы, Танаиса [КБН, № 6, 10, 25, 974, 985, 1037].

Почитался культ Аполлона и в Херсонесе, хотя не играл такой важной роли как в Ольвии и на Боспоре. Официальный характер этого культа в Херсонесе был связан с необходимостью поддерживать тесные контакты с Делосом и Дельфами, в результате чего Дельфы предоставили Херсонесу право промантии (право внеочередного вопрошания оракула) [Граков, 1939, с. 248, № 13]. Вероятно в этот же момент, во II в. до [

в V в. до н. э. подтверждается рельефным изображением процессии, связанной с поклонением Деметре, на базе мраморного алтаря [Кобылина, 1972, табл. 4]. Одним из наиболее ранних центров поклонения богине был Нимфей, где культ Деметры возглавлял пантеон богов. Археологические материалы подтверждают существование святилища Деметры в Нимфее уже в середине VI в. до н. э. В дальнейшем оно неоднократно перестраивалось и просуществовало до III в. до н. э. [Худяк, 1962, с. 36-42]. В VI–IV вв. до н. э. святилища Деметры возводятся в Мирмекии, Тиритаке. С. Ю. Сапрыкин считает, что в этот период Деметру вместе с Корой почитали на Боспоре под влиянием элевсинских мистерий. Дальнейший рост торговли хлебом способствовал быстрому распространению культа Деметры на другие территории Боспора [Сапрыкин, 1983, с. 68]. Святилище Деметры и Кору IV–III вв. до н. э. было открыто в районе Горгиппии. Из самого города происходит большое количество терракот, отражающих почитание совместного культа обеих богинь [Алексеева, 1997, с. 229]. В эллинистический и римский периоды элевсинский культ Деметры получил особую популярность на Боспоре. В расписном пантикапейском склепе I в. н. э., получившем название «склеп Деметры» четко отражаются основные события гомеровского гимна. В люнете склепа представлено похищение Кору Плутоном и отъезд их в Аид, на потолке подан образ скорбящей матери – богини Деметры. Справа от входа на стене скорбящая Деметра изображена в поисках своей пропавшей дочери [Ростовцев, 1914, с. 199-226] (Рис. 65-67). Популярность культов Деметры и Кору-Персефоны в северопонтийском регионе способствовала появлению здесь празднеств с мистериями, в которых принимали участие женщины.

В Северном Причерноморье широкое распространение получили культы героев, что было вызвано необходимостью поддержания сакральных связей причерноморских полисов с остальной частью греческого мира. Особая роль среди них принадлежала культу Ахилла, который почитался с VI в. до н. э. по IV в. н. э. как герой, и как бог, обладавший функциями

Рис. 65. Сцена
Похищения Керы
Плутоном (Склеп
Деметры, I в. н. э.
Пантикапей) (фото
О. А. Ручинской)

Рис. 66. Скорбящая
Деметра (Склеп
Деметры, I в. н. э.
Пантикапей) (фото
О. А. Ручинской)

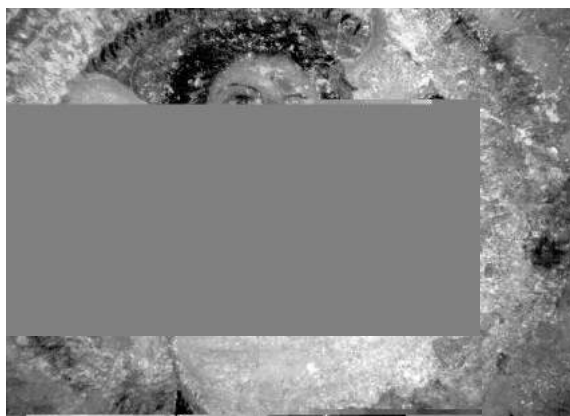

Рис. 67. Деметра
в поисках
Керы (Склеп
Деметры, I в. н. э.
Пантикапей) (фото
О. А. Ручинской)

Воспоминания о Сократе, IV, 3, 16]. Поэтому участие в общественных религиозных обрядах было одной из главнейших обязанностей гражданина, а наблюдение за отправлением официальных культов и сопровождавших их обрядов входило в обязанности государства [Jones, 1940, p. 230].

Собственно почти никаких письменно подтвержденных обрядовых норм, которые признавались бы всем эллинским миром, не существовало. Но в отдельных полисах широкое распространение получила точная запись сакральных предписаний, особенно касавшихся материальных обязательств перед богами. Граффито из Зенонова Херсонеса свидетельствует о том, что подобная пунктуальность в соблюдении религиозных правил, вероятно, была присуща и полисам Северного Причерноморья. Жители этого боспорского города на рубеже V–IV вв. до н. э. посвящали в дар богине Деметре строго определенную норму зерна [Блаватская, Розов, 1985, с. 128]. К еще более раннему времени (VI–V вв. до н. э.) относятся граффити, свидетельствующие о посвящении двадцатины богу Аполлону на Березани и в Ольвии [Яйленко, 1982, с. 289]. В городах Северного Причерноморья, видимо, издавались и специальные законы, регулирующие жертвоприношения. Примером такого сакрального закона является надпись III в. до н. э. из Ольвии, сообщающая об установлении цен на жертвоприношения: за быка – 1200 медных монет, за овцу и козу – 300 монет, за кожу – 60 [IOSPE, I², № 76]. Подобный закон, с детально установленными видами и размерами приносимых жертв, еще в VI в. до н. э. был выставлен на всеобщее обозрение в Милете [Блаватская, Розов, 1985, с. 129]. На некоторую связь и, возможно, преемственность между сакральными законами Милета и его колоний указывает договор IV в. до н. э. об исополитии между Милетом и Ольвией, один из пунктов которого гласил об урегулировании равноправия в жертвоприношениях [Граков, 1939, с. 264, № 35; Graham, 1964, p. 99]. Надпись II в. н. э. из Фанагории свидетельствует о существовании таких священных уставов по проведению религиозных обрядов на Боспоре [КБН, № 1005]. По мне-

нию В. В. Латышева, закон, регламентирующий празднества и жертвоприношения существовал и в Херсонесе [Латышев, 1907, с. 37, № 12]. Но надпись плохо сохранилась, и получить более подробные сведения об этом *lex sacra* не представляется возможным. Обычно после общественных жертвоприношений, которые совершались за счет гражданской общины, все шкуры убитых животных шли в пользу полиса, а их продажа являлась дополнительной статьей государственного дохода. Если же обряды осуществлялись за счет пожертвований частных лиц, то в качестве платы они получали часть туши [Ленская, 2013, с. 327].

Эпиграфические источники свидетельствуют, что полисы Северного Причерноморья поддерживали связи с общегреческими святилищами, а, следовательно, стремились сохранить традицию соблюдения религиозных обрядов. В 276 г. до н. э. херсонеситы посвятили храму Аполлона на Делосе три серебряные фиалы [Граков, 1939, с. 258, № 25-27], подобную фиалу пожертвовал в делосскую сокровищницу и боспорский царь Перисад II [Граков, 1939, с. 259, № 28]. Кроме того, боспоряне посылали священные дары и в Дидимское святилище Аполлона [Граков, 1939, с. 267, № 39]. На сакральную связь Дельфийского святилища с Херсонесом указывают надписи III–II вв. до н. э., упоминающие участие граждан этого полиса в праздновании Пифийских игр [Граков, 1939, с. 247, № 12; с. 248, № 13-14]. Во время священных агонов херсонеситы должны были традиционно приносить дары дельфийскому Аполлону.

За соблюдение сакральных норм и руководство священными обрядами отвечали жрецы [Павсаний. Описание Эллады, V, XV, 6]. Они не составляли особого сословия, не являлись профессионалами, поскольку их жизнь не была полностью посвящена службе богам. Жрецы были гражданами, которые, помимо своей гражданской деятельности, должны были обладать знаниями ритуала и заботиться о содержании в надлежащем порядке храма [Nilsson, 1948, P. 4; Chaniotis, 2008, p. 33].

Долгое время, по традиции, высшим жрецом в греческом полисе оставался царь (βασιλεύς). По словам Аристотеля, царь, где он еще существовал в его время, являлся магистратом (т.е. должностным лицом), тесно связанным с религиозной жизнью государства [Аристотель. Политика, III, 9, 7-8]. Это подчеркивает и Страбон, сообщая, что царь непосредственно наблюдал за исполнением священных обрядов [Страбон, География, VIII, XII, 2]. Судя по надписям IV–III вв. до н. э., практика организации священных общественных обрядов под руководством сакрального базилея осуществлялась первоначально и в Херсонесе [IOSPE, I², № 410-412]. Позднее эта функция, вероятно, переходит к жрецам богини Девы (Партенос) и существует вплоть до II–III вв. н. э. [НЭПХ, 1973, № 111-112]. Высшие жрецы храма Девы были и эпонимами (должностное лицо, которое давало имя году) Херсонеса, что подчеркивает их значимость в общественной жизни города.

В большинстве ионийских полисов Северного Причерноморья наиболее важные священные обряды проводились жрецами бога Аполлона. В Ольвии на это указывает эпонимия главных жрецов Аполлона, начиная с IV в. до н. э. [IOSPE, I², № 32-201; НО, № 26, 30, 61, 113]. В послегетское время эпонимами здесь становятся первые архонты, которые могли выполнять и жреческие обязанности [IOSPE, I², № 42]. Многочисленные монетные типы с изображением Аполлона из разных полисов Боспора [Гайдукевич, 1949, с. 584-586], эпиграфические свидетельства о существовании храмов [КБН, № 6, 10, 25, 974, 985, 1037], votивные приношения не только указывают на государственный характер культа, но и являются свидетельством активной деятельности служителей культа в период с V в. до н. э. по II–III вв. н. э. С IV в. до н. э. роль жрецов Аполлона в городах Боспора выполняли боспорские цари или представители элиты, соединяя свою должность с обязанностями эпонима [КБН, № 1-2, 6-8, 10, 18-19, 21, 23-24, 30].

Исполнение жреческих обязанностей считалось чрезвычайно почетным делом. Артемидор писал, что их чтили не

меньше богов [Артемидор. Сонник, III, 13]. Но обязанности жреца часто требовали значительных личных трат на проведение общественных жертвоприношений и обрядов. Обычно необходимость в этом возникала в периоды тяжелого финансового положения в городах. Поэтому жрецами становились, как правило, представители богатых и знатных семей. На это ясно указывает боспорская традиция, но для Ольвии и Херсонеса такая практика тоже была характерна. Эпиграфические источники называют жрецами богатых и знатных граждан Херсонеса – Агасикла и Аристоники [IOSPE, I², № 418, 423], в Ольвии – Феокла и Каллисфена [IOSPE, I², № 40-42]. Помимо расходов, обязанности жреца приносили и немалый доход. По общепризнанному обычаю, священнослужители получали определенные части жертвенных животных [Феофраст. Характеры, XXII, 4], иногда денежные вознаграждения [Jones, 1940, p. 228]. Жертвы, состоявшие из фруктов, печений и подобных продуктов, если не сжигались, тоже шли в пользу жрецов. В комедии Аристофана «Плутос» раб Кармон, рассказывая о ночлеге больных в святилище Асклепия, упоминает, что после того, как лампы были потушены, жрец обошел все жертвенники и все лежавшие на них пирожные и плоды «посвятил» своему мешку [Аристофан. Плутос, 623].

Получить должность жреца можно было несколькими способами: посредством выборов, с помощью жребия, по наследству и покупкой [Jones, 1940, p. 227-228]. В Ольвии, Херсонесе, Тире, государствах с демократическим устройством, вероятнее всего проводились выборы жреца. При этом срок жречества, вероятнее всего, определялся в один год, на что косвенно указывает соединение с обязанностями жреца эпонимии. Непродолжительность срока жречества подтверждает и возможность неоднократного занятия должности. К примеру, дважды жрецами становились ольвиополиты Геродор и Апсог [IOSPE, I², № 32, 139]. Происходила смена жреческого состава и на Боспоре. В надписях IV–II вв. до н. э. часто упоминается окончание срока жречества [IOSPE, I², № 6, 10, 25, 974, 1037-1039, 1044], что подтверждает его непродолжительность.

При выборах жрецов большое внимание уделялось внешности претендента, отсутствию любых недостатков. Павсаний отмечает, что, по греческим представлениям, жрец своим внешним видом должен походить на то божество, которому служит [Павсаний. Описание Эллады, VII, XXIV, 2; IX, X, 4]. Но в условиях причерноморских полисов это не всегда было возможно. В Ольвии, например, одно и то же лицо исполняло обязанности жреца разных божеств [IOSPE, I², № 140, 257].

За особые заслуги перед городом гражданам могли предоставлять наследственное почетное звание жреца, а это приводило к созданию жреческих родов. В Ольвии таковыми были род жрецов Евресибиадов [НО, № 71], род Дионисия, сына Дионисия [IOSPE, I², № 20, 189, 670-672; НО, № 68-70]. К еще одной жреческой семье принадлежали Эвбиот, сын Аристана, и Тимо, дочь Гипсикреонта [IOSPE, I², № 191].

Одной из форм организации религиозной жизни граждан было объединение их в культовые союзы. Наиболее ранними, зафиксированными религиозными союзами в Северном Причерноморье были аристократические союзы мольпов и бореяков в Ольвии. Их деятельность приходилась на период VI–V вв. до н. э. и была связана с организацией сакральных обрядов в культе милетского Аполлона (Аполлона Дельфиния) [Русяева, 1992, с. 193-194]. В конце IV – начале III вв. до н. э. в Ольвии действовал религиозный союз, связанный с культом Зевса Спасителя. Судя по надписи, в его состав, наряду с фиаситами входили представители рода жрецов Евресибиадов [НО, № 71]. На раннем этапе существования Ольвийского полиса, вероятно, действовал и вакхический фиас, в празднествах которого принимал участие скифский царь Скил [Геродот. История, IV, 78-80]. В III в. н. э. подобное культовое сообщество возглавлял фиасарх в Херсонесе [IOSPE, I², № 425].

Широкое распространение фиасы получают в первые века н. э. на Боспоре. Вопрос о характере существовавших здесь сообществ достаточно сложный и дискуссионный. Современные исследователи выделяют сообщества профессиональные, военные, возрастные, общества, связанные с совместным

погребением своих сочленов или совместным почитанием божеств (греческих, восточных или синкретических) [Завойкина, 2013, с. 13-14; 67-69; Габелко, Завойкина, Шавырина, 2007, с. 334-344]. Н. В. Завойкина выделяет три взаимосвязанные функции, объединявшие членов каждого сообщества в единый коллектив: религиозную, социальную, погребальную [Завойкина, 2013, с. 67]. Необходимость объединения в сообщества была вызвана углублением процесса размыwania гражданского коллектива, распадом прежних связей, отходом от активной гражданской жизни. Эти процессы в первые века н. э. происходили не только в рамках Боспорского царства, но и во всем античном мире. Объединение граждан в *фиасы* способствовало укреплению социальных связей. В религиозные союзы часто объединялись неполноправные (вольноотпущенники, наемники, иноземцы) или полностью бесправные лица (рабы), которые основной задачей видели обеспечение достойного погребения, что было возможно только при коллективной поддержке всех членов *фиаса* [КБН, № 988; Габелко и др., 2007, с. 341]. В число боспорских религиозных союзов входили также и возрастные сообщества, которые объединяли свободных полноправных граждан и были исключительно мужскими сообществами [КБН, № 103, 137; Завойкина, 2013, с. 67-69]. В *фиасы*, почитавшие синкретического Бога Высочайшего, входили представители эллинизированного местного сарматского населения [Завойкина, 2013а, с. 257-261]. Религиозная функция *фиасов* была связана с обязательным исполнением всеми членами союза определенных культовых обрядов. С этой целью в состав *фиасов* входило несколько категорий должностных лиц. Возглавляли *фиасы* и руководили обрядами жрецы, *гиеромасторы* занимались устройством празднеств и жертвоприношений, *фронтисты* и *эпимелеты*, т. е. попечители, следили за правильностью исполнения ритуала, *синагоги* и *филагафы* были организаторами культовых трапез, наконец, *гимнасиархи* и *неанискархи* отвечали за подготовку и проведение священных состязаний (*агонов*). Кроме того, в состав членов горгиппийских *фиасов* входили: «ведающий святынями», должностное лицо,

которое отвечало за соблюдение и организацию ритуальных действий, и «казначей священных сумм», являвшийся финансовым распорядителем жертвоприношений [КБН, № 1129, 1130, 1134]. Фиасоты, будучи членами гражданского коллектива полиса, вероятно, принимали участие во всех культовых мероприятиях, устраивавшихся государством: общественных жертвоприношениях, празднествах в честь богов-покровителей полиса, священных агонах. Подобная традиция известна, например, во многих малоазийских городах, где члены фиасов в первые века н. э. принимали участие в общеполисных религиозных празднествах [Свенцицкая, 1985, с. 51, 57].

Во II в. н. э. на Боспоре, по-видимому, появляются отдельные возрастные сообщества, связанные с культом императоров. Пантикапейская надпись, упоминающая в качестве благодетеля и основателя союза молодых никейцев Тиберия Юлия Савромата, который был «пожизненным первосвященником Августов» указывает на явную связь данного союза с культом императоров [КБН, № 44]. Подобные союзы «молодых» возникали во многих малоазийских и других греческих городах в I–II вв. н. э. и играли важную роль в организации празднеств императорского культа [Свенцицкая, 1981, с. 43].

Следует отметить, что возникновение разных по характеру и структуре культовых объединений на Боспоре, выходящих за рамки официальной полисной идеологии, отражало те социально-политические преобразования, которые происходили в Римской империи и подвластных ей территориях в первые века н. э. Фиасы заменяли собой разрушающуюся полисную систему, а, с другой стороны, являлись индикатором проникновения на Боспор новых культов, эллинизации местного населения, возможности ее вхождения в состав «новой» боспорской аристократии, заручившись поддержкой местных религиозных союзов.

Религиозные обряды

Древнегреческая религия была религией не слова или убеждения, а действия [Nilsson, 1940, p. 76]. Греки верили в существование прямой связи между совершением определен-

ного ритуала и благорасположением божества. Не совершая необходимых обрядов, человек считал себя вне покровительства богов, причем богов местных, эффективность обращения к которым была наибольшей именно в том полисе, которому они покровительствовали. Лукиан, иронизируя над этим, отмечает, что греческие боги ничего не делают бесплатно, они продают людям блага: за одного бычка можно купить здоровье, за четыре быка – богатство, за гекатомбу – царство [Лукиан. О жертвоприношениях, 2]. Поэтому для приобретения их дружбы и покровительства или отвращения гнева, греки и соблюдали разнообразные обряды, среди которых самым важным был ритуал жертвоприношения.

Сопоставление различных категорий источников позволяет выделить несколько видов общественных жертвоприношений, в которых принимали участие граждане городов Северного Причерноморья. Прежде всего, это анафематы (*ἀναθήματα*) – различные предметы, приносимые в дар богам (вотивы): сосуды, одежда, оружие, произведения искусства, терракотовые статуэтки, монеты [Burkert, 1988, p. 43; Karoglu, 2010, p. 3]. Посвятительные граффити на сосудах из Херсонеса, Ольвии и городов Боспора свидетельствуют, что здесь очень популярными были приношения в виде предметов гончарного ремесла [Штерн, 1897, с. 163-199]. Наличие большого количества сосудов незначительной ценности с неуверенным почерком позволяет говорить, что в жертвоприношениях участвовали все слои граждан города, независимо от их социального и материального положения. Об этом свидетельствуют также ольвийские керамические вотивы в виде стенок чернолаковых сосудов [НМЗО, 0-92 /АГД/, № 12, 16, 41, 86, 170, 176, 177, 181, 182, 232, 256, 280, 303; НМЗО, 0-90 /НГС/, № 32], небольшие сосудики из Херсонеса [Косцюшко-Валюжинич, 1906, с. 74].

Жители причерноморских полисов делали и дорогие приношения: золотые венки и статуэтки Ники [НО, № 79, 80, 83], украшения [IOSPE, I², № 80; НО, № 81], драгоценные сосуды [Граков, 1939, с. 25-28]. Монетные находки в святилищах

Ольвии, Херсонеса и городов Боспора [Зограф, 1941, с. 152-160], а также эпиграфические данные о суммах херсонесских даров [IOSPE, I², № 440-442] свидетельствуют о денежных пожертвованиях в храмы городов Северного Причерноморья. К числу особенно дорогих приношений следует отнести статуи, жертвенники и алтари, отмеченные в надписях Ольвии [IOSPE, I², № 327], Херсонеса [НЭПХ, 1973, № 125], Пантикапея [КБН, № 6, 6а, 10, 14], Гермонассы [КБН, № 1043]. Указанные свидетельства охватывают период с V в. до н. э. по III в. н. э. При этом, большинство надписей сообщают, что дорогостоящие приношения часто совершались самими жрецами, по окончании срока пребывания в должности.

Анафематы обычно принадлежали святилищу божества в качестве его собственности и служили для украшения храма или для потребностей культа [Латышев, 1899, с. 81]. Сосуды и другие приношения, оставленные в святилищах, обычно находились на жертвенных столах, которые чаще всего были представлены треножниками. Согласно Павсанию, повсеместно в Элладе треножники получали в награду победители в войне или на священных агонах, а затем посвящали их различным божествам и героям [Павсаний. Описание Эллады, I, XX, 1; IV, XII, 8-10; IV, XIV, 2; VII, IV, 10; IX, X, 4; IX, XXXI, 3; X, VII, 6; X, XIII, 7-9;]. В ольвийской надписи II в. н. э. отмечено посвящение треножника Аполлону Врачу [IOSPE, I², № 106], в чьем храме он, вероятно, и находился. К IV–III вв. до н. э. относится бронзовый треножник, принадлежавший одному из боспорских святилищ [Онайко, 1965, с. 106-107]. Изображение треножника как атрибута бога Аполлона было характерной надчеканкой на монетах III–I вв. до н. э. многих городов Боспора [Зограф, 1941а, с. 160-162].

В храмах Северного Причерноморья существовали приношения в виде первых всходов зерна (ἀπαρχαί), плодов, фруктов, кушаний, которые оставлялись на алтарях или сжигались. Такой вид обрядов относился к бескровным жертвоприношениям, часто, во время его проведения, натуральные плоды и кушанья заменяли керамическими. Проведение та-

кого обряда в Северном Причерноморье подтверждают находки глиняных культовых хлебцов (Рис. 60) и штампов для их изготовления, а также обгоревшие зерна, обнаруженные в районе святилищ в Ольвии, Херсонесе, Пантикапее, Киммерике, Танаисе [Ручинская, 1994, с. 75]. Лукиан отмечает, что культовые лепешки, наряду с быками, ягнятами и козами были обычной жертвой, приносимой богам [Лукиан. О жертвоприношениях, 12].

Приношения в жертву животных б

Рис. 71. Сцена жертвоприношения, свинцовая пластина, IV–III в. до н. э.
Ольвия

несъедобные части (кости, сухожилия и т. д.), обворачивали жиром и готовили к сожжению, оставшееся мясо делили между всеми присутствующими [Ленская, 2013, с. 317].

Общественные жертвоприношения обычно сопровождалось возлияниями (σπονδή, νηφάλια) и воскречениями (λιβανωτός, σμύρνα) [Лукиан. Зевс Трагический, 15; Павсаний. Описание Эллады, V, XV, 6; Плутарх. Кимон, 8]. Графическое изображение на ольвийской посвяtitельной стеле в честь Аполлона отражает обряд возлияния, совершавшийся в городах Северного Причерноморья. Юноша, держащий пальмовую ветвь, стоит перед алтарем и совершает возлияние [Sokolov, p. 43, № 22] (Рис. 72, 1-2). Подобный обряд изображен на стене расписного склепа первых веков н. э. из Пантикапея. Две фигуры с пальмовыми ветвями, стоящие перед алтарем, совершают ритуальные действия [Ростовцев, 1913, табл. LV, 2] (Рис. 73)

Для проведения такого обряда существовали особые жертвенники с небольшими углублениями для жидкости. В V в. до н. э. ступенчатый алтарь для возлияний находился на ольвийском теменосе [Леви, 1985, с. 71]. В первые века

Рис. 72.1. Графическое изображение сцены возлияния на стеле первых веков н. э. Ольвия

Рис. 72.2. Прорисовка изображения сцены возлияния

н. э. для этой цели иногда использовали базы статуй [IOSPE, I, № 186; НО, 77]. Будучи большими любителями вина, греки и богам своим совершали возлияния этим напитком [Nilsson, 1906, S. 167]. Чаще всего с этой целью употреблялось чистое, не смешанное с водой вино [Павсаний. Описание Эллады, V, XV, 6]. Иногда к нему добавлялись благовонные вещества, например, шафран [Апулей. Метаморфозы, X, 34]. В Причерноморье шафран, скорее всего, доставлялся из Малой Азии [Кадеев, Сорочан, 1989, с. 41-42]. Вино во время священнодействий зачерпывали специальными ковшами (κύαθος), известными и по материалам Северного Причерноморья.

Рис. 73. Сцена жертвоприношения, роспись склепа, первые века н. э.
Пантикапей

В причерноморских полисах, вероятно, устраивались и воскурения. Это подтверждают находки ритуальных курильниц в Ольвии, Тире, Танаисе и некоторых других городах Боспора, специально предназначенных для общественных воскурений. С этой целью использовались как аттические изделия, так и местного производства. В частности, на Боспоре в I в. до н. э. для проведения обряда воскурения была изготовлена полихромная курильница в виде жертвенного быка, обнаруженная на Таманском полуострове [Сорокина, Журавлев, 1993, рис. 5-6] (Рис. 74). Свидетельством проведения воскурений являются многочисленные фимиатерии и бальзамарии – фигурные сосуды, предназначавшиеся для хранения ароматических веществ. Различные типы сосудов для благовоний (керамические, стеклянные, бронзовые), часто в виде

человеческих голов, бюстов, полуфигур, а также в форме животных и птиц встречаются в Тире, Ольвии, Херсонесе, Пантикапее [Карышковский, Клейман, 1985, с. 23, рис. 6; Арсеньева, 1965, с. 186-187; Кунина, Сорокина, 1972, с. 146-177; Герцигер, 1976, с. 85-93; Зубарь, 1982, с. 85] (Рис. 75, 76). Античные авторы, отмечая любовь богов к возносящимся благоговениям, видели в совершении воскурений благородное дело [Аристотель. Никомахова этика, III, 13; Лукиан. О жертвоприношениях, 9, 13]. Но в этом был и чисто практический смысл – заглушить неприятный запах горящей шерсти, костей животных и т. п. Лукиан и Павсаний отмечают, что чаще всего для воскурений использовался ладан [Лукиан.

Рис. 74. Полихромная курильница, I в. до н. э., Таманский полуостров

Рис. 76. Фигурный сосуд в виде головы коня, III–II в. до н. э. Ольвия

Рис. 75. Фигурный сосуд в виде барана. Тира

О жертвоприношениях, 12; Павсаний. Описание Эллады, V, XV, 6]. Упоминание в надписи II в. до н. э. золотой ладаницы, пожертвованной боспорской царицей Камасарией Аполлону Дидимейскому, свидетельствует об использовании этого ароматического вещества в культовых целях и в Причерноморье [Граков, 1939, с. 266, № 38]. На это указывает и Феофраст, отмечая, что жители Понта выращивали лавр и мирт для священнодействий [Феофраст. О растениях, IV, 5, 3]. Такие растения могли применяться и как катартические средства в очистительных обрядах [Феофраст. Характеры, XVI, 2].

По представлениям греков все «нечистое», будь то люди, животные, произнесение «нечистых слов», совершение преступления или святотатство было неприятно божеству. Поэтому ритуальная чистота была обязательным условием для совершения священных обрядов [Лукиан. О жертвоприношениях, 13]. Наиболее простой формой «очищения» было надевание чистой одежды и омовение. Для очистительных омовений обычно использовалась ключевая или морская вода; иногда в ключевую воду добавлялись лавровые листья [Апулей. Метаморфозы, III, 23; XI, 1]. Вода для омовений наливалась в лутерии (низкие широкие сосуды для воды в виде таза), стоявшие перед входом в святилище. Такой лутерий с посвящением Аполлону был обнаружен недалеко от храма этого бога в Ольвии [Леви, 1985, с. 88]. При более важных событиях устраивались очистительные жертвоприношения, где в качестве катартических средств использовались огонь и кровь жертвенных животных [Лукиан. О жертвоприношениях, 13]. Большой популярностью у греков пользовались жертвоприношения молочных поросят, кровью которых окропляли очищаемых лиц [Burkert, 1977, S. 137]. Проведение такого обряда в городах Северного Причерноморья проследить очень сложно, но одна из Ольвийских надписей, упоминающая, по мнению В. В. Латышева, посвящение свиньи Зевсу Ольвию, может служить косвенным свидетельством его существования [Латышев, 1907, с. 49]. Литературные источники свидетельствуют, что в различных очистительных обрядах широко применялась сера

[Гомер. Одиссея, XXII, 481sq.; Апулей. Метаморфозы, XI, 16]. Кусочки серы часто встречаются при раскопках античных городов Северного Причерноморья. Но, судя по местам их обнаружения, катартические свойства серы здесь применялись в основном в индивидуальных целях для окуливания домов, дворов, могил. Во время общественных жертвоприношений она, по всей видимости, применялась слабо.

Наиболее глубокое очищение от всякой «скверны», по словам Платона, происходило во время жертвенных пиршеств [Платон. Государство, II, 364B]. Обычай устройства общественных трапез (δαις) имел широкое распространение в Греции. Он был связан с древнейшим представлением о жертвоприношении как о совместной трапезе божества и людей [Плутарх. Застольные беседы, XI, X, 1]. Аристофан часто подшучивал над тем, что во время жертвоприношений боги обычно получали внутренности и другие менее аппетитные части жертвы, а саму тушу съедали почитатели [Аристофан, Всадники, 410, 654, 114; Плутос, 227]. Вкушение жертвенного мяса означало участие в священнодействии и должно было совершаться всеми гражданами в честь богов покровителей. Общественные трапезы, как любые религиозные обряды, начинались и заканчивались жертвенными возлияниями и молитвами, при этом каждый участвующий надевал на голову венок из душистых цветов и растений и умащался благовонными маслами [Плутарх. Застольные беседы, II, X, 1].

Учитывая важность общественных трапез в греческих обрядах, можно допустить их проведение в античных городах Северного Причерноморья, на что указывают и археологические материалы. В святилищах Мирмекия и Ольвии были обнаружены лепные горшки (VI–V вв. до н. э.) больших размеров, предназначенные для коллективных ритуальных трапез [Гайдукевич, 1965, с. 36; Козуб, с. 139]. Ольвийский декрет III в. до н. э. сообщает о проведении общественных угощений в святилище Аполлона, куда, помимо свободных граждан, приглашались и иноземцы из числа почетных граждан города. В частности, на священном обеде в Ольвии

среди приглашенных значатся сыновья херсонесита Аполлония [НО, № 28-29]. Упоминание сакрального обеда и распределения жертвенных даров во время и после жертвоприношения содержится в надписи I–II вв. н. э. из Фанагории [КБН, № 1005]. Кроме того, в надписях боспорских фиасов упоминаются синагоги и филагафы, должности, связанные с организацией культовых трапез. Это свидетельствует, что в первые века н. э. на Боспоре деятельность фиасов во многом была направлена на проведение традиционных греческих религиозных обрядов. Фиасы, как отмечает Аристотель, в основном и создавались с целью устройства жертвенных пиров [Аристотель. Никомахова этика, VIII, 11 (IX)].

По свидетельству Павсания, во всех городах Греции существовали специальные места для устройства общих трапез [Павсаний. Описание Эллады, V, XV, 6; VII, I, 3]. Судя по надписи первых веков н. э., такая «столовая» с тремя застольными ложами была в Ольвии [НО, № 85]. Декрет сообщает, что ольвийские стратеги посвятили ее святилищу Аполлона, тем самым, подтверждая предназначение этого помещения для священных общественных трапез.

Важное место во время жертвоприношений, священных трапез и других общественных церемоний занимала молитва. Обращения к греческим богам обычно сопровождалось выразительной жестикуляцией: при обращении к небесным богам, обычно поднимали ладони вверх, во время чествования подземных богов и героев слегка наклонялись к земле. Подобные жесты адорации представлены и на памятниках причерноморских городов. В частности, на херсонесских надгробиях римского времени встречаются изображения поднятых рук или руки с раскрытой ладонью [IOSPE, I², № 576; НЭПХ, 1964, № 58], что символизировало молитвенное обращение к небесным богам (Рис. 77).

При проведении торжественных молитв соблюдались определенные обряды. Молящимся следовало быть ритуально чистыми, каждый участвующий надевал на голову венок из душистых цветов и растений, умащался благовонными

Рис. 77. Херсонесское надгробие
III в. н. э. с изображением жеста
адорации

маслами, совершались возлияния, курились благовония.

Из свидетельств Лукиана [Лукиан. О жертвоприношениях, 3] и Артемидора [Артемидор. Сонник, II, 33; III, 14] следует, что греки делали приношения своим богам, чтобы избежать беды или, наоборот, достигнуть удачи. В основе этого обычая лежал принцип воздаяния – «do ut des», т. е. «даю тебе, чтобы ты дал мне». Одной из форм проявления такого принципа была молитва. Как правило, любая молитва начиналась с призыва к божеству и превознесения его могущества. Затем следовали просьбы молящихся, соединенные с обетами, в случае их исполнения [Зелинский, 1915, с. 56]. Выполнение таких обетов фиксировалось в надписях, которые довольно часто встречаются в Причерноморье. Например, свидетельства о постройке по обету храма или здания иного характера из Пантикапея [КБН, № 64] и Горгииппии [КБН, № 1115], об отпуске на волю раба [КБН, № 70-73, 1123, 1125], а также просто о приношениях и дарах, отмеченных надписями Ольвии [IOSPE, I², № 162; НО, № 86-88, 90], Херсонеса [НЭПХ, 1964, № 19, 60], Гермонассы [КБН, № 1043, 1048], Танаиса [КБН, № 1260, 1284, 1285, 1287, 1288].

Во время общественных обрядов молитвы произносились в виде гимнов и песнопений, различающихся в ритме и содержании, в зависимости от почитаемого божества: пеан – в честь Аполлона, дифирамб – Диониса, партения – гимн для исполнения богиням–девам [Harrison, 1908, p. 436-438]. Безмолвные молитвы получили распространение лишь в период поздней античности [Bremmer, 1994, p. 39]. В Северном Причерноморье обнаружены тексты двух гимнов: херсонесский гимн в честь Гермеса II в. н. э. [IOSPE, I², № 436] и березанский – в честь Ахилла I в. н. э. [Шелов-Коведяев, 1990, с. 49-62]. Обращает на себя внимание тот факт, что авторы обоих гимнов были хорошо знакомы с древней мифологией. Следовательно, священные традиции в ольвийском и херсонесском полисах в первые века н. э. не только сохранялись, но и успешно развивались.

Обрядовая сторона культа Аполлона, как уже отмечалось, сопровождалась хоровым песнопением – пеаном [Страбон. География, IX,III,10]. Косвенным свидетельством существования такого рода гимнов в Северном Причерноморье служат надписи ольвийских мольпов V в. до н. э. [IOSPE, I², № 397; НО, № 55, 58, 63, 167]. Мольпы – это собственно «певцы», и отправлявшийся ими культ обязательно сопровождался песнопениями, таким образом, существование в Северном Причерноморье сакрального союза жрецов Аполлона позволяет говорить о выполнении ими важнейшей культовой церемонии – исполнении гимнов в честь бога. Широко распространенное в Херсонесе, Ольвии, городах Боспора почитание культа Диониса, тесно связанное с вакхическими фиасами, вероятно, включало в себя пение дифирамбов.

Необходимо подчеркнуть, что столь значительные события в общественной жизни полисов, как жертвоприношения и сопровождавшие их церемонии, в которых принимала участие вся гражданская община, требовали больших материальных затрат. Для этих целей обычно выделялись специальные суммы из государственной казны.

Судя по надписям III–II вв. до н. э. из Ольвии [НО, № 28-29] и II–I вв. до н. э. из Херсонеса [IOSPE, I², № 344, 352; НЭПХ,

1964, № 2], все финансовые мероприятия, связанные с выделением средств для сакральных церемоний, осуществлялись через священную казну храмов главных богов города. По свидетельству ольвийского декрета в честь Елланика [IOSPE, I², № 30], в первые века н. э. жертвоприношения могли проводиться за общественный счет. В Херсонесе в I в. до н. э. средства на общественные обряды иногда поступали от частных лиц [IOSPE, I², № 357]. Аристотель отмечает, что подобные затраты всегда считались почетными [Аристотель. Никомахова этика, IV, 5]. Хотя в периоды кризисов, они, видимо, были очень обременительны. Ольвийский декрет III–II вв. до н. э. в честь Протогена свидетельствует, что те зажиточные граждане, которые в этот сложный для Ольвии период не заботились о нуждах города, осуждались общественным мнением [IOSPE, I², № 357]. С другой стороны, причиной активного участия отдельных граждан в общественно-сакральной жизни города, вероятно, было стремление к престижному положению эвергета («благотелья»). Впоследствии это давало возможность быть выбранным в число высших магистратов города.

Дары и жертвы, поступавшие в храмы после священнодействий, считались имуществом богов. Но, в действительности, этими доходами традиционно распоряжался город, для чего избирались особые должностные лица [Jones, 1940, p. 228]. Вероятно, именно такими должностными лицами были «казначей священн сумм» (ταμίαις τῶν ἱερῶν), т.е. финансовые распорядители жертвоприношений, упоминаемые в херсонесских декретах II–I вв. до н. э. [IOSPE, I², № 344, 352; НЭПХ, 1964, № 2; 1973, № 110], и надписях горгиппийских фиасов II в. н. э. (ἱερῶν οἰκονόμος) [КБН, № 1129, 1139, 1134]. В Ольвии, судя по эпиграфическим данным, священной казной заведовала коллегия Семи (ἑπταδεῦσαντες) [IOSPE, I², № 76].

По-видимому, в особых случаях храмовая казна в причерноморских полисах могла использоваться в интересах государства. Декрет III–II вв. до н. э. в честь Протогена свидетельствует, что подобная ситуация сложилась в Ольвии. Когда государственная казна оказались опустошенной, ростовщику

были заложены дорогостоящие votивные дары [IOSPE, I², № 32]. Однако, преимущественно, священные средства в городах Северного Причерноморья использовались по назначению – на содержание святилищ и устройство культовых празднеств.

Следует подчеркнуть, что разнообразие видов общественных сакральных обрядов и внимание к ним со стороны официальных властей свидетельствуют о том, что в городах Северного Причерноморья весь античный период большое внимание уделялось религиозным актам, которые были тесно связаны с эллинской традицией.

2.2. Агонистические празднества в гражданских коллективах

Согласно свидетельствам античных авторов, общественные жертвоприношения, общие трапезы, молитвы могли устраиваться как самостоятельные культовые церемонии, но чаще они сопровождали самый яркий ритуал в жизни древних греков – религиозное празднество [Павсаний. Описание Эллады, II, XXXV, 8; V, XV, 6; VII, I, 3; Аристотель. Никомахова этика, IV, 5; Плутарх. Тесей, 18]. Праздниками был насыщен весь годовой цикл жизни греков. Существовали праздники, связанные с героизированным основанием города или какими-то историческими событиями, с началом сельскохозяйственных работ и сбором урожая, с поминовением умерших. Всей гражданской общиной отмечались празднества только в честь тех богов, которые считались государственными и входили в официальный пантеон. В такие дни эллины чувствовали свое единение с божеством и ожидали от богов помощи и поддержки. Время празднования носило название иеромения (ιερομηνία, «священномесечье»), а имена богов связывались с определенными наименованиями календарных месяцев. Причем, с именем одного и того же бога могли соотноситься несколько месяцев календаря, в зависимости от

характера праздника. Далеко не все празднества отмечались с особой торжественностью. Самыми значимыми считались те, которые сопровождались общественными состязаниями (агонами) [Ringwood, 1933, p. 457]. Устраивались они в честь официальных богов или героев, имевших особое значение для конкретной гражданской общины, и четко соотносились с греческой системой воспитания и образования – пайдейей.

Подготовка и организация агонов

Во время агонистических празднеств жизнь в полисах замедлялась. Платон отмечал, что их отличительная особенность состояла в запрещении работать, в обязанности веселиться и проводить время в песнях и народных играх [Платон. Законы, II, 584]. Главная часть ритуала агонистических празднеств заключалась в жертвоприношениях, сопровождавшихся торжественными процессиями, и ритуальных пиршествах, завершавших праздники [Bremmer, 1994, p. 39; Nilsson, 1948, p. 13]. Игры (ἀγῶνες) служили только украшением праздника, но именно они, а не священнодействия возбуждали наибольший интерес у эллинов [Gardiner, 1955, p. 1, 42]. Благодаря агонам священные праздники получали огромный общественный резонанс. В древнегреческом обществе Агон даже почитался как божество. Об этом упоминает Павсаний, описывая его изображение в числе других божеств, выставленное в V в. до н. э. в Олимпии [Павсаний. Описание Эллады, IV, 26, 3; V, 20, 1].

Состязание во всех его видах и проявлениях было для греков такой необходимой функцией культуры, что его расценивали как «обычный» и полноценный элемент жизни. Этому во многом способствовал характер греческого полиса с его небольшой территорией и ограниченным числом граждан, которые в большинстве своем могли знать друг друга. Общественное признание в такой ситуации было особенно ощутимым и способствовало развитию духа соперничества (агонистики).

Священные агонистические празднества считались общеполисными, поэтому они были массовыми и совершались за счет государственной казны. Наблюдение за их исполнением

могло быть поручено ответственному жрецу. Однако часто устройство празднеств находилось в руках магистратов, которые основные издержки оплачивали из личных средств [Jones, 1940, p. 229]. Такую систему организации праздников мы находим в Ольвии. Из многочисленных посвящений коллегий архонтов и стратегов II–III вв. н. э. следует, что они должны были заботиться о соблюдении норм культа Ахилла, организации его празднеств – Ахиллей, что в то же время, было добровольной обязанностью состоятельных граждан [IOSPE, I², № 130-152; НО, № 86-89]. Следовательно, свои должностные обязанности они исполняли в качестве литургии. Во многих городах учреждалась также специальная должность агонифета (ἄγωνοθέτης) – организатора и распорядителя религиозных празднеств с агонами, судьи состязаний. Известна эта должность в Северном Причерноморье по надписям из Гермонассы IV в. до н. э. [КБН, № 1039], Нимфея IV в. до н. э. [Сokolova, 2002, с. 99-121], Тиры IV–III вв. до н. э. [Карышковский, 1959, с. 112-113, № 1] и Херсонеса II в. н. э. [IOSPE, I², № 620; НЭПХ, 1973, № 127]. Официально должность агонифета считалась выборной, но могла передаваться и по наследству [Jones, 1940, p. 234]. Указание на окончание срока агонифесии в надписи из Гермонассы позволяет предполагать, что эта должность могла быть выборной и в городах Северного Причерноморья. Надпись из Нимфея, в которой говорится о посвящении Дионису архитектурного сооружения (пропилона), свидетельствует, что агонифет на исполнение своих обязанностей потратил значительное количество личных средств. Следовательно, исполнял эту должность в качестве литургии.

Организаторами соревнований являлись также гимнасиархи (γυμνασιάρχης), которые, в одних случаях могли быть литургами, а в других – магистратами. Должность гимнасиарха считалась почетной и возлагалась на выдающихся граждан города. Надписи III в. до н. э. и II в. н. э. сообщают, что крупными общественными деятелями до получения ими должности были гимнасиархи Херсонеса [IOSPE, I², № 418, 424, 436, 437]. В этом полисе гимнасиархия являлась магистратурой.

В Ольвии на рубеже II–III вв. н. э. надзор за гимнасием был поручен очень известному человеку, почетному гражданину восемнадцати государств Феоклу, сыну Сатира [IOSPE, I², № 186]. Гимнасиархию этот гражданин исполнял как литургию, что следует из общего характера организации празднеств, расходы на которые выделялись из личных средств состоятельных граждан. Косвенно на существование должности гимнасиарха в Фанагории указывают фрагментарно сохранившиеся надписи IV в. до н. э. и II в. н. э., в которых упоминается здание гимнасия [КБН, № 991, 983]. Гимнасиархи известны также по надписям II–III вв. н. э. из Пантикапея [КБН, № 90, 103], Горгиппии [КБН, № 1140], Танаиса [КБН, № 1260а, 1263, 1264, 1268, 1277–1280, 1282, 1287, 1288], где эта должность, скорее всего, выполнялась как литургия. Все упомянутые в данных текстах гимнасиархи являлись должностными лицами таких общественных объединений, как фиасы. Видимо, в этом случае обязанности по подготовке и проведению священных агонов были возложены государством на религиозные союзы.

Ахиллеи. В городах Северного Причерноморья можно выделить несколько священных празднеств, во время которых устраивались агоны. Упоминание Геродотом названия «Ахиллов бег» (Ἀχιλλέως δρόμος) позволяет говорить о существовании таких празднеств уже в V в. до н. э. в Ольвии [Геродот. История, IV, 55, 72], а именно на Тендровской косе. Существует несколько легенд, поясняющих сохранение в ольвийской топонимике данного названия. Одна из античных легенд связывает название этой местности с бегом Ахилла за Ифигенией, и та полоса земли, по которой он бежал, получила название «Бег Ахилла» [Кубланов, 1962, с. 222]. Вторую легенду достаточно подробно изложил римский географ I в. н. э. Помпоний Мела и, в несколько упрощенном виде, Плиний Старший: «Ахилл, вступивший в Понтийское море с враждебным флотом, праздновал там (на косе) свою победу торжественными играми и, успокоившись от войны, упражнялся в беге себя и своих... Поэтому эта коса названа «Ахилловым бегом»...» [Помпоний Мела. Землеописание, II, 5; Плиний

Старший. Естественная история, IV, 82]. Таким образом, эта легенда выводит данное название из празднеств и состязаний, устроенных в

одним из самых любимых соревнований у эллинов. Агоны в беге могли проводиться самостоятельно или входить в программу других видов состязаний.

Бег, борьба, прыжки, метание диска и копья обычно являлись частью классической программы пятиборья (пентатлона). Видимо, в такой форме они проводились и на празднествах в честь Ахилла. В пользу данного предположения свидетельствует одновременное упоминание в нескольких надписях бега, борьбы и прыжков [IOSPE, I², № 130, 156], поскольку для победы в пятиборье достаточно было победить в трех его видах.

Ольвийская надпись V–IV вв. до н. э. предоставляет сведения о проведении соревнований по стрельбе из лука (τοξεύειν) [IOSPE, I², № 195]. В тексте сообщается об уникальном расстоянии, на которое пустил стрелу Анаксагор, сын Демагора – 282 оргии, что, по подсчетам В. В. Латышева, составляет 521,6 м. Для сравнения приведем сообщение Вегетия о соревновании стрелков в римской армии на дистанцию в 600 шагов (400 м), что значительно меньше ольвийского результата [Флавий Вегетий Ренат. Краткое изложение военного дела, 2]. Поясняя проведение в Ольвии агона по стрельбе из лука, некоторые исследователи, следом за С. А. Семеновым-Зусером [Семенов-Зусер, 1940, с. 27], отмечают сильное влияние скифов. Феноменальность результата объясняется ими, прежде всего, выдающимися качествами лука (сложный лук скифского типа можно часто встретить на монетах Ольвии), а не способностями стрелка. Однако данное предположение представляется несостоятельным. Состязание по стрельбе из лука не являлось главенствующим, но оно было любимым видом агонов у греков. Уже Гомер повествует о подобных состязаниях, устроенных Ахиллом на погребальных играх под стенами Трои [Гомер. Илиада, XXIII, 659–661, 872]. О стрельбе из лука, как об обычном занятии, наряду с состязанием в метании дротика, говорит Феофраст [Феофраст. Характеры, XXVII, 13]. К IV–II вв. до н. э. относятся свидетельства о достаточно широком распространении состязаний

по стрельбе из лука в Траллах, Теосе, Самосе, Сесте [Moretti, 1953, p. 82-83, № 32]. В этих соревнованиях также использовался сложносоставной лук. Можно утверждать, что состязания по стрельбе из лука были хорошо известны любому греку не меньше, чем упражнения с диском или копьем. Поэтому данный агон в Ольвии нужно считать продолжением греческой агонистической традиции, а не объяснять его появление скифским влиянием.

Декрет I в. до н. э. в честь ольвийского гражданина Никерата сообщает о проведении во время Ахиллей конных состязаний (ἵπποδρομία) [IOSPE, I², № 34]. Надпись свидетельствует, что конные агоны проводились в местности Гилее (Полесье) в условиях военной угрозы, точнее, несмотря на нее. Таким образом, это подтверждает тот факт, что греки Северного Причерноморья в I в. до н. э. также любили свои священные агоны, как и эллины, участвовавшие в 480 г. до н. э. в Олимпийских играх. По замечанию Геродота, тогда они продолжали состязаться, даже во время наступления персов [Геродот. История, VIII, 26]. Источники не позволяют определить виды конных агонов, которые проводились во время Ахиллей. По традиции, это могла быть верховая езда и бега колесниц. Чернофигурная амфора III в. до н. э. с изображением состязаний, обнаруженная в ольвийском некрополе, может быть косвенным свидетельством знакомства ольвиополитов с конными ристаниями [Фармаковский, 1903, с. 9]. На амфоре, с одной стороны, была изображена колесница, а с другой, всадник. Изображение разделяли колонны, с поставленными на них вазами. Это была цель, к которой мчались колесница и всадник. Возможно, амфора принадлежала атлету-победителю на подобных состязаниях, потому и была положена в могилу как важный элемент погребального инвентаря. В Ольвии обнаружены и более ранние сосуды (V в. до н. э.) с изображениями скачущих всадников, возницы на колеснице, запряженной четверкой лошадей [Леви, 1964, с. 145-150]. Точных сведений о проведении гиппических агонов в других полисах Северного Причерноморья также не

существует. Лишь отдельные находки указывают на любовь к такого рода состязаниям. В Херсонесе в подстенном склепе, относящемся к IV–III в. до н. э., был обнаружен бронзовый сосуд с надписью: «Приз с праздника Анакий» [Косцюшко-Валюжинич, 1901, с. 7] (Рис. 80). Эта находка указывает на связь херсонеситов с праздниками в Афинах в честь Диоскуров, известными своими конскими ристаниями. Из Пантикапея происходит интересная гемма V в. до н. э. с изображением коня в одиночку достигающего цели состязания – столба с повязкой победителя [Максимова, 1955, с. 441]. В изображении на этом резном камне нашел отражение рассказ Павсания о том, что на Олимпийских состязаниях кобылица Авра выиграла скачки, несмотря на потерю всадника почти сразу после старта. Такой сюжет был очень популярен в искусстве эллинов, он связан со стремлением греков к победе, достижению поставленных целей, несмотря ни на какие препятствия. Этому учили с детства и поощряли во время состязаний. Данный сюжет иллюстрирует слова Аристотеля о том, как преуспеть в жизни – догонять тех, кто впереди, и не ждать тех, кто позади.

Есть еще два косвенных свидетельства римского времени, дающие представление о традиции конных состязаний в Северном Причерноморье. Два бронзовых медальона из Ассоса,

Рис. 80. Приз
с праздника Анакий,
IV–III в. до н. э.,
Херсонес

нер непосредственно перед началом занятий. Подобные сцены довольно часто изображались на сосудах. Аналогичный сосуд в виде краснофигурного скифоса был обнаружен в другом центре Северного Причерноморья – Никонии [Античные памятники, 2001, с. 120] (Рис. 82), что говорит о широком распространении агонистики. Представляет интерес также пантикапейский расписной склеп IV в. до н. э., стены которого были украшены изображениями предметов из обихода палестрита: сосуды для масла, стригиль, полотенца, победная тения, диадемы, венки из оливковых веток [Ростовцев, 1913, с. 79-82, табл. 26-28] (Рис. 83). В самом склепе были найдены сосуды для масла и два железных стригиля. Данный склеп предназначался для целой семьи атлетов, которые неоднократно, судя по изображенным наградам, побеждали в состязаниях.

В Ольвии также, вероятно, устраивались празднества в честь бога Апол-

Рис. 82. Изображение сцены из жизни гимнаasia на краснофигурном скифосе, Никоний

Рис. 83. Расписной склеп, IV в. до н. э. Пантикапей

лона, сопровождавшиеся гимнастическими агонами. На это указывает граффито на чернофигурном килике с изображением борцов, являвшееся посвящением Аполлону [Леви, 1964, с. 145]. Связь Аполлона с атлетическими состязаниями в Ольвии подтверждает и его подгрудное изображение в виде обнаженного юноши, предназначавшееся специально для гимнасия, где происходили упражнения в пятиборье и беге [Карасев, Леви, 1965, с. 82] (Рис. 84). По-видимому, ольвийский гимнасий также, как и афинский [Плутарх. Застольные беседы, VIII, IV, 4; Лукиан. Анахарсис, 7], был посвящен богу Аполлону. Само здание гимнасия в Ольвии отражает изменения, происходившие в общественной жизни города. Оно было построено в V в. до н. э. и первоначально целиком предназначалось для гимнастических упражнений. В конце IV в. до н. э. треть ольвийского гимнасия была отведена под

Рис. 84.
Статуарное
изображение
Аполлона,
Ольвия

банные помещения и раздевалки [Леви, 1985, с. 99] (Рис. 85). Существует мнение, что выделение таких специальных помещений свидетельствует о появлении профессиональных атлетов [Sansone, 1988, р. 107]. Если предположить, что такая тенденция намечается в Северном Причерноморье с конца IV в. до н. э., то, вероятно, с этого времени в общественных агонах могли принимать участие и представители беднейших

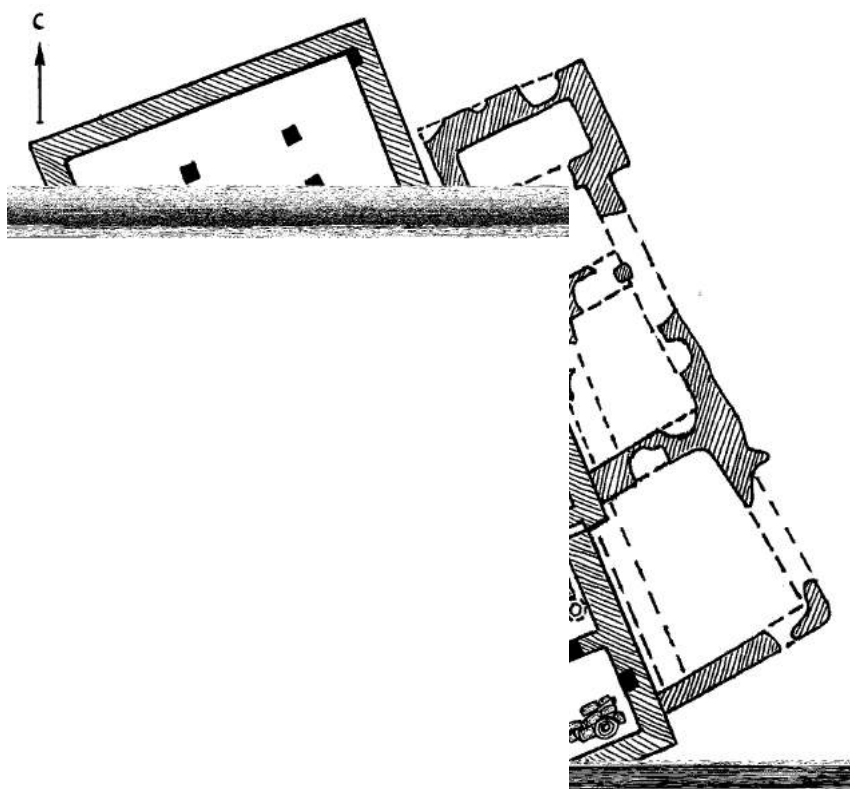

Рис. 85. План зала гимназия с банными помещениями.
Ольвия (по А. Н. Карасеву, Е. И. Леви)

слоев граждан, получая плату за выступления. Ранее этого момента, состязаться во время празднеств было привилегией зажиточных горожан.

Празднества молодых атлетов. В Херсонесе, Ольвии, Горгиппии, а, возможно, и в некоторых других городах Боспора устраивались еще одни священные празднества, сопровождавшиеся агонами, и посвящены они были богу Гермесу. Гермес, часто вместе с Гераклом, считался покровителем гимнасиев, палестр и молодых атлетов [Nilsson, 1906, S. 394]. Поэтому отличительной чертой посвященных ему празднеств было проведение агонов, в которых принимали участие мальчики и юноши. Празднества в честь Гермеса (Гермеи) и Геракла (Гераклии) устраивались во многих городах Греции [Павсаний. Описание Эллады, VIII, XIV, 7; II, X, 1; IX, XXXII, 2]. Ольвийская надпись III в. до н. э., посвященная Гермесу и сообщающая о победе в состязаниях молодого агониста [IOSPE, I², № 186], подтверждает проведение Гермей в Северном Причерноморье. Еще более важные сведения об устройстве этих празднеств предоставляет горгиппийская надпись III в. до н. э. [КБН, № 1137]. В ней сообщаются имена 226 мужчин, одержавших победу на состязаниях, проводившихся во время праздника Гермей. Обычай праздновать Гермей, по-видимому, проникает на Боспор из Афин в IV в. до н. э., в период наиболее тесных экономических и культурных взаимосвязей. По словам Павсания, в Афинах Гермес считался основателем гимнасия, где ему ставили статуи – гермы и устраивали Гермей с гимнастическими агонами [Павсаний. Описание Эллады, I, XVII, 62; X, XII, 6]. Гермы в гимнасиях, вероятно, устанавливали и на Боспоре. Такой сюжет отражает терракотовая статуэтка, изображающая юношу в венке (палестрита), закутавшегося в плащ после состязаний и стоящего около гермы Гермеса [Кобылина, 1970, с. 18. табл. 43, 2].

Исследователь горгиппийского агонистического каталога Э. О. Берзин считает, что в надписи одновременно упоминаются имена отцов и сыновей [Берзин, 1961, с. 111-127]. Первоначально Гермей в Горгиппии были агонами для взрослых, но

уже через четыре года к ним добавились состязания юношей и мальчиков. Следовательно, боспорские Гермей имели свои особенности, так как, вероятно совмещали состязания взрослых и молодых атлетов. Содержание каталога позволяет говорить о том, что праздники в честь Гермеса были ежегодными, следовательно, небольшими местными празднествами. Взрослые граждане, скорее всего, состязались в длинном беге (δόλιχος), а юноши – в специальном агоне эуексии. Характерным атрибутом Гермей в Элладе было проведение традиционного состязания – бега с факелами среди «мальчиков». Можно предположить устройство такого агона в Гогиппии и участие в нем самой младшей категории атлетов. В Горгиппийском каталоге упоминалось еще одно состязание эуексия. Εὐεξία – в переводе с древнегреческого означает «сила, крепость». Специфику данного агона мы уже рассматривали в первом разделе, поэтому лишь подчеркнем, что это состязание, в котором принимали участие эфебы, носило военный характер.

Специальные празднества, во время которых состязались молодые атлеты, устраивались и в Херсонесе. В автономный период существования города эти празднества, вероятно, были посвящены Гераклу, о чем свидетельствует месяц Гераклий в Херсонесском календаре [IOSPE, I², № 359, 402]. Очевидно, и празднества, и месяц были перенесены в Херсонес из его метрополии – Гераклеи Понтийской, где культ Геракла был в особом почете, и сопровождался проведением празднеств с состязаниями [Hanell, 1934, S. 215]. Находки стригилей и их изображения на юношеских надгробиях IV–III вв. до н. э. позволяют говорить о том, что во время Гераклий в Херсонесе могли устраиваться гимнастические агоны [Косцюшко-Валюжинич, 1902, с. 113] (Рис. 86). Возможным подтверждением проведения таких состязаний является сохранившаяся часть терракотовой статуи Геракла в виде атлета (III–II вв. до н. э.), обнаруженная в Херсонесе [Кобылина, 1966, с. 92] (Рис. 87). Херсонесские Гераклии носили государственный характер, поскольку к этим событиям были приурочены специальные

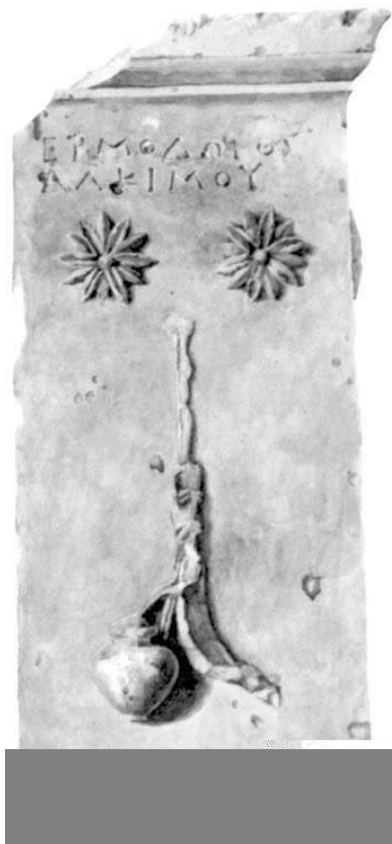

Рис. 86. Надгробие Гермодора с изображением стригиля, IV–III в. до н. э., Херсонес

Рис. 87. Терракотовый торс Геракла, III–II в. до н. э., Херсонес

выпуски монет, датирующиеся IV–III вв. до н. э. [Зограф, с. 379–397, табл. 26].

В первые века нашей эры состязания мальчиков и юношей, вероятно, устраивались на празднествах в честь бога Гермеса, культ которого в римское время вошел в чис-

ло государственных культов Херсонеса. Об этом свидетельствует и гимн II в. н. э., посвященный Гермесу херсонесским гимнасиархом [IOSPE, I², № 436]. Надписи I–II вв. н. э. позволяют выяснить виды агоний, входившие в программу Гермеев в Херсонесе [IOSPE, I², № 434, 435; НЭПХ, 1964, № 20; НЭПХ, 1973, № 127]. Это было пятиборье (πένταθλον), различные виды бега: короткий (στάδιον), двойной (δίαυλος), длинный (δόλιχος); а также борьба (πάλη), кулачный бой (πυγμή)

Определяя программу гимнастических агонов в Херсонесе, отметим, что в Элладе физические нагрузки увеличивались постепенно, в зависимости от возраста. Мальчики не участвовали в таких сложных и опасных состязаниях как метание копья и кулачный бой, не состязались они и в пентатлоне. Вероятно, в столь сложной программе Херсонесских агонов принимали участие только эфебы, мальчики же, скорее всего, упражнялись в беге. Факт сохранения в Херсонесе обычая проведения гимнастических агонов, как во время Гераклий, так и в Гермеях, участие в них херсонесского юношества, объясняется особой приверженностью к традициям предков, характерной дорийским полисам. Популярность празднеств с участием молодых атлетов в Северном Причерноморье свидетельствует о том, какое важное значение придавалось их физическому развитию, как будущим защитникам родного города.

Дионисии и мусические агоны. Особого рода празднествами в городах Северного Причерноморья были Дионисии. По традиции считалось, что каждый, кто танцевал для Диониса, пел или играл на музыкальных инструментах, соединялся с самим божеством [Bieber, 1961, р. 16]. Поэтому, его празднества были, пожалуй, самыми массовыми священными действиями, сопровождавшимися шумными шествиями, весельем и мусическими агонами. По эллинской традиции мусические агоны включали театральные действия (состязания хоров, представление трагедий и комедий) и литературно-музыкальные состязания.

Дионисии, подобно всем значимым греческим празднествам, состояли из религиозных церемоний, за которыми следовали агоны. Характерной чертой Дионисий были театральные состязания. Демосфен приводит сведения о законе Эвегора, упоминающем составные части такого праздника в Афинах: торжественное шествие (πομπή), шествие с фаллическими символами (κῶμος), выступление трагических и комических актеров [Демосфен. Речи, XXI, 10]. Из рассказа Геродота об участии Скила в вакхической процессии следует,

что уже в первой половине V в. до н. э. Дионисии устраивались в Ольвии [Геродот. История, IV, 78-80]. Лукиан замечает, что дионисийские процессии часто сопровождались особыми восклицаниями – «эвай» (ΕΥΑΙ), то есть ликуй, радуйся [Лукиан. Про Диониса, 2]. Граффити из Феодосии и Ольвии, содержащие такие восклицания, свидетельствуют о сохранении данного обычая и в Причерноморье [Петерс, Айбабин, 1977, с. 353; Розанова, 1968, с. 98]. Существует указание на проведение процессий во время Дионисий в Херсонесе. Оно содержится в надписи III в. н. э., которая упоминает фиасарха (θιασάρχης) [IOSPE, I², № 425], предводителя вакхической процессии. Процессии во время Дионисий (πομπή) обычно происходили очень торжественно, сопровождались музыкой и танцами. Изображение одной из таких процессий представлено на херсонесском рельефе [Белов, 1962, с. 55].

Английский исследователь С. Голдхилл отмечает, что в структуру празднеств в честь Диониса включались как театральные представления, являвшиеся частью сакральных церемоний, так и церемонии гражданского характера [Goldhill, 1987, p. 58]. Все эти действия составляли единый комплекс Дионисийского празднества. Одним из важнейших элементов гражданских церемоний, отражавшим полисную идеологию, было провозглашение и увенчание в театре граждан, отличившихся на службе полису [Демосфен. За Ктесифонта о венке, XVIII, 120]. Полис, таким образом, воспитывал граждан в духе господствующей системы ценностей. Надписи IV–I вв. до н. э. из Ольвии [IOSPE, I², № 25; HO, № 28] и III в. до н. э. из Херсонеса [IOSPE, I², № 344], сообщающие о награждении граждан во время Дионисий в театре, указывают на тесную взаимосвязь последнего с празднествами в честь Диониса. Особый интерес вызывает указанная надпись из Херсонеса. Она повествует о награждении в театре херсонесского гражданина Сирика, прочитавшего во время Дионисий свой труд по истории родного полиса.

Празднование Дионисий в Херсонесе приходилось на начало весны (февраль-март), на что указывает одноименный

месяц в его календаре (Διονύσιος) [IOSPE, I², № 352, 357; Minns, 1913, p. 546]. Это было обычное время для проведения театральных представлений [Nilsson, 1906, S. 275-302]. Ранней весной, вероятно, проводились Дионисии в Ольвии и в городах Боспора.

Здание античного театра обнаружено только в Херсонесе, где он существовал с конца III – начала II вв. до н. э. по IV в. н. э. [Домбровский, 1960, с. 29-36] (Рис. 88-89). Наличие театров в других полисах Северного Причерноморья подтверждает литературная традиция, данные археологических и эпиграфических источников. Свидетельством существования театра в Ольвии являются надписи, содержащие выражение: «...ἐν τῷ θεάτρῳ» («в театре») [IOSPE, I², № 25; НО, № 28]. Прямым указанием на Боспорские театры является сообщение Полиена. Во время военных действий с боспорским царем Левконом известный полководец Мемнон привез на Боспор олинфского кифареда Аристоники. Знаменитый музыкант выступал в заполненных театрах, что дало возможность Мемнону подсчитать численность боспорских войск [Полиен. Военные хитрости, V, 44]. Отметим, что греческие театры строились из расчета всего взрослого военнообязанного населения, что и помогло Мемнону. В Пантикапее было обнаружено мраморное кресло IV в. до н. э., которое, по мнению В. Д. Блаватского, происходило из театра и предназначалось для жреца Диониса или других важных лиц [Блаватский, 1957, с. 249] (Рис. 90). В 2000 г. была сделана уникальная находка в Нимфее. Там был обнаружен архитрав, принадлежавший пропилону (парадному входу), который, по предположению О. Ю. Соколовой, вел в театр [Соколова, 2002, с. 99-121]. На архитраве была начертана посвяtitельная надпись Дионису от имени агонифета Теопротида, сына Мегакла, которая датируется первой-второй четвертью IV в. до н. э. Это свидетельство не только дает дополнительные сведения о существовании театров на Боспоре, но и подтверждает проведение состязаний во время Дионисий, общее руководство которыми осуществлял агонифет.

Рис. 88. Театрон Херсонесского театра

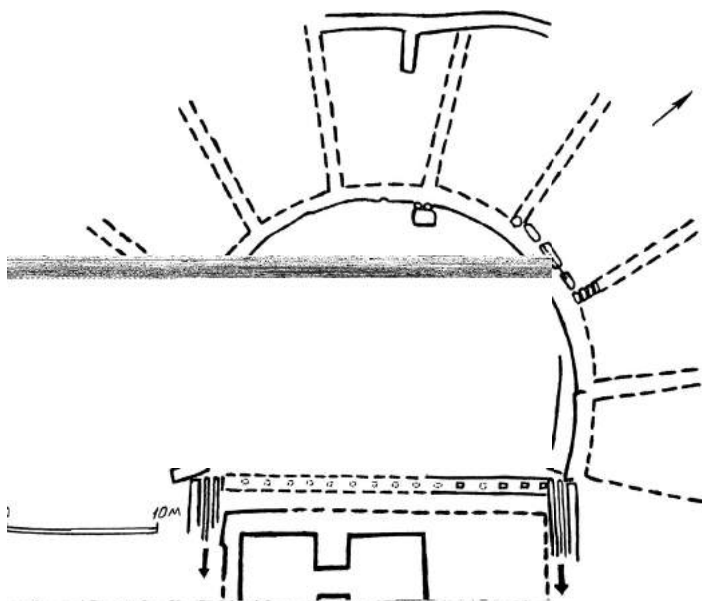

Рис. 89. План театра, Херсонес (по О. И. Домбровскому)

во время таких агонов состязались за право объявлять имена участников соревнований и победителей. Интересно, что в 396 г. до н. э. на 60-х Олимпийских играх такие состязания были внесены в программу агонов в качестве последней восемнадцатой дисциплины. В Олимпии эти состязания сочетались с гимнастическими видами, что вполне оправдано, поскольку состязания трубачей и глашатаев выявляли силу голоса и органов дыхания. Но в херсонесском каталоге эти два состязания упоминаются среди мусических агонов, следовательно, в Северном Причерноморье главное внимание уделялось музыкальности и исполнительскому мастерству участников. Под состязанием трубачей, возможно, здесь вообще следует понимать состязания музыкантов. Наиболее распространенным греческим музыкальным инструментом, широко используемым в театре, была флейта. Солисты-виртуозы обычно предпочитали ее кифаре, так как она обладала большим разнообразием звука. Неизгладимое впечатление на слушателей от игры одного из таких солистов во время Пифийских агонов описал Плутарх, отметив, что исполнитель «...показал музыку сильнее всякого вина опьяняющую тех, кто ею жадно упивается...» [Плутарх. Застольные беседы, VII, V, 1]. Знали и умели ценить музыку и жители городов Северного Причерноморья, что подтверждают находки музыкальных инструментов: костяных флейт в Пантикапее, Тиритаке, Кепсах, Херсонесе и Ольвии [Книпович, Славин, 1941, с. 44; Белов, 1964, с. 52], лиры в Пантикапее [Алексеевская, 1915, с. 140]. На Боспоре были обнаружены фрагменты металлической трубы римского времени [Зубарь, Русяева, 2004, с. 203]. Косвенным подтверждением проведения в Северном Причерноморье мусических агонов служат две надписи из греческого города Истрия, расположенного в Западном Причерноморье. В тексте IV–III вв. до н. э. упоминается Мусейон (святилище Муз и учебно-образовательный центр), где проводились периодические агоны. Надпись II в. н. э. является списком лауреатов музыкального соревнования во время Дионисий [Histria, 1954, р. 477, № 1; Pippidi, 1958, р. 366]. Таким образом, здесь, как

и в североπονтийских полисах прослеживается общегреческая тенденция сопровождения Дионисий агонами.

Партении. В Северном Причерноморье существовал еще один праздник, который был связан с агонами. Это Партении – священный ритуал в честь главной богини Херсонеса Девы [IOSPE, I², № 401, 352]. Как отмечает М.П. Нильссон, Партении в Греции устраивались в честь Артемиды и обязательно сопровождалась торжественной процессией, музыкой, танцами, состязаниями [Nilsson, 1906, S. 256]. Учитывая, что в культе Партенос, присутствовали элементы почитания культа Артемиды, можно предполагать подобную структуру празднеств и в Херсонесе. Надпись II в. до н. э., упоминающая Партении, сообщает о торжественной процессии (πομπή) с участием всех граждан Херсонеса во время проведения обряда [IOSPE, I², № 352]. В декрете повествуется также о награждении золотым венком во время празднования Партений синопейца Диофанта, что позволяет говорить о традиции официальных провозглашений и увенчаний во время процессии на херсонесских празднествах. Увенчание иноземца свидетельствует, что на подобных торжественных процессиях могли присутствовать не только граждане, но и представители других греческих городов. Организацией празднеств и руководством процессией занимались жрецы [Кадеев, 1996, с. 166]. Следует подчеркнуть, что, в соответствии с посвятельными текстами, жрецами в храме богини Девы были исключительно мужчины [Русяева, Русяева, 1999, 101-105]. Возможно, одним из жрецов в культе Партенос в конце IV – первой четверти III в. до н. э. был известный политический и общественный деятель Херсонеса Агасикл, сын Ктесия [Русяева, Супруненко, 2003, с. 143]. За выдающиеся заслуги в городе ему была поставлена конная бронзовая статуя. Согласно надписи, высеченной на постаменте, Агасикл, после жречествования, исполнял обязанности гимнасиарха и, вполне возможно, организовывал состязания во время Партений [IOSPE, I², № 418]. Имя одного из победителей на херсонесских агонах, Феофанта, сына Апеманта, сохранилось

на надгробии конца IV – начала III вв. до н. э. Изображение на рельефе стригиля, сосуда для масла и несокольких победных повязок – тений, позволяет говорить, что этот атлет был многократным победителем гимнастических состязаний. Такие знаменитые победители как Феофант должны были принимать участие в одном из самых важных событий в жизни гражданской общины Херсонеса, в торжественной процессии в честь главной богини города.

Учитывая особую роль богини как покровительницы полиса, защитницы во время войн вполне уместным является предположение об участии в торжественной процессии юношей в полном вооружении, подобно празднику Великих Панафиней в Афинах. На Партениях, возможно, проводилось и принятие эфебов в число граждан полиса. В помпе могли принимать участие музыканты и хоры, исполнявшие торжественную песнь в честь богини Девы. Подобная процессия во время Партений должна была отражать доблесть и процветание гражданской общины Херсонеса. Сами празднесва происходили ежегодно в соответствующем месяце Партении, который зафиксирован в херсонесском календаре [Соломо-ник, 1976, с. 139]. Исходя из общей значимости праздника, масштабности культа Партенос для Херсонеса, считаем возможным предположить, что во время данных празднеств проводились все виды агонов: гимнастические, мусические и гиппические (конные). Косвенно подтвердить это предположение может тот факт, что, начиная с эллинистической эпохи, многие агонистические празднества, проводившиеся в полисах Эллады, начинают преобразовываться или уст-навливаются новые. Эти праздники обязательно включали все три вида агонов. Такими, например, были новоучрежденные Этолийские Сотерии [SIG³ 402, v. 9-10, 15-16; 408, v. 16-17; Sifakis, 1967, p. 63-71] или Никефории в Пергаме [SIG³ 629, v. 9, 15]. Кроме того, их обязательным элементом было увенчание граждан и провозглашение агонов священными. Таким образом, наблюдается общая тенденция расширения программ агонов наиболее значимых празднеств.

В своей религиозной практике полисы Северного Причерноморья постоянно поддерживали тесные религиозно-культурные взаимоотношения с общегреческими святилищами. На Делосе в III в. до н. э. были основаны Херсонесии – праздничные

ориентированным на повышение или понижение тона при произношении, что на письме проявлялось в огромном количестве надстрочных знаков.

Греческий язык северопонтийских эллинов. Мусическая культура в полисах Северного Причерноморья формировалась под устойчивым влиянием традиций метрополий. В античных городах Северного Причерноморья, как и повсеместно, в античном мире, существовал слой творческой интеллигенции: ученые, писатели, поэты. Литературные произведения северопонтийских авторов до нас, к сожалению, не дошли, поэтому подтверждением распространения здесь мусической культуры эллинов являются эпиграфические источники и, прежде всего, данные языка. В этой связи интересно отметить употребление в текстах посвящений Аполлону Дельфию из Ольвии в период с V по II вв. до н. э. стиля письма стойхедон [НО, № 55-61]. Стойхедон, в переводе с греческого, означает «расставление в ряды», когда буквы в строке (без членения на слова) располагались в равных интервалах друг от друга и образовывали строгие горизонтальные и вертикальные ряды. Такой стиль письма стал использоваться в период расцвета греческой культуры, когда начали обращать внимание не только на содержание надписи, но и на ее внешнее оформление [Радциг, 1965, с. 207]. В Ольвии он получил распространение под влиянием культуры письма Милета.

Анализ эпиграфического материала позволяет говорить об использовании в Северном Причерноморье двух основных диалектов греческого языка – дорийского и ионийского, наличие которых прослеживается в текстах вплоть до первых веков нашей эры [КБН, с. 797-798; НО, с. 5-12; НЭПХ, 1964, с. 180-190; Карышковский, 1959, с. 111-131]. Отдельные тексты Ольвии и городов Боспора написаны на аттическом диалекте, получившем широкое распространение в Афинах с V в. до н. э. Примером использования аттического диалекта может служить посвящение Аполлону от имени боспорского царя Левкона, сделанное в связи с победой его войска над синдским царем Гекатеем [Яйленко, 2004, с. 425-428]. С эллинистического пери-

ода в ионийских полисах Северного Причерноморья проявляются элементы общегреческого языка (койнэ), но в основном в официальной сфере. В Херсонесе общегреческое койне начинает использоваться только со второй половины II в. н. э. [Соломоник, 1964, с. 30-33], что было вызвано особенностями культурного развития полиса. Распространение в Херсонесе, характерных для Гераклеи Понтийской, дорийских обычаев – простота образа жизни, приверженность традициям, способствовали тому, что множество институтов, которые впоследствии были изменены в метрополии, долгое время сохранялись в новом полисе [Graham, 1964, p. 14]. Херсонесские граффити, большинство из которых относятся к IV–III вв. до н. э., периоду наивысшего экономического расцвета полиса, свидетельствуют о том, что в городе проживало большое количество образованных граждан, стремившихся сохранять традиции [Граффити, 1978, с. 4]. Благодаря этому до первых веков нашей эры в Херсонесе был распространен дорический диалект древнегреческого языка, который был родным для первопоселенцев-дорян и длительный период использовался гражданами Херсонеса [IOSPE, № 425; Соломоник, 1973, с. 36; № 112, 116, 130; Антонова, Яйленко, 1995, с. 86].

Следует отметить, что разговорный язык эллинов в Северном Причерноморье мог немного отличаться от диалекта, отраженного в надписи. Дион Хрисостом отмечал «неясный» греческий язык ольвиополитов в конце I в. н. э. [Дион Хрисостом. Борисфенитская речь, XXXVI, 49]. Это не означает, что жители Ольвии были слабо образованы или не знали греческого языка. Кстати, Дион Хрисостом тут же отмечает наличие местных поэтов, читавших свои произведения согражданам перед их походом на войну [Дион Хрисостом. Борисфенитская речь, XXXVI, 10]. Сложность восприятия речи граждан Ольвии, видимо, заключалась в особенностях местного произношения. Известно, например, что в пределах распространения ионийского диалекта Малой Азии и прилегающих островов различалось четыре говора. В греческих надписях Северного Причерноморья зафиксирован только один

из них, а, если добавить к этому погрешности устной речи, то это сформировало особенности выговора ольвиополитов. Резчики текстов тоже, конечно, допускали ошибки в грамматике и орфографии, пропускали буквы в словах. В этом скорее следует видеть особенности периферийной греческой культурной традиции, которая сохранялась на протяжении длительного времени в условиях многоязычного варварского окружения.

На Боспоре, особенно в первые века н. э., происходила определенная варваризация культуры и общества, которая коснулась, в основном низших слоев населения. В тоже время, на основе анализа официальных декретов, посвятительных текстов, эпитафий, В. Ф. Гайдукевич сделал вывод, что в I–II вв. н. э. «боспорские цари, как и весь верхний слой общества Боспора, продолжали в своём быту сохранять основные элементы греческой культуры, что, прежде всего, выражалось в сохранении греческого языка как основного языка Боспорского государства» [Гайдукевич, 1949, с. 325].

Поэтическое дарование граждан. Образованность греческих граждан в полисах Северного Причерноморья и их поэтическое дарование прослеживается на основании поэтических эпитафий. Только в Пантикапее известно около 40 подобных текстов [КБН, № 113-151], обнаружены они и в других североPontийских центрах. Самые ранние метрические тексты известны в Ольвии, они относятся еще к архаическому времени. На Боспоре они появились в V в. до н. э. Сохранение раннегреческих традиций в поэтическом творчестве эллинов Северного Причерноморья проявилось в том, что в Херсонесе поэтические эпитафии стали особенно популярны в первые века н. э. Следует подчеркнуть, что составлены в это время они были грамотно, хотя часто, как отмечает Э. И. Соломоник, позднеантичные надписи писались плохими стихами [НЭПХ, 1964, № 58, с. 118]. Преемственность традиций можно увидеть на примере одной из херсонесских эпитафий римского времени. В ней было использовано известное изречение Пифии, употреблявшееся еще в V в. до н. э.: «...всякое золотое

(прекрасное) потомство первым приходит в Аид» [IOSPE, I², № 519].

Каждый греческий стих нес в себе чувство ритма, звуки и слоги в нем различались по длительности произношения (краткие и долгие). Причем, долгий слог обладал большей высотой звука, чем краткий. Краткие и долгие слоги сочетались в строфу. Большинство из поэтических текстов Северного Причерноморья дошло в форме элегического дистиха – двустихия, состоявшего из двух нерифмованных строф: полной (гексаметра) и неполной (пентаметра). Двустихия выражали законченную мысль и призывали к философским размышлениям [Зелинский, 1995, с. 100]. Например, эпитафия I в. н. э., начертанная на надгробии Левкия, сына Левкия из Пантикапея [КБН, № 136]:

«...Когда ты прекратил свои труды и пришел к концу (жизни),
(тогда) и душа покинула твое мощное тело,
Левкий, и достойные отчизны и грозные врагам
доспехи, обгаренные варварскою кровью.
Так умер ты от толпы неприятелей. Ведь и троянский
Гектор пал среди передовых бойцов».

Известны также стихи в форме ямбического trimetra (трехстопный размер), который наиболее приближается к формам разговорной речи [КБН, № 119, 130, 134]. Встречаются метрические эпитафии в форме tetrametra (четырёхстопный), pentametra (пятистопный) и hexametra (шестистопный). Стихи в форме гексаметра в Греции изначально считались сакральными. Гексаметрические стихи произносились нараспев и сопровождались звучанием форминги. В такой форме воспевались религиозные гимны, изрекались оракулы, впоследствии гексаметр стал использоваться для эпитафий [Зелинский, 1995, с. 98-99]. Отметим, что в поэтических эпитафиях отражается хорошее знание северопонтийскими поэтами поэм Гомера, традиционной мифологии. Левкий, сын Левкия сравнивается с героем троянской войны Гектором

[КБН, № 136], Клеопатра, дочь Мениска, жительница Пантикапея, с добродетельной Пенелопой [КБН, № 136]. Известные мифологические персонажи употреблялись с пышными эпитетами («завистливый Аид», «горестный Аид», «нечестивая Мойра») или в определенных образах («по воле Мойр», «веретено Мойр», используется синоним Музы – Пиерида). Достаточно широкое распространение на Боспоре и в Ольвии элевсинского культа Деметры и Кору также нашло отражение в эпитафиях. В текстах присутствуют мифологические сюжеты, упоминающие Аида, Плутона, Кору Персефону. В эпитафии I в. н. э. воспевается девушка Феофила, которую похитил Плутон, приняв ее за Персефону, и даже «прекраснее Персефоны», он «лампадой своей ...зажег брачные светочи, приняв... в свадебный свой чертог возлюбленной супругой... Феофила получила в удел ложе бессмертного» [КБН, № 130]. Тексты указывают и на понимание орфических гимнов. Надпись I в. до н. э. представляет пантикапейца Гекатея, который «...сам скорее избежал круга мучительных страданий» [КБН, № 121], т. е. его душа освободилась от бесконечного «круга» рождений и смертей и есть надежда на счастливое существование после смерти.

Сохранившиеся тексты посвящений богам также указывают на наличие местных поэтов. Гимн II в. н. э., посвященный херсонесским гимнасиархом богу Гермесу, был написан элегическим дистихом [IOSPE, I², № 436]. В тексте в поэтической форме переданы функции бога Гермеса, он назван «вестником бессмертных богов», «дарующим богатства, подателем благ и мудрости». В плохо сохранившемся тексте гимна Ахиллу I–II вв. н. э., созданном местным поэтом из Борисфениды [Шелов-Коведяев, 1990, с. 49–52], угадывается связь с мифологией. Ахилл в тексте именуется «отпрыском» Фетиды и приравнивается бессмертным богам, местом обитания его души называется «остров, омываемый морем», остров Левке.

Таким образом, поэтическое творчество эллинов Северного Причерноморья развивалось в разных направлениях. Агонистический каталог из Херсонеса подтверждает этот факт,

упоминая соревнования в трех видах поэзии: комедия, энкомий и эпиграмма [IOSPE, I², № 433; НЭПХ, 1964, № 127]. Отметим, что энкомий во время подобных состязаний был представлен в виде хвалебного стихотворения, в котором восхвалялись мифологические или реальные герои и их добродетели. Эпиграмма в первые века н. э. носила сатирический характер, в ней позволялось высмеивать как государственные структуры, так и отдельных лиц, хорошо известных в полисе. К этому списку, вероятно, следует добавить и схолии, стихотворные застольные экспромты, которые сочинялись на симпозиях. Примером может служить граффито, процарапанное на чернолаковом килике V в. до н. э., обнаруженное в Ольвии. Текст был написан в форме гексаметра: «Я приятный для питья килик, любезный пьющему вино» [Яйленко, 1979, с. 58].

В эпиграфике Северного Причерноморья сохранились некоторые имена местных причерноморских поэтов. Концом I – первой половиной II вв. н. э. датируется пантикапейская надпись, в которой упоминается автор стихотворного текста Сосий, вероятно вольноотпущенник. Он написал эпитафию своему господину, ученому Стратонику [КБН, № 145]. Вероятно, были и профессионально подготовленные «специалисты по языку и литературе». Именно так с эпохи эллинизма именовались грамматика. Поэтическая эпитафия II в. до н. э. прославляет грамматика Саббиона, трудившегося в это время в Пантикапее [КБН, № 146].

Следует подчеркнуть, что к первым векам н. э. относится наибольшее количество стихотворных текстов. Следовательно, время прихода в Северное Причерноморье римлян стало периодом расцвета поэтического творчества эллинов. Возможно, это связано с тем, что римское военное присутствие создавало ощущение стабильности и способствовало такому своеобразному греческому возрождению.

Исторические сочинения. Говоря о литературных произведениях, создававшихся в Северном Причерноморье, обратимся еще раз к энкомиям. С IV в. до н. э. в Греции, наряду с энкомиями в виде гимнов в честь богов и людей, появилась новая

форма литературного текста – прозаический энкомий. Такие хвалебные сочинения прославляли определенную личность, являлись своего рода панегириками и создавались в связи с определенными событиями. К истории Боспорского царства конца I – начала II в. н. э. имеет отношение текст, который его издатели Ю. Г. Виноградов, С. А. Шестаков и С. Ю. Сапрыкин относят к числу *Laudatio Funebri*, т. е. надгробная речь, восхваляющая достоинства умершего [Виноградов, Шестаков, 2005, с. 42-44; Сапрыкин, 2005, с. 45]. Надпись была обнаружена в 1985 г. в районе Керчи и представляла собой греческий текст, от которого сохранилось 47 строк, нанесенных на беломраморную плиту, предназначенную для статуарного монумента. Было выявлено, что это написанный в прозе энкомий (ἐνκώμιον) в честь неизвестного знатного человека, государственного и военного деятеля Боспора периода правления царя Савромата I (93–123 гг. н. э.) [Виноградов, Шестаков, 2005, с. 42]. Надгробный текст был составлен местным ритором и содержал большое количество исторической информации. Начинался он с описания выигранного чествуемым сражения, излагались отчеты о военных победах, которые отправлялись императору, по-видимому, Домициану, упоминались экспедиция против скифов и тавров, взаимоотношения боспорцев с сармато-меотами, предводительство Фракийской кагортой и командование гоплитами, предоставленные за заслуги награды и почести. Столь подробный прозаический текст, написанный местным автором, и, связанный с периодом правления царя Савромата I, фактически впервые оказался в руках историков. Анализ данного текста позволил С. Ю. Сапрыкину сделать выводы о прямой эллинизации сармато-меотских племен и других народов, живших в районе Меотиды, а не сарматизации Боспора как считалось ранее [Сапрыкин, 2005, с. 80]. Кроме того, текст надписи иллюстрирует развитие нового литературного жанра (прозаического энкомия) в Северном Причерноморье. Подчеркнем также, что в Греции такие энкомии послужили основой для создания литературы историко-биографического направления.

В Северном Причерноморье засвидетельствована деятельность историков, трудолюбиво фиксировавших все современные им события. Ярким примером существования местной историографии в Херсонесе является декрет III в. до н. э. в честь Сирииска, сына Гераклида [Струве, 1968, с. 147-200]. Из него следует, что Сирииск публично прочитал свое сочинение, в котором подробно описал историю Херсонеса своего времени, предоставив свидетельства о дружеских отношениях с боспорскими царями и другими полисами, осветил религиозную жизнь полиса, изложив мифологические предания и описав эпифании (чудесные явления) богини Девы [IOSPE, I², № 344]. За свой труд, согласно декрету, он был увенчан и восславлен согражданами.

Херсонесские исторические хроники, отражающие события войны Боспора с Херсонесом и Римской империей в конце III – начале IV в. н. э., легли в основу труда Константина Багрянородного «Об управлении империей» [Анохин, 1999, с. 169-174]. В последней главе его сочинения содержатся свидетельства относительно продвижения боспорцев на римскую территорию Лазику и Понт, упоминаются две боспорско-херсонесские войны и колоритный эпизод сложных взаимоотношений Херсонеса и Боспора, явно почерпнутый из херсонесских легенд. Последний эпизод сообщает о знатной гражданке Херсонеса Гикии, которая, выйдя замуж за наследника боспорского царя (вероятно Асандра, сына царя Аспурга), раскрыла заговор своего мужа и, тем самым, способствовала сохранению независимости родного полиса [Константин Багрянородный. Об управлении империей, 53, с. 169-174].

Сочинения нескольких боспорских историков были использованы в трудах Диодора Сицилийского и Полиена при описании истории Боспорского царства IV в. до н. э. Диодор в своей «Исторической библиотеке» [XX, 22-26], основываясь на местных хрониках, описал борьбу за власть двух наследников боспорского престола Сатира и Евмела, сыновей царя Перисада I, и правление победившего в этой борьбе Евмела I, то есть историю Боспора 311/310–304/303 гг. до н. э. Он

упомянул также широко распространенную среди боспорян веру в предсказания о преждевременной смерти обоих сыновей Перисада I. Вера в оракулы и предсказания была характерным элементом жизни эллинов в V в. до н. э., поэтому в отношении рассматриваемого периода Диодор Сицилийский характеризует эту традицию как суеверия.

Сложные взаимоотношения Гераклеи Понтийской с Боспорским царством в первой половине IV в. до н. э. в ходе греко-боспорского военного конфликта за Феодосию описал Полиен [Военные хитрости, VI, 9, 3; VI, 9, 4; V, 23; V, 44]. В своем труде он, видимо, опирался не только на свидетельства местных историков, но и на прозаические энкомии, прославлявшие правителей Боспорского царства Левкона, Пересада. Текст Полиена восхваляет их за умение выходить из сложных ситуаций во время военных действий.

Еще одним примером деятельности местных историков могут быть агонистические каталоги. М. М. Кубланов предположил, что список имен попедителей на Гермеях в Горгиппии был частью сочинения, посвященного истории агонов. Он охватывал большой промежуток времени, содержал 226 имен победителей, участвовавших в состязаниях ежегодно, соответственно не был написан единовременно с началом проведения празднеств. Данный каталог требовал предварительного сбора и систематизации различных материалов: описи надписей на базах статуй победителей, использование храмового архива, устной традиции [Кубланов, 1954, с. 143-146]. Составление каталогов победителей на Олимпийских, Пифийских празднествах также происходило значительно позже времени их возникновения, и было сделано известными греческими мыслителями. Поэтому, вполне вероятно, что составление сводных агонистических каталогов в Северном Причерноморье завершалось написанием истории самих агонов.

Уроженцем Ольвии был историк Посидоний, живший на рубеже III–II вв. до н. э. Уехав в Афины и, получив там образование, он написал несколько трудов по истории и географии, которые не сохранились. Известно, что он исследовал район

Тиры, а также занимался атической и ливийской историей, и подготовил труд под названием «История Таврики» [Русяева А. С., Русяева М. В., 2004, с. 74].

Знаменитые мудрецы и философы Северного Причерноморья. Следует подчеркнуть, что в Северном Причерноморье, помимо историков, трудилась целая плеяда ученых, писателей, философов. К концу III – первой половине II в. до н. э. относится деятельность Дионисия Ольвианского, который написал исследование по географии северо-западной части Причерноморья [Аничные государства, 1984, с. 219]. Пантикапейская эпитафия конца I – первой половины II в. н. э. свидетельствует о творчестве писателя Стратоника, сына Зенона. Текст эпитафии был составлен его вольноотпущенником и, видимо, учеником Сосием, написавшим, что из «книг бесчисленные века» «узнают прелестную мудрость» его божественного друга, «причисленного к прежним великим людям», видимо, более ранним боспорским мыслителям [КБН, № 145].

Известно, что в Пантикапее жили философы Дифил Боспорит и Смикр. Ко второй половине IV в. до н. э. относится время жизни философа Дифила, который был родом из Пантикапея. Диоген Лаэртский называет его «боспорцем». По-видимому, он принадлежал к знатному и состоятельному боспорскому роду и был отправлен для продолжения образования в Элладу. По словам Диогена, там он обучался у Евфанта Олинфского, учителя царя Антигона Гоната, а затем у Стильпона, представителей мегарской (Эвклидовой) школы философов. Диоген отмечает, что Дифил настолько преуспел в учении и так активно пропагандировал свои идеи, что «...едва не увлек в свою мегарскую школу всю Элладу» [Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов, II, 11, 113-114]. После обучения Дифил, вероятно, продолжал развивать полученные знания на Боспоре и в других греческих центрах. Пантикапейский философ Смикр также жил в IV в. до н. э. Посвященная ему надгробная эпитафия сообщает, что он был наделен добродетелями, справедлив, внушал доверие людям, получил прекрасное образование («его

воспитали Музы») и проповедовал мудрость согражданам «на распутьях дорог», передавая наилучший образ мыслей [КБН, № 118]. По-видимому, Смикр был философом, который, подобно Сократу, повсюду излагал и пояснял свои идеи о мироустройстве жителям североопонтийских городов. Судя

Лаэртский пишет, что именно этот ольвийский ритор, который не только занимался обучением, но и писал собственные произведения, был учителем Биона [Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов, IV, 22]. Тогда же он увлекся философией. Впоследствии, после смерти своего усыновителя, Бион уехал в Афины, где продолжил образование и стал известным философом – киником. Считается, что он довел до совершенства в своих трудах основной кинический жанр – диатрибу. Диатриба представляла собой нечто вроде проповеди и живой беседы, в которой оратор, обращаясь к собравшимся, спорил с воображаемым оппонентом, используя принцип сочетания серьезного и смешного. Пример Биона Борисфенита отражает возможность социальной мобильности в боспорском обществе, когда человек из самых низов мог стать выдающимся философом. Кроме того, в этом случае отражается характерная черта эллинского менталитета – человек с помощью собственных усилий может изменить жизнь к лучшему.

На протяжении всего периода существования греческих городов Северного Причерноморья язык эллинов сохранялся здесь в своих основных диалектах, являясь тем инструментом, с помощью которого развивалось поэтическое творчество граждан, их научные познания. Классическая традиция не просто сохранялась в этой удаленной части греческого мира, но способствовала развитию местного творческого потенциала эллинов, которые, в свою очередь, оказывали влияние на культуру Эллады в целом.

3.2. Познание музыки эллинами Северного Причерноморья

Эллины вкладывали в понятие «музыка» более широкий смысл, чем принято сейчас. Данный термин имеет наиболее близкую связь с понятием мусическая культура и происходит от словосочетания μουσικὴ τέχνη (мусическое искусство) или μουσικὴ ἐπιστήμη (познание сакральной деятельности Муз).

Виды музыкального искусства. Музыка первоначально означала исполнение стихов нараспев под аккомпанемент музыкального инструмента либо одним певцом, либо хором. Вокально-инструментальные произведения (по-гречески νόμος «песнь»), согласно Плутарху, были двух видов: кифародические (в сопровождении кифары, исполнитель – кифаред) и авлодические (в сопровождении авлоса, исполнитель – авлод) [Плутарх. О музыке, 1132с]. Со временем музыка и поэзия стали развиваться самостоятельно, что привело к появлению чисто инструментальных номов, которые исполнялись музыкантами-солистами: на авлосе – авлетом, на кифаре – кифаристом. Страбон отмечает, что к древнейшим состязаниям кифаредов на Пифийских играх с 586 г. до н. э. были добавлены агоны авлодов и авлетов, а в 558 г. до н. э. узаконили и кифаристику [Страбон. География, IX, 3.10]. Сочетание мелодии с текстом при исполнении музыкальных произведений ценилось выше, чем просто игра на музыкальных инструментах. Выступления кифаредов и авлодов, когда музыканты исполняли на кифаре или авлосе композиции собственного сочинения – номы, считались более престижными и на состязаниях они удаивались более дорогой награды – 1500 драхм, кифаристы и авлеты – виртуозы игры на инструментах, получали чуть меньше – 800 драхм [Молева, 2005, с. 61].

Прославленные исполнители выступали в различных центрах Эллады. Хорошо известно сообщение Полиена о приезде на Боспор в IV в. до н. э. знаменитого олинфского кифареда Аристоники. Певец посетил с выступлениями театры боспорских городов и собирал там полные залы, исполняя номы и аккомпанируя себе на кифаре [Полиен. Военные хитрости, V, 44]. По свидетельству Афиней, в этот же период боспорский царь Левкон I пригласил на Боспор известного афинского кифариста Стратоники, виртуозного исполнителя и учителя игре на кифаре. Музыкант настолько понравился царю, что тот не хотел отпускать его на родину. Афиней, подчеркивая остроумность Стратоники, сообщает, что тот метко ответил: «Так ты, (царь), значит здесь останешься?» [Афиней.

Пир мудрецов, VIII, 41, 349d]. Оба примера, упомянутые античными авторами, свидетельствуют, что Боспорское царство в IV в. до н. э. в культурном отношении не отставало от передовых центров Эллады. Сюда приезжали знаменитые исполнители, которые в лице боспорских граждан имели хорошо подготовленную аудиторию, разбиравшуюся в музыке.

Интересен вопрос, что они могли здесь исполнять? Согласно сообщениям античных авторов классические номы представляли собой пение гимнов богам, с учетом их легендарной истории, под аккомпанимент музыкального инструмента. Учитывая важность культа Аполлона в Боспорском царстве, знаменитый Аристоник, вероятно исполнял песнь собственного сочинения в честь этого бога. В отношении инструментального исполнения есть указание Страбона на то, что авлеты и кифаристы выступали с так называемым Пифийским номом [Страбон. География, IX, 3, 10]. Пифийский ном был принят на главных мусических празднествах Эллады в Дельфах. Он должен был воспроизводить историю сражения Аполлона со змеем Пифоном и четко состоял из нескольких частей, о которых знали слушатели. Во вступлении Аполлон осматривал место сражения, затем следовало начало битвы, когда бог вызывал дракона, после этого происходило описание боя. Если исполнителем был авлет, то он в этой части имитировал на авлосе звуки трубы и скрежетание зубов дракона. Следующая часть была посвящена триумфу Аполлона в честь победы, а в конце кифарист имитировал предсмертное шипение дракона. Все это отражалось музыкальными средствами (шипение, свист, скрежетание зубов) и вызывало большой энтузиазм у зрителей. Картина, которую каждый исполнитель создавал по-своему, должна была быть яркой, узнаваемой, натуралистичной. В этом проявилось основное требование эллинов к музыке – умелое подражание действительности, сходство с реальностью. Даже если в дальнейшем сюжет менялся (это могли быть подвиги Персея, Геракла), главное, чтобы исполнялась композиция с драматическим сюжетом, сопровождавшаяся звукоподражательными элементами.

К сожалению, образцов древнегреческой музыки сохранилось очень мало, это, например, музыка к песне из драмы «Орест» Еврипида, два гимна Аполлону (138 и 128 гг. до н. э.), двенадцать строк пеана Аполлона и некоторые другие. В Северном Причерноморье пока никаких четких свидетельств о музыкальных произведениях не обнаружено. Но археологические материалы, терракоты, изображения на вазах и саркофагах предоставляют сведения о тех музыкальных инструментах, которые были хорошо знакомы гражданам северопонтийских городов.

Греческие музыкальные инструменты в Северном Причерноморье. Свидетельства античных авторов позволяют выделить около 140 музыкальных инструментов и только 26 из них точно идентифицируются. В Северном Причерноморье наиболее часто встречаются фрагменты авлосов (Рис. 91, 1, 3). Фрагменты 11 авлосов разных модификаций, охватывающие период с IV в. до н. э. по III–IV вв. н. э., были обнаружены на Боспоре: пять в Пантикапее, два в Фанагории, два в Танаисе и по одному в Тиритаке и Китее [Вдовиченко, 2004, с. 131, 133; Молева, 2005, с. 64]. Четыре фрагмента костяных авлосов первых веков н. э. были найдены в Херсонесе [Белов, 1964, с. 52].

В Северном Причерноморье авлосы в основном изготавливались из кости, но встречаются инструменты с медными вставками, а также составные, сделанные из кости, бронзы и дерева. Авлос (αὐλός) – это духовой инструмент, который состоял из трубки с четырьмя (реже пятью) отверстиями (Рис. 92). Трубка снабжалась наконечником-мундштуком, в который вставлялся «язычок». По способу игры и конструктивным особенностям, древнегреческие авлосы сопоставимы с кларнетом или гобоем. В зависимости от диапазона звучания они могли быть от 25 до 60 и даже до 90 см длиной [Афонасин, 2012, с. 11]. В Северном Причерноморье обнаружены терракотовые статуэтки, изображающие музыкантов с авлосами разной величины и формы [Кобылина, 1974, Ч. 3., с. 49, табл. 57] (Рис. 91, 2). Музыканты, играющие на длинном авлосе, представлены на стенах расписного склепа, обнаруженного А. Ашиком в районе Керчи

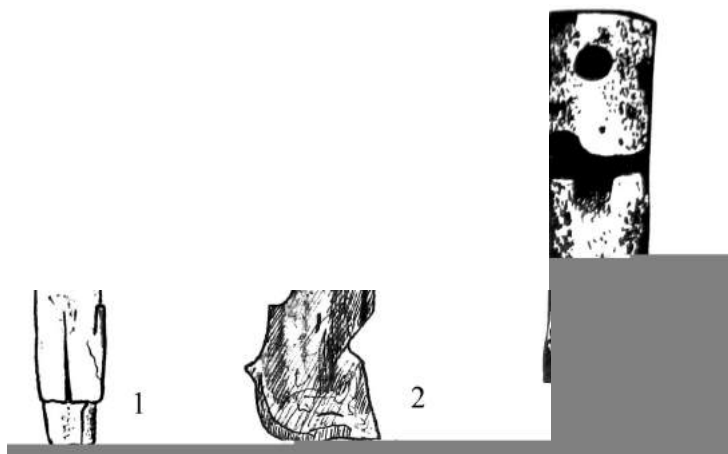

Рис. 91. Авлосы Северного Причерноморья:

1. Фрагмент костяного авлоса, первые века н. э., Пантикапей;
2. Терракотовая статуэтка авлетрисы, V–IV вв. до н. э., Пантикапей;
3. Фрагмент костяного авлоса, первые века н. э., Херсонес

[Ростовцев, 1913, табл. 83] (Рис. 93). В верхней части изображения показан небольшой оркестр, состоящий из трех музыкантов, двое играют на авлосах, а один на сиринге. Нижнее изображение свидетельствует, что игрой на авлосе сопровождали похоронные процессии. Терракотовая статуэтка танцующей авлетрисы IV–III вв. до н. э., обнаруженная в Пантикапее, позволяет говорить об использовании в Северном Причерноморье двойного авлоса [GCA, p. 52, № 76] (Рис. 94). Такой инструмент,

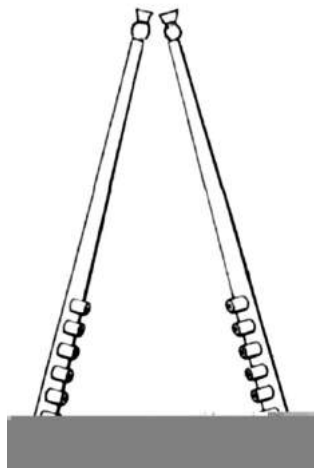

Рис. 92. Греческий авлос

Рис. 95. Ансамбль музыкантов, роспись саркофага
II в. н. э., Пантикапей

Рис. 96. Стела
с эпитафией авлетрису
Пасафиликате, IV в.
до н. э., Мирмекий

Рис. 97. Сальпинг

табл. 105, 5] (Рис. 98). Такая длинная труба применялась для подачи сигналов во время военных походов. Напомним, что в Херсонесском агонистическом каталоге первых веков н. э. упоминается состязание трубачей [IOSPE, I², № 433; НЭПХ, 1964, № 127]. Плохо сохранившийся каталог не позволяет точно выяснить, это было единственное состязание музыкантов или они соревновались и в других видах. Однозначно можно сказать, что популярность сальпинга в Херсонесе римского времени была очень велика.

В Северном Причерноморье была хорошо известна сиринга (σῦριγξ) – дудочка или свирель, часто именуемая «флейта Пана». Инструмент состоял из семи полых трубок одинаковой длины, склеенных пчелиным воском (Рис. 99). Сиринги обычно использовались во время Дионисийских празднеств, вакхических шествий, мистерий. Довольно часто в Северном Причерноморье встречаются терракотовые статуэтки с изображением Пана, мистов, играющих на сиринге [Марченко, 1974, с. 44, табл. 54.1-3] (Рис. 100, 2).

Из струнных музыкальных инструментов эллины особенно любили играть на лире (λύρα), кифаре (κithάρα), барбитоне (βάριτος или βάριτον). Кифара считалась инструментом Аполлона, изобретение лиры приписывалось Гермесу или мифическому певцу Орфею, поэтому без игры на них не обходились религиозные празднества, театральные действия, ими услаждали свой слух участники симпосия. Эти

Рис. 98. Надгробие трубача Аврелия Сальвиана, II в. н. э., Херсонес

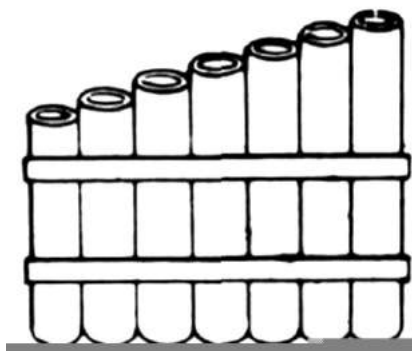

Рис. 99. Сиринга

музыкальные инструменты считались атрибутами многих богов и часто изображались на вазах. Сюжетом одного из краснофигурных лекифов V в. до н. э., обнаруженного в Ольвии, стала игра на барбитоне (Рис. 101). Сидящий музыкант слегка наклонил инструмент и рукой перебирает струны. Лира и барбитон были похожими инструментами, разница

Рис. 100. Музыкальные инструменты, Северное Причерноморье:
1. Тимпан, терракотовая статуэтка, первые века н. э., Пантикапей;
2. Сиринга, терракотовая статуэтка, II–III вв. н. э., Пантикапей;
3. Кифара, терракотовая статуэтка, II–III вв. н. э., Пантикапей

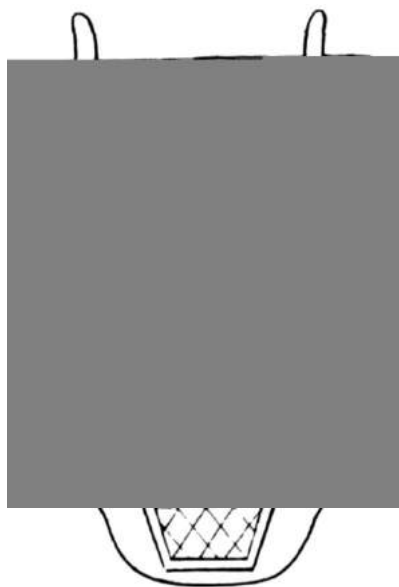

Рис. 102. Лира

палец», надсрединный звук), «меса» (срединный звук), «трита» (третья струна от последней), «паранета» (ближайшая к последней) и, наконец, последняя струна называлась «нета», это был самый высокий звук [Никомах. Руководство по гармонике, 3]. Корпус кифары намного превосходил лиру и барбитон. Он был цельным и обычно изготавливался из дерева (Рис. 104). Звучание кифары было громче и считалось, что оно подходит мужским голосам [Афонасин, 2012, с. 13]. В Северном Причерноморье

Рис. 103. 1. Сирена с лирой, современный отпечаток в форме IV в. до н. э., Фанагория; 2. Бронзовый резонатор лиры, II в. н. э., Пантикапей

обнаружено большое количество терракот, изображающих игру на этом инструменте. Частым сюжетом на них является Эрот с кифарой, но встречаются и женские образы [Кобылина, 1974, Ч. 4., с. 28, табл. 35, 1] (Рис. 100, 3).

Кифара считалась «официальным» инструментом и использовалась во всех сферах общественной жизни граждан. Лира и барбитон были легкими инструментами, их можно было наклонять во время игры и это не мешало воспроизведению звука, поэтому эти музыкальные инструменты сопровождали торжественные шествия, танцы и активно применялись во время досуга.

Терракотовые статуэтки III–I вв. до н. э. из Херсонеса и Пантикапея с изображением женских фигурок, играющих на арфе, позволяют говорить об использовании в Северном Причерноморье и этого струнного инструмента [Белов, 1970, с. 71, табл. 15, 7; Силантьева, 1974, с. 25, табл. 21, 1-2]. Арфа имела треугольную форму, поэтому в текстах она часто называлась тригон (*τρίγωνος*, *τρίγωνον*) (Рис. 105). Тригон относился к числу многострунных инструментов (30 и более струн) и за это Платон исключал его из числа предметов, которым следует обучать граждан мужчин. Он отмечал, что воины должны быть суровыми, а граждане – рассудительными, в то время как многострунные в пении и инструментальной музыке способствует расслабленности и опьяненности [Платон. Государство, III, 399c]. Поэтому тригон, звуки которого считались очень нежными и мягкими, рассматривался скорее как женский

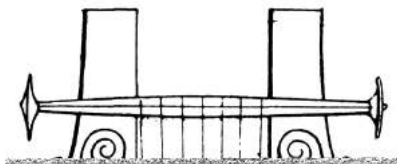

Рис. 104. Кифара

был найден костяной ажурный плектр [Мимоход Р. А., Сударев Н. И. Пресс-релиз ИА РАН]. Эта чрезвычайно редкая находка предоставляет новые перспективы для исследования древнегреческой музыки в Северном Причерноморье.

Использовались в Северном Причерноморье и некоторые другие музыкальные инструменты, в частности, ударные – тимпан (бубен), кимвалы (металлические тарелки), кроталы («трещетки», две пары брусков, связанные попарно). Терракотовые статуэтки из Ольвии, Пантикапея, Мирмекия дают представление об этих инструментах и свидетельствуют о широком использовании их в различных полисах Северного Причерноморья [Вдовиченко, 2004, с. 138] (Рис. 100, 1). Такие шумовые музыкальные инструменты создавали ритм при исполнении танцев, использовались во время Дионисийских празднеств и мистерий Кибелы, свадебных обрядов, симпосиев.

В первые века н. э. в Северном Причерноморье появляется новый музыкальный инструмент – водяной орган, изображение которого представлено на расписном саркофаге II в. н. э. из Пантикапея [Ростовцев, 1913, табл. 92, 2] (Рис. 95). Из трех изображенных музыкантов, двое по краям играют на диавлосах, а средний музыкант – на водяном органе или гидравлисе. Гидравлис (ὕδραυλις) в дословном переводе означает авлос, наполненный водой. Считается, что в его основе лежал многоствольный авлос или «сиринга Пана». Во время игры этот инструмент издавал булькающие звуки [Афинея. Пир мудрецов, 174b-e; Плиний Старший. Естественная история, VII, 125]. Особую популярность гидравлис приобрел в Римской империи, в это время он часто входил в состав инструментальных ансамблей. Именно такой инструментальный ансамбль представлен на расписном боспорском склепе. В составе ансамблей гидравлисы могли использоваться во время агонистических празднеств первых веков н. э., торжественных процессий, во время театральных представлений римского времени и сопровождать гладиаторские бои. Появление в Северном Причерноморье и, в частности, на Боспоре римских войск, учреждение культа римского императора, безусловно,

оказало влияние на появление здесь этого музыкального инструмента и особенности его применения.

По-традиции, игрой на музыкальных инструментах занимались в основном знатные и богатые граждане. Однако в Северном Причерноморье находки музыкальных инструментов и терракотовых статуэток с их изображением не связаны только с богатыми захоронениями, а происходят из разных мест. Они обнаружены в городских слоях, в некрополях и вблизи храмов. Это свидетельствует о понимании музыки разными слоями общества, ее широком применении в жизни гражданских коллективов Северного Причерноморья и достаточно высоком уровне мусической культуры. Подтверждением тому является интересное наблюдение, сделанное Н. В. Молевой. Она проанализировала боспорскую ономастику в отношении употребления имени Муза и пришла к выводу, что данное имя было достаточно популярно в эллинской среде в период с III в. до н. э. по II в. н. э. Использовалось оно в семьях довольно хорошо образованных, знакомых с греческой мифологией и поэзией, зажиточных, но не всегда богатых [Молева, 2005, с. 64]. Следовательно, традиции мусической культуры поддерживались системой воспитания. Те, кто смогли получить греческое образование, стремились приобщиться к философской мысли Эллады, участвовали в религиозных агонах, почитали общегреческих богов и развивали общегреческие музыкальные традиции.

3.3. Театр и театральные представления

Самым ярким проявлением эллинской мусической культуры был театр. Плутарх в трактате «О музыке» отмечает, что в древние времена «...музыка у греков была всецело приурочена к богопочитанию и воспитанию юношества, ... музыка у них еще не выходила за пределы святилищ, в которых с помощью ее они воздавали почитание божеству и хвалу доблестным мужам... более позднее слово «тетар» и гораздо

более древнее «теорейн» (присутствовать на торжестве) происходят от слова «теос» (бог)...» [Плутарх. О музыке, 27, 1]. Как уже отмечалось, театральные представления были частью Дионисийских празднеств. Главная цель таких празднеств состояла в стремлении донести до всех членов гражданского коллектива существующее мировоззрение, систему ценностей, усилить единство коллектива, совместно переживающего драматические представления и совершающего религиозные действия [Михалицин, Ручинская, 2017, с. 95].

Виды драматических представлений. Драматические представления ведут свое начало от сакральных церемоний, во время которых жрецы разыгрывали мифы, связанные со странствиями, страданиями Диониса, его смертью и воскресением [Латышев, 1997, с. 236]. Во время празднеств Диониса изображался торжественный приезд бога на увитом плющом корабле, что отражало миф о том, как он доставил в Грецию виноградную лозу. В Северное Причерноморье виноград, как дар бога Диониса, также был привезен из-за моря первопоселенцами, что способствовало распространению на данных территориях его культа.

Традиционно театральные представления устраивались во время двух из четырех священных празднеств в честь бога Диониса: Великих (Городских) Дионисий и Ленеи [Bieber, 1961, p. 52]. Упоминание в календаре Херсонеса месяца Дионисий [IOSPE, I², № 352, 357], а также в календарях Ольвии [Виноградов, Русяева, 1980, с. 25] и Тиры [IOSPE, I², № 4] месяца Ленея позволяет предполагать возможность проведения в причерноморских городах уже с V в. до н. э. театральных представлений два раза в год, на обоих празднествах в честь Диониса.

В ходе Дионисийских церемоний большая роль отводилась религиозным песнопениям – дифирамбам. Дифирамбы исполнялись хором, изображавшим спутников Диониса – сатиров, силенов (они были одеты в козьи шкуры), под аккомпанемент флейты и сопровождалась танцами, во время которых с помощью мимических действий воспроизводилось содержание песни [Каллистов, 1970, с. 61]. Исполнение

дифирамба заключалось в том, что запевало хора (солист) рассказывал окружавшей его толпе о страданиях бога. Он пел и играл одновременно. Это и называлось «зачинать дифирамб». Запевала, используя мимическую актерскую игру, побуждали своими репликами хор к пению. Аристотель указывает в «Поэтике», что трагедия и комедия возникли из импровизации. Трагедия (τραγῳδία или τραῦων ᾠδή, т. е. «песнь козлов», «песнь сатиров») ведет свое начало именно от запевал дифирамба, а комедия (κωμῳδία «пение кома на празднике Диониса» от κωμάζειν, т. е. «ходить веселой и шумной толпой с музыкой и плясками») – от запевал фаллических песен (во время шествий с фаллосами прославлялись силы плодородия) [Аристотель. Поэтика, 4]. Ко второй половине VI в. до н. э. из хора выделился особый исполнитель – актер, которым и был сам драматург. Импровизация сменилась точной фиксацией роли хора и актера, первоначально одного, а затем еще двух [Vassilantonopoulos, Mourjopoulos, 2003, p. 123-125]. Изначально содержание дифирамбов было связано только с мифами о Дионисе, но в дальнейшем сюжеты стали заимствоваться и из сказаний о других богах и героях. С этого момента, воспроизведение хорами Сатиров дионисийских мифологических сюжетов выделилось в отдельный вид драмы, драму сатиров (δρᾶμα σατυρικόν) [Bieber, 1961, p. 18-20].

Таким образом, к концу VI в. до н. э., к моменту наиболее активного заселения эллинами Северного Причерноморья, сформировалось три вида греческой драмы: трагедия, сатирическая драма и комедия. Трагедия передавала основы мироустройства, мифологические традиции греков, обучала правильно относиться к истинному и аполитичному герою, который отвергал моральные нормы гражданина, не подчинялся воле гражданской общины. Сюжеты драмы сатиров также брались из мифов о богах и героях, но, в отличие от трагедии сатирическая драма имела шутовское содержание. В ней проявилась популярная среди эллинов вера в чудища, духов, «привидения». Комедия была более фривольной и в ней подвергалось осмеянию абсолютно все (божества пан-

теона, полисные институты, влиятельные государственные деятели, различные философские школы). По словам Платона, комедия была призвана напоминать об ответственности гражданина как за слова, так и за дела [Платон. Государство, 492bc]. Это служило напоминанием любому политику, что он находится под пристальным вниманием сограждан. Греческая комедия подразделялась на древнюю (конец VI–V в. до н. э.), среднюю (начало IV в. до н. э. – 30-е гг. IV в. до н. э.) и новую (30-е гг. IV в. до н. э. – II в. до н. э.). Древняя комедия носила политический характер, основное внимание в ней уделялось высмеиванию общественных событий, отдельных государственных лиц. После таких постановок магистраты вынуждены были оставлять свои должности, а иногда, и покидать родной полис. Некоторые исследователи считают, что комедия этого времени была своеобразной формой контроля демоса над элитой гражданских коллективов [Martin, 2007, p. 50-53]. Не случайно Платон, говоря о сильном влиянии зрителей на жизнь греческого общества, употреблял термин «театократия», которая пришла на смену «аристократии» [Платон. Законы, III, 15]. В период распространения средней и новой комедий проявился отход от политической проблематики и ориентир на общечеловеческие, повседневные, бытовые проблемы. В эллинистический период появился мим, так характеризовали «низовую театр». В мимах смешивались все возможные формы театрализованного действия: трагедия, комедия, пародии на богов и культовые действия, жестокие казни, мнимые смерти, убийства, прелюбодеяния, музыка, танцы, акробатика. В мимических сюжетах использовались и резкие политические выпады.

Постановка трагедий. В Северном Причерноморье довольно часто встречаются терракотовые статуэтки, а также трагические и комические терракотовые маски, отражающие разные виды тетатральных представлений, которые, ставились в театрах. Терракоты отражают постановки трагедий, драмы сатиров и трех видов комедии: старой, средней и новой [Ко-

1). Подобные трагические маски известны также по материалам Фанагории [Кобылина, 1961, с. 64] и Ольвии [Славин, 1975, с. 49]. Из Херсонеса происходит терракотовая статуэтка первых веков н. э., изображающая актера в трагическом образе, плотно закутанного в гиматий [Кадеев, 1983, с. 279-280] (Рис. 108). Гиматий представлял собой широкий плащ, который складками укладывался вокруг тела. Традиционно их носили жрецы Диониса. находка данной терракоты уникальна, поскольку она свидетельствует о продолжении

Рис. 108. Терракотовая статуэтка трагического актера, первые века н. э., Херсонес

традиции постановки трагедий в театрах Северного Причерноморья в римское время. В Греции в этот период ставили лишь отрывки из трагедий, связанные с любовными похождениями греческих богов [Михалицин, Ручинская, 2017, с. 97].

Маски были обязательным атрибутом театральных представлений. Греческие актеры надевали их, чтобы подчеркнуть изображаемый ими образ: бога или героя, старика, юноши, женщины. Это было необходимо также потому, что актеры в одной постановке могли исполнять несколько ролей и женские роли исполнялись мужчинами. Одни и те же актеры часто принимали участие, как в трагических постановках, так и в комедиях. Цицерон, например, сообщает о том, как один комический актер имел большой успех в трагедии, а трагический – в комедии [Цицерон. Оратор, 31, 109]. Особую актуальность это могло иметь в Северном Причерноморье, где до появления профессиональных исполнителей, «техников Диониса», актеры, по традиции, выбирались из желающих

и способных к этой деятельности граждан. Учитывая относительно небольшую численность городов, это было сделать не так легко. Театральные маски могли передавать также черты характера персонажа и его эмоции. В этой связи интересна терракотовая статуэтка актера из Пантикапея [Кобылина, 1970, с. 15]. Его маска представляла собой ассиметричное лицо, на одной стороне которого густая бровь была высоко поднята, а на другой она так нахмурена, что закрывала угол глаза. Видимо, для передачи определенного настроения актер в местном театре поворачивался то одной стороной маски, то другой. Во время театральных представлений особую роль играл голос актера. Для усиления его звучания в масках делались большие отверстия, служившие своеобразным раструбом. Если же нужно было показать безмолвного персонажа, то рот на маске либо не изображался, либо был плотно закрыт [McCart, 2007, р. 260]. Точную характеристику актерам дал греческий сатирик Лукиан. «Я видел, Солон, тех, которых ты называешь трагиками и комиками: у них была тяжелая и высокая обувь, одежды украшенные золотыми лентами, на головах какие-то смешные личины с огромными отверстиями для рта, из которых они издавали ужасный крик. Я думаю, что в это время город справлял праздник в честь Диониса» [Лукиан. Анахарсис, 23].

О самих постановках трагедий можно судить лишь косвенно. Наличие местных поэтов, историков, философов, свидетельствует о значительном пласте высокообразованных людей, среди которых могли быть драматурги, писавшие трагедии в соответствии с известными персонажами греческой мифологии. Любимым трагедийным поэтом Эллады был Еврипид. По словам Плутарха, многие афиняне избежали пленения и голодной смерти во время неудачной Сицилийской экспедиции 413 г. до н. э. периода Пелопоннесской войны только потому, что читали наизусть стихи Еврипида, которого очень любили в Сицилии [Плутарх. Никий, 29]. Вероятно, в Северном Причерноморье также хорошо знали этого поэта, написавшего трагедию «Ифигения в Тавриде», поставленную в 414–413 г. до н. э. в афинском театре [Откупщиков, 1966,

с. 143]. Отрывки из нее могли ставиться на сценах местных театров. Целью греческой трагедии был рассказ о древних героях, их страданиях, смерти. Исполнение таких постановок в театре должно было способствовать передаче зрителям общепринятых в Элладе этических норм, удерживать граждан от заблуждений, примирять их с собственными страданиями и, в конечном итоге, сплачивать гражданский коллектив.

Комедии. Наибольшее количество терракот Северного Причерноморья связано с изображением комических актеров. Маски, применявшиеся в комедиях, обычно имели карикатурный и гротескный характер, способный вызвать смех зрителей. Часто встречающимися персонажами, над которыми любили посмеяться эллины, были раб, женщина, пьяный старик или старуха. Характерный для греческого театра образ раба представлен на терракотовой маске IV в. до н. э. из Ольвии, изготовленной в Аттике [Античные государства, 1984, табл. 118, 7] (Рис. 107, 2). Она имеет огромный улыбающийся рот, низкий лоб, оттопыренные уши. Подобные персонажи часто встречаются в местной терракоте. Терракотовая статуэтка II в. до н. э. из Пантикапея представляет мальчика в венке, возможно юного Диониса, который держит в руках комическую маску [На краю ойкумены, 2002, с. 63, № 220]. Трагические актеры и актеры древней и средней комедии под одежду подкладывали утолщения. В трагических образах это должно было способствовать созданию величавости персонажа, имитировало пышные одежды, при этом фигура сохраняла свои пропорции. Комические актеры целенаправленно стремились исказить правильные пропорции человеческого тела, создать большой живот, показать тучность тела, его уродливость. В отличие от актеров трагедий они выступали в обычной обуви или босиком [Латышев, 1997, с. 265-267]. Терракотовые статуэтки из Херсонеса, изображающие комических актеров в коротком хитоне, с большим животом и непременно для комедии атрибутом мужского костюма большим фаллосом, полностью соответствуют этому образу [Шевченко, 2016, № 801, 804] (Рис. 109). Характерные

персонажи комедии представляют актеров в образе женщины (Пантикапей, курган Большая Близница) [Античные государства, 1984, табл. 118, 4, 10], раба, несущего корзину на голове (Ольвия) [Ходза, 2001, с. 208] (Рис. 110), раба, сидящего на алтаре [Античные государства, 1984, табл. 118, 1] или несущего молот на плече (Пантикапей) [На краю ойкумены, 2002, с. 62, № 215] (Рис. 111). В Херсонесе и на Боспоре встречаются комические персонажи, изображающие Геракла. На Херсонесской терракоте Геракл представлен в виде коротенькой фигурки, с толстым животом, полными бедрами, на лице – уродливая маска старика. В руках он держит дубинку, а на плечи наброшена львиная шкура. [Чубова, Колесникова, Федоров, 2008, с. 208]. Геракл со всеми атрибутами классического героя представлен в этой терракоте в гротескном образе. В своих комедиях эллины использовали известные мифологические персонажи, но лишь тех из них, ситуации с которыми могли вызвать иронию. Геракл был одним из них. В комедиях он обычно противопоставлялся своему идеальному образу, отражая негативные черты (пьяница, чревоугодник), которые порицались и высмеивались в греческом обществе. В терракотовых статуэтках, отражающих новую комедию, гротескность персонажей становится менее явной. Актеры изображаются в обычной одежде, положительные герои часто показываются без маски. На

Рис. 109. Терракотовая статуэтка комического актера, Херсонес

Рис. 110. Терракотовая статуэтка комического актера, первая половина IV в. до н. э., Ольвия

терракотовой статуэтке из Пантикапея представлена сценка, в которой юноша без маски в обычной одежде придерживается за второго персонажа в маске раба, изображающего слугу [Кобылина, 1961, с. 88]. Главным персонажем терракот новой комедии, особенно популярных на Боспоре, по-прежнему, остается актер в маске раба [На краю ойкумены, 2002, с. 62-63, № 217, 218] (Рис. 112). Такие образы призваны были вызывать иронию в отношении таких человеческих пороков, как плутовство, лень, жадность. Большое разнообразие комических типов терракот и масок свидетельствует о широкой популярности в театрах Северного Причерноморья комедий. Комедии отражали наиболее злободневные моменты жизни. В условиях относительно замкнутых обществ, с постоянными военно-политическими и экономическими проблемами, театр и, особенно, комедия, могли способствовать снятию напряженности в обществе, позволяя выплеснуться эмоциям.

Рис. 111. Терракотовая статуэтка актера с молотом на плече, IV в. до н. э., Пантикапей

Рис. 112. Терракотовая статуэтка актера в маске раба новой комедии, Пантикапей

Драма сатиров. Во время Дионисийских празднеств, третьей дисциплиной, входившей в программу театральных представлений, была сатировская драма. Маски и терракотовые статуэтки Диониса, его спутников Сатира, Силена, Пана, являвшиеся непременно героями драмы сатиров, встречаются почти повсеместно в полисах Северного Причерноморья. Безусловно связанными с театром и драмой сатиров

были терракотовые маски из Херсонеса, в них, подобно настоящим маскам, сделаны прорезы на месте рта [Шевченко, 2008, № 260, 267, 274] (Рис. 113, 114). К числу наиболее интересных находок относится мраморный рельеф IV в. до н. э. с изображением актера в виде Силена, который, вероятно, являлся украшением театра в Пантикапее [Античные государства, 1984, табл. 118, 3] (Рис. 115). Актер, изображающий бородатого Силена, одет в косматый костюм, полностью скрывающий его тело, поверх которого наброшен короткий плащ с застежкой на плече (хламида), украшенный орнаментом. В руках – атрибуты спутников Диониса: посох и виноградная лоза. Сюжет, представленный на рельефе, связан с легендарными странствиями Диониса и поисками бога его спутниками. Каждый автор постановки представлял эти события в собственной интерпретации. А, если учесть, что основная роль в драме отводилась хору сатиров, то любое героическое действие при-

обретало несколько иной оборот. Интересная находка, относящаяся ко II в. до н. э., происходит из Пантикапея. Это голова от небольшой терракотовой статуи актера

Рис. 113. Маска Сатира, Херсонес

Рис. 114. Маска Силена, Херсонес

Рис. 115. Актер в образе Силена, мраморный рельеф, IV в. до н. э., Пантикапей

в маске Сатира. Среди пышных локонов юного спутника Диониса просматриваются маленькие рожки, а его лицо выражает эмоциональное напряжение [Античные государства, 1984, табл. 118, 11] (Рис. 107, 3). Такая же часть терракотовой статуи Сатира была найдена в Фанагории [Кобылина, 1961, с. 121-122], а в Мирмекии – голова Силена в венке из плющевых листьев и тоже II в. до н. э. [Денисова, 1981, с. 65, табл. 226]. Вероятно, в городах Боспора сатировская драма в этот период пользовалась особым почтением. Ко II–I в. до н. э. относится и жанровая мирмекийская статуэтка, на которой изображен силен с амфорой, сидящий на возвышении [Денисова, 1981, с. 65, табл. 22а].

Такая сценка вполне правдоподобна и могла разыгрываться во время драм сатиров в театре Мирмекия. О популярности сатировской драмы в других североπονтийских центрах свидетельствует небольшая мраморная статуя Паппосилена (Силен с ребенком Дионисом), обнаруженная в районе Ольвии. Статуя относится к IV–III в. до н. э. и могла в этот период, по мнению И. Б. Клейман, украшать Ольвийский театр [Клейман, 1986, с. 115-120].

Важно отметить познавательную ценность массовых драматических представлений. На театральных сценах комические поэты изображали в карикатурном виде современные идеи, а трагические, совместно с драмой сатиров, находясь

под их влиянием, соответственно интерпретировали традиционную мифологию, героическую историю греков. Таким образом, зрители в городах Северного Причерноморья приобщались к культурной истории греческой цивилизации, исподволь усваивая систему ценностей греческого общества. К тому же, все происходило, так сказать, «на людях», а совместно прожитое становилось основой коллективных представлений, спланивая граждан. По сути, драма была главным средством общения и формировала масштабное общественное мнение, способное преобразовать зрительский коллектив.

Мимы и пантомимы. В первые века н. э. в театрах Северного Причерноморья, вероятно, появляются постановки мимов. Мимы отличались от традиционных театральных представлений тем, что главное внимание в них было сконцентрировано вокруг персонажа, а не нацелено на развитие сюжета. Зародившись в эпоху эллинизма, в римский период подобные сценические действия стали чрезвычайно популярны [Филострат. Жизнь Аполлония Тианского, VI, 21; Светоний, Божественный Юлий I, 39]. Они представляли собой короткие сценки из повседневной жизни, все содержание которых нередко сводилось к одной лишь теме – супружеской неверности [Bieber, 1961, p. 160]. В Северном Причерноморье иллюстрацией проведения мимических представлений являются терракотовые статуэтки с подвесными конечностями, преимущественно находимые на Боспоре [Minns, 1913, p. 367-369]. Такие статуэтки, для которых конечности стали изготавливать отдельно, появились в Греции в период II в. до н. э. – I в. н. э. и широко распространились по всему античному миру. Готовое изделие приводилось в движение с помощью шнура, продетого через отверстие в голове и присоединенного к подвешенным конечностям. Статуэтки часто дополнялись фаллосом больших размеров. В качестве примера приведем две боспорские терракотовые статуэтки. Одна из них представляет танцующего мима с подвесными ногами пантикапейского производства II в. до н. э. – I в. н. э. Голова мима украшена венком из листьев и ягод, а правая рука согнута и поднята вверх [На краю

ойкумены, 2002, с. 68, № 246] (Рис. 116). Вторая, мирмекийская терракота II в. н. э., изображает мима в роли торговца с подносом [Денисова, 1981, с. 124, табл. 26а]. Актеры-мимы в таких терракотах обычно были представлены в образах торговцев, фокусников, жонглеров, даже воинов. Мимы обычно носили пеструю одежду, короткий плащ, использовали полумаску или выступали с открытым лицом. Сохранившаяся голова от терракотовой статуэтки с подвесными конечностями из Мирмекия (III в. н. э.) отражает такого артиста-мима в полумаске [Денисова, 1981, с. 124]. В. Ф. Гайдукевич первым высказал мнение относительно того, что эти статуэтки воспро-

Рис. 116. Танцующий мим, терракотовая статуэтка с подвесными ногами, II в. до н. э. – I в. н. э., Пантикапей

изводят образы актеров-ми-
мов [Гайдукевич, 1959, с. 98].
Впоследствии в исследова-
тельской литературе появи-
лось мнение, определяющее
марионетки первых веков
н. э. культовыми фигурками,
многие из которых связаны
с почитанием восточных бо-
жеств [Марченко, 1974, с. 38].
Принимая во внимание дан-
ную точку зрения, отметим,
что часть терракот имеют
непосредственное отноше-
ние к Дионисийскому культу
и обладают рядом атрибутов
спутников Диониса (оттопы-
ренные уши, козлиные рога,
музыкальные инструменты)
[Ringwood, 1933, p. 455-456].
Вместе с тем, эти статуэтки со-
храняют черты мимических
героев (руки подняты вверх,
как у актеров) (Рис. 117). По-
этому мы склонны выделять

Рис. 117.
Марионетки первых
веков н. э.:
1, 3 – актеры-мимы,
2 – пантомим

их в отдельную категорию актеров-мимов. Интересную связь мимических представлений с популярным на Боспоре мифом об Афродите Апатуре («Обманщице») предложил С. Р. Тохтасьев. Еще в 1983, проанализировав легенду, переданную Страбоном, исследователь пришел к выводу, что она не могла быть создана жречеством и передаваться как сакральная традиция [Тохтасьев, 1983, с. 111-112]. Напомним, что в мифе происхождение святилища Афродиты связывается с тем местом, где богиня принимала гигантов и по очереди передавала их спрятавшемуся Гераклу, сумевшему всех умертвить

[Страбон. География, XI, 2, 10]. В тексте Страбона был употреблен термин «δεχομένη», который в переводе означает «принимать» и «принимать мужчину», соответственно, как считает С. Р. Тохтасьев, Афродита вела себя как гетера. Используя свои женские чары, она по одному принимала сразу несколько гигантов, что уже создавало комическую ситуацию и должно было вызвать смех зрителей. Такая интерпретация сюжета на рубеже эр, когда жил Страбон, вполне соответствует сценарию мима. В римское время сюжеты мимов вообще часто были непристойного содержания. На достаточно широкую популярность представлений мимов среди населения Боспора в этот период указывает чаша I–II вв. н. э. из Пантикалея с изображением двух гротескных фигур в виде карликов. Фигурки имели ястребиные клювы, рядом с ними была нанесена непристойная надпись (κνᾶπυρος ἡδύπορος), отражающая суть происходящих событий [Стефани, 1879, с. 209–211]. В вольном переводе текст означает «шелудивый зад, доставляющий удовольствие». Такого рода «непристойные сцены» были излюбленными сюжетами изображений, которые вместе с римскими войсками попадают в Северном Причерноморье. Они часто изображались не только на сосудах, но и на светильниках первых веков н. э. (Рис. 118). Видимо, в Северном Причерноморье, как и повсюду в Римской империи, цель мимических представлений состояла исключительно в увеселении зрителей, при этом, комизм мима часто был груб, что наблюдается и в этом случае.

С мимическими представлениями часто сочеталась пантомима. В классической Греции пантомима как танец, являлась частью культовых действий во время торжественных и вакхических шествий во время Дионисий [Платон. Законы, VII, 796a–d, 813b, 813e, 815c, 816b–c; Государство, III, 376e–380c]. Особую роль танца Платон видит в хороводах, которые символизируют сакральное единение гражданской общины [Платон. Законы, VII, 796 b–c]. Танцы служили своеобразной физической подготовкой для молодежи, часто сочетались с занятиями в гимнасии, были одним из видов агонов [Webb, 2008 p. 66–69]. В греческих

Рис. 118. Краснолаковые светильники первых веков н. э. с эротическими сценами, Херсонес, Пангикапей

комедиях использовались комические сценки, которые выражались с помощью пластики, танца. Иногда для усиления эффекта воздействия на зрителей применялись более активные действия, которые, например, использовал в своих комедиях Аристофан («Осы», «Птицы», «Лягушки») – хоровые партии сопровождалась неожиданной беготней, дракой, комической пляской, акробатикой. К первым векам нашей эры, такие представления выделились в самостоятельную форму – пантомиму, можно сказать «мужской балет» с акробатическими номерами, и были очень популярны в Риме [Webb, 2008, р. 44-50]. В пантомимах актер через танец раскрывал сюжет мифа, в основном

греческого. Певец или хор должны были объяснять действия актера музыкальными средствами под аккомпанимент авлоса или оркестра, состоявшего из авлоса, лиры, кифары, кимвал, сиринги. Важная черта мимических представлений и пантомимы римского времени заключалась в том, что в них начинали принимать участие женщины. В виде пантомимы подавался и древний танец в полном вооружении «пирриха» (πυρρίχη). На Пифийских празднествах этот вид танца был включен в обязательную программу состязаний [Аристотель. Афинская политика, 60, 4]. Платон, описывая его, показал танцоров, которые прыгали, нагибались, отступали и кидались в сторону, спасаясь от ударов [Платон. Законы, VII, 815a]. Драматические события боя были переданы с помощью танца, «языком тела». Танец представлялся либо двумя группами танцоров, которые выступали как противники (танцевальный батл), либо его исполнял один танцор-солист. Возможно, боспорская терракотовая статуэтка с подвесными конечностями I в. н. э., изображающая воина со щитом, является отражением пантомим, проводившихся в Северном Причерноморье [Денисова, 1981, с. 67, табл. 28a] (Рис. 117, 2). Ксенофонт сообщает, что в пиррихе могли принимать участие и женщины [Ксенофонт. Анабасис, V, 9, 5-13]. Два фрагмента расписных ваз из Херсонеса и Пнати-каепя отражают исполнение такого женского военного танца [Вдовиченко, 1999, с. 81-86].

Особенности функционирования театра в Северном Причерноморье. Общей организацией театральных представлений в греческих городах занимались должностные лица, обычно это было обязанностью архонтов [Латышев, 1997, с. 277]. Со временем архонты стали следить лишь за совершением жертв и подготовкой торжественной процессии (помпы) в честь Диониса, а руководство мусическими агонами было поручено агонифету. Часть средств они получали из государственной казны, а часть тратили из личных средств, поэтому агонифесия обычно поручалась богатым гражданам и считалась очень престижной [Никитин, 1882, с. 3-4]. Надпись IV в. до н. э. из Нимфея, упоминающая агонифета свидетельствует, что спо-

соб подготовки и руководства состязаниями (театральными, музыкально-литературными) в этом боспорском полисе соответствовал общегреческим традициям [Соколова, 2002, с. 99-121]. Обеспечением театральным инвентарем, костюмами, набором и подготовкой хоров ведали хореги. Они тоже избирались из числа богатых граждан [Goette, 2007, р. 122]. Прямых свидетельств о проведении хорегии в Северном Причерноморье нет, но проведенный нами анализ эпиграфических источников, позволяет говорить, что косвенным указанием на исполнение подобной литургии могут быть имена Хорагус (Χοραγούς) и Хорегион (Χορηγίων) [КБН, № 1129, 1157; 1138, 1140, 1141, 1192]. Такие имена встречаются в боспорской ономастике I–II вв. н. э. и являются производными от термина «хорег». В первом случае эти имена носили сами граждане, во втором – их отцы. Длительность использования подобных имен и их популярность могут свидетельствовать о довольно частом проведении хорегий на Боспоре в первые века н. э. Следует подчеркнуть, что в римское время греческий хорег именуется на латинский манер *horagus* (хорагус), сохраняя прежние обязанности [Варнеке, 1903, с. 25]. Возможно, в рассматриваемых боспорских именах нашли отражение некоторые перемены в организации и проведении театральных действий, связанные с распространением здесь римского влияния.

Достоверные сведения о проведении театральных представлений и развитии театрального здания в Северном Причерноморье предоставляют археологические исследования театра в Херсонесе. Херсонесский театр был построен в III в. до н. э., просуществовал несколько столетий и затем во II в. до н. э., во время войн со скифами, на какое-то время был заброшен. Территория херсонесского театра была даже застроена небольшими жилыми домами. Впоследствии, в I в. н. э. театр был восстановлен, но перестроен уже по другим архитектурным канонам, с учетом римских традиций. В общей сложности херсонесский театр просуществовал с III в. до н. э. по IV в. н. э. В средневековый период на его месте был построен христианский храм, из-за чего античный театр оказался

сильно разрушен [Домбровский, 1960, с. 29-36; Херсонес Таврический, 2004, с. 452-453] (Рис. 88-89).

Первоначально театр в Херсонесе был построен в соответствии со всеми греческими канонами и представлял собой полукруглое сооружение, состоявшее из нескольких частей: оркестра, театрон, проскений, скена, пароды (Рис. 21, 88, 89).

Оркестра (ὄρχήστρα) представляла собой круглую площадку, над которой возвышался тетатрон. Перед началом театральных представлений на нее вносили статую Диониса. Такой сюжет представлен на терракотовом рельефе боспорского производства, относящемся к эллинистическому времени. На рельефе изображены два актера, которые несут на плечах Диониса [На краю ойкумены, 2002, с. 62, № 212]. Возможно, этот рельеф специально предназначался для украшения театра в Пантикапее.

В центре оркестры, напротив центрального прохода театрона, находился алтарь Диониса (фимела, θυμέλη), благодаря чему музыкальные состязания, в противовес сценическим (театральным), получили название фимелических агонов (θυμελικοί ἀγῶνες). У алтаря перед началом проведения театральных представлений производились ритуальные чествования Диониса, хор граждан исполнял дифирамбы, после этого происходило восславление и увенчание эвергетов (благодетелей) полиса – граждан или иностранцев, которые оказали значительные финансовые услуги полису, а также некоторые другие гражданские акты (провозглашения, принятие в число граждан) [Chaniotis, 2007, p. 48]. Все эти действия подтверждаются упоминавшимися ранее надписями из Херсонеса, Ольвии, Тире, Пантикапея и других городов Боспора. В театре на оркестре известные авторы читали свои произведения перед всем коллективом граждан, как сделал херсонесский историк Сириск в III в. до н. э. [IOSPE, I², № 344]. Здесь же происходили выступления хора, актеров, проводились музыкально-литературные состязания. Отметим, что участников хора набирали из числа граждан и это воспринималось как часть гражданских обязанностей. В период подготовки к праздникам Диониса

и театральным представлениям хоревты освобождались от любых военных и государственных служб [Arnott, 2003, p. 23]. В хор для трагедий часто входили юноши, которые проходили через этап эфебии [Кулишова, 2014, с. 254]. Участники хора сопровождали свое пение ритмичными танцевальными движениями. Пели и танцевали они в унисон, создавая ощущение общности гражданского коллектива. Все это должно было усилить воздействие представления и оставить неизгладимые впечатления у собравшихся в театре граждан.

Театрон (θέατρον) – это собственно зрительный зал, который представлял собой каменные ряды для зрителей, возвышавшиеся друг над другом по склону горы (Рис. 88). Пространство театрона разделялось лестницами на клинья. Все древнегреческие театры поражали своей великолепной акустикой. Ради этого греческие архитекторы, как пишет Витрувий, используя волновую природу звука, «...строили ступени театров на основании исследования восходящего голоса и путем математической каноники и теории музыки старались, чтобы всякий звучащий со сцены голос доходил до ушей слушателей отчетливее и приятнее...» [Витрувий. Об архитектуре, V, 3, 7-8]. С этой целью, согласно Витрувию, театр выбирали в здоровом месте, «лучше всего – у подножия горы, и заботились, чтобы от неправильного устройства театра не пропадал звук» [Витрувий. Об архитектуре, V, 3, 5-8]. Театр в Херсонесе был построен как раз в таком удобном месте, на небольшом склоне, хорошо освещаемом солнцем и, в тоже время, обдуваемом легким ветерком. Это было особенно важно, поскольку зрители приходили в театр на целый день. За пределами Херсонеса в V–IV вв. до н. э. находилась глубокая балка с крутым северным склоном. При расширении территории города в IV–III вв. до н. э. балка оказалась в черте города. Лучшего места для театра не надо было и искать. По склону балки в скале вырубили восемь секторов зрительских мест – театрона с рядами каменных скамеек. Каждый сектор имел двенадцать рядов скамеек, между секторами проходили лестницы. Несколько ступеней одной из лестниц центрального сектора театрона сохранились до

настоящего времени. Для удобства на каменные скамьи театра укладывались подушки, зрители приносили с собой еду и напитки. По словам Аристотеля, особенно усердно что-нибудь грызли тогда, когда зрителям не нравилось представление [Аристотель. Никомахова этика, IX, 1175 b 10]. Кроме того, недовольство игрой актеров выражалось шиканьем, свистом, стучаньем ногами, а иногда, как замечает Лукиан, даже требованием телесных наказаний [Лукиан. Рыбак, или Воскресшие, 33]. Восхищение игрой актеров сопровождалось восторженными криками и рукопесканиями.

Изначально херсонесский театр был ориентирован на 1800–2000 человек, но после его перестройки во II в. н. э., когда была увеличена общая площадь театра и, вероятно, надстроены ряды театра, театр вмещал около 3000 зрителей [Домбровский, 1960, с. 30–36]. По количеству мест для зрителей Херсонесский театр был относительно небольшим. Например, Афинский театр был рассчитан на 17 000 зрителей. Небольшое население Херсонеса не позволяло строить театр более значительный по размерам, так как в нем должно было разместиться все взрослое гражданское население. Театрон в этот период насчитывал 12 рядов¹. Возможно, в верхнем ряду мест для зрителей в театре Херсонеса был устроен крытый портик, призванный усиливать звук в увеличившемся театре [Rindel, 2013, p. 22–27]. Первые ряды предназначались для влиятельных и уважаемых граждан города, особо почитаемых иностранцев. Иноземные граждане могли получить право занять первые места в театре за особые заслуги перед городом. Такое право называлось «правом проедрии» и им был удостоен, например, в Ольвийском театре гражданин Истрии Феодот [НО, № 7]. Право проедрии получили в этом театре и наиболее уважаемые милетяне, согласно договору об исополитии (уравнивании в правах) IV в. до н. э. между Милетом и Ольвией, в котором специально оговаривалось почетное право занятия

¹ По мнению А. В. Буйских театр в Херсонесе вмещал не более 1000 граждан, на начальном этапе он имел 14–16 рядов театра, а впоследствии его вместимость сократилась до 12 рядов зрительских мест [Буйских, 2008, с. 178, 214].

особых мест в театроне [Граков, 1939, с. 264, № 35]. С этой целью в театре устанавливались отдельные каменные сидения. Самое почетное место отводилось жрецу бога Диониса. По мнению В. Д. Блаватского, мраморное кресло, обнаруженное в Пантикапе, в IV в. до н. э. специально предназначалось в местном театре для такого жреца [Блаватский, 1957, с. 249] (Рис. 90).

На время театральных представлений, проводившихся в праздник Дионисий, в городах прекращалась общественная жизнь, лавки и суды закрывались. В народных гуляньях принимали участие абсолютно все слои населения – граждане разного достатка, женщины, дети, рабы, иноземцы. Первоначально посещение театра было бесплатно и доступно всем. Желание посмотреть представления и занять лучшие места вызывали толкотню и беспорядки. Поэтому в Афинах при Перикле, во избежание таких беспорядков и чтобы покрыть расходы на проведение театральных действий, была введена оплата за посещение театра [Латышев, 1994, с. 273]. За один-два обола можно было купить билет на место в театроне [Демосфен. О венке, 28]. Такой «билет» представлял собой бронзовый, свицовый, глиняный или костяной кружок с буквенными или иными изображениями, позволяющими выделить клин театрона и ряд в нем [Ростовцев, 1903, с. 90-93]. Данное нововведение достаточно быстро распространилось по всей Элладе. Костяная тессера первых веков н. э., обнаруженная в Херсонесе, по мнению В. И. Кадеева, могла служить подобной маркой для входа в театр. На ее оборотной стороне, наряду с цифрой и надписью по-гречески, была отражена римская цифра, вероятно, означавшая номер клина в театроне херсонесского театра римского времени [Кадеев, 1996, с. 194].

В непосредственной близости от оркестры располагались сцена (σκηνή) и проскений (προσκήνιον). С IV–III вв. до н. э. сцена представляла собой небольшую сценическую постройку, где располагались помещения для переодевания актеров, хранения реквизита. Место, где выступали актеры, называлось проскений. Проскений первоначально представлял собой небольшую площадку перед сценой, которая в эллинистическую

эпоху была приподнята над уровнем земли и соединялась с орхестрой ступенями, поэтому во время актерской игры там можно было перемещаться для усиления эффекта действия. Фасадная сторона проскения в херсонесском театре была украшена дорическими колоннами [Крыжицкий, 1993, с. 146], между которыми могли располагаться картины, являвшиеся декорациями. Судить об этом можно на основании сохранившихся в Херсонесе фрагментов картин на надгробных стелах. К III–II в. до н. э. относится фрагмент картины с архитектурным мотивом. На изображении представлен интерьер просторного помещения, на переднем плане которого изображен своеобразный навес, с прикрепленным пурпурным занавесом, далее представлена уходящая вглубь стена [Чубова, Федоров, 1976, с. 3-8]. На другом фрагмент картины IV–III в. до н. э. с росписью в технике энкаустики (восковыми красками) сохранилось изображение головы юноши и части плеча с голубым плащом на темном фоне. Особое внимание привлекают прекрасные глаза, задумчивый выразительный взгляд, переданные художником [Чубова, Колесникова, Федоров, 2008, с. 9-10] (Рис. 119).

Рис. 119. Голова Юноши. Фрагмент живописной стелы, IV–III в. до н. э., Херсонес

Эти картины свидетельствуют о превосходной технике, которой обладали херсонесские художники, они владели линейной перспективой, умели применять живописные светотени. Наличие местных художников известно и на Боспоре. Ко II в. н. э. относится каменный саркофаг, обнаруженный в Пантикапее, с сохранившимся на его внутренних стенках изображением мастерской живописца. Представлен сам художник, сидящий перед мольбертом, на стене вывешены его картины.

Живописец держит над огнем, стоящей рядом жаровни, металлический стержень-каутерион, перед ним на колене развернут трехстворчатый ящик с красками [Ростовцев, 1913, табл. 92, 1] (Рис. 120). На изображении отражено использование техники энкаустики (с греческого «выжигание»), с которой работали художники Северного Причерноморья, когда с помощью разогретых восковых красок рисунок вплавлялся в деревянную (или каменную) основу картины. Художники Северного Причерноморья, таким образом, могли иметь свои мастерские, где, наряду с расписными стелами, саркофагами, создавали станковые картины, портреты и театральные декорации. Естественным фоном, дополнявшим художественные декорации в театре, было голубое море, небо или живописная панорама города, которую было видно со скамей театрона.

С обеих сторон от сцены, между нею и театроном находились пароды (*παρόδοι*), два парадных входа в оркестру. В херсонесском театре частично сохранились восточный (правый) парод [Домбровский, 1960, с. 29-36] и западный (левый) с водосточными [Буйских, 2008, с. 178, рис. 96]. Через правый парадный

Рис. 120. Мастерская живописца.
Роспись саркофага II в. н. э., Пантикапей

проход в театр торжественно входили участники религиозных церемоний в честь Диониса, граждане, занимавшие места в театлоне, поэты, музыканты, во время театральных представлений – хор и иногда актеры. Один из таких недавно обнаруженных пародов предназначался для входа в оркестру в IV в. до н. э. в Нимфее [Соколова, 2002, с. 99-121; 2017, с. 244].

В I в. н. э. театр в Херсонесе был кардинально перестроен, по-сути, по образцу римских театров. Оркестра стала полукруглой, ее площадь увеличилась до около 30 м в диаметре, она была максимально приближена к зданию скены с просцением. В театре отсутствовали пароды, был повышен барьер оркестры и фактически зрителей в театлоне от оркестры отделял теперь парапет. Здание скены было приподнято и по высоте совпадало с последним рядом театрона [Домбровский, 1960, с. 31-33; Кадеев, 1996, с. 181-182]. Новый херсонесский театр вполне соответствовал нуждам своей эпохи. В римское время особую популярность приобретают зрелища, среди которых первостепенное значение имели гладиаторские бои и травли животных.

Римские зрелища в Северном Причерноморье. Появление в Северном Причерноморье римских военных гарнизонов и распространение культа римских императоров на Боспоре а, возможно, и в Херсонесе, повлекло за собой устройство типично римских зрелищ. На возможность использования театра в Херсонесе как места для проведения боев гладиаторов и травли животных указывает несколько моментов. Во-первых, во время раскопок театра были обнаружены части сетки, которая должна была защищать зрителей, сидящих в театлоне от представлений, происходивших на оркестре [Домбровский, 1960, с. 30-36]. Во-вторых, это мраморный фриз с изображением пары борющихся гладиаторов и надписью, строго размещенной под рельефом [Античная скульптура Херсонеса, 1976, с. 159]. Надпись, вероятно, увековечивала имя победителя в поединке гладиаторов – некоего Ксанфа [IOSPE, I², № 483] (Рис. 121, 1). Э. И. Соломоник предполагает, что подобные подписи должны были идти вдоль всего фриза, представляя собой своеобразный агонистический каталог. Кроме того, по ее

Рис. 121. Изображения
гладиаторов, I–II в. н. э., Херсонес:
1 – мраморный рельеф,
2 – светильник

мнению, данный фриз имел непосредственное отношение к архитектурному оформлению театра римского времени или примыкавших к театру сооружений [Соломоник, 1967, с. 77]. В. А. Горончаровский высказал предположение, что данный мраморный рельеф мог быть частью надгробия, установленного представителю городской верхушки Херсонеса, являвшемуся устройтелем гладиаторских боев [Горончаровский, 2009, с. 235]. Но это предположение не имеет достаточных подтверждений.

Возникновению гладиаторских боев в Херсонесе могло способствовать появление в полисе римских солдат-фракийцев [Щеглов, 1966, с. 99-100]. Следует подчеркнуть, что в Херсонесе располагался достаточно большой римский гарнизон, в который входили отряды I Италийского, XI Клавдиевого, V Македонского легионов и вспомогательные войска римской армии, направленные из провинции Нижняя Мезия [Соломоник, 1960, с. 135]. Для благоустройства быта и привычного образа жизни солдат и офицеров римской армии в Херсонесе было проведено ряд мероприятий. В городе со II по IV вв. н. э.

действовали римские бани – термы [Антонова, Аркадова, 1971, с. 270-271; Беляев, 1984, с. 51], существовал публичный дом, вызвавший финансовые споры между городской администрацией и командованием римских вооруженных сил в Херсонесе, о чем, судя по городскому декрету конца II – первой половины III в. н. э., был проинформирован наместник провинции Нижняя Мезия [IOSPE, I², № 404; Макаров, 2003, с. 123]. Гладияторские бои также могли проводиться в Херсонесском театре в качестве привычного для римских солдат способа развлечения. При раскопках театра, были найдены алтари, с посвящением богине Немесиде конца II – начала III в. н. э. [Соломоник, 1960, с. 147; 1967, с. 77]. Один из этих алтарей находился непосредственно перед входом в театр, в небольшой нише в стене. Введение в Херсонесе культа Немесиды – богини справедливости и возмездия, которая в римское время считалась покровительницей актеров, атлетов, гладиаторов и солдат, является дополнительным подтверждением устройства в херсонесском театре гладиаторских боев. Алтари в честь Немесиды устанавливались в театрах многих греческих городов римского времени, например, в театре Диониса в Афинах [Grant, 1995, p. 88]. Учреждение данного культа свидетельствовало о совмещении функций греческих театров с римскими амфитеатрами для устройства в них гладиаторских боев.

Гладиаторские игры стали новой «массовой культурой», широко распространившейся в первые века н. э. во всем греческом мире. Они были популярны в Афинах, Гераклее Понтийской, Милете [Magie, 1950, p. 655]. Флавий Филострат отмечает, что афиняне «увлекались боями даже больше, чем увлекаются ими в Коринфе» [Филострат. Жизнь Аполлония Тианского, IV, 22]. Подобная «мода», благодаря присутствию римских гарнизонов, могла достичь и Северного Причерноморья. Отражением определенного интереса населения к подобным зрелищам являются светильники с изображением поединков гладиаторов. Такие светильники I–II в. н. э. известны в Херсонесе [Косцюшко-Валюжинич, 1907, с. 128] (Рис. 121, 2), к I в. н. э. относится светильник из Ольвии, на щитке ко-

торого показан поединок гладиаторов, вооруженных щитами и кинжалами [Иофа, 1964, с. 281]. На Боспоре встречаются геммы первых веков н. э. с изображением боев гладиаторов и цирковых ристаний [Неверов, 1979, с. 104–109].

Проведение гладиаторских боев на Боспоре, по-видимому, было связано с появлением культа римского императора. В. Д. Блаватский отмечает, что это были практически единовременные акты [Блаватский, 1988, с. 191–195]. Наиболее романофильскую политику вел боспорский царь Котис I (45/46–67/68 гг.). Начиная с его правления и вплоть до первой половины III в. н. э. боспорские цари носили титул архиерея – пожизненного первосвященника императорского культа [КБН, № 63]. Соблюдение одного из ритуалов нового культа (проведения гладиаторских боев), по-видимому, должно было свидетельствовать о благонадежности царей Боспора римским властям. Распространению нового вида зрелищ способствовало также длительное пребывание на Боспоре контингента римских войск во главе с Г. Юлием Аквиллой [Зубарь, Русяева, 2004, с. 158–159].

Свидетельством устройства гладиаторских боев в Пантикапее является большой склеп конца I – начала II века н. э. (открыт А. Ашиком в 1841 г.) с фресковой росписью [Ростовцев, 1914, с. 355, 370]. На стенах склепа несколько сюжетов отражают сражения гладиаторов и травли животных [Ростовцев, 1913, табл. 89–91] (Рис. 122). На изображениях представлены различные виды гладиаторов (фракийцы, ретиарии), вооруженные щитами, кинжалами, копьями, луком, трезубцем. Пять сцен представляют конных гладиаторов–бестиариев, сражающихся с дикими животными (медведь, кабан, олень, гепард). Изображения бестиариев, борющихся со львом, отражены также на двух рельефах I–II в. н. э., являвшихся украшениями деревянных саркофагов представителей элиты Пантикапея [Sokolov, 1974, p. 53, fig. 167; Кобылина, 1984а, с. 224–225, табл. 127, 7] (Рис. 123). В гладиаторских боях, проводившихся в столице Боспорского царства, вероятнее всего, принимали участие обреченные на смерть военнопленные и преступники, или

любители, сражавшиеся за деньги. Данное предположение сделал В. А. Горончаровский, ориентируясь на характер снаряжения и слабую защищенность гладиаторов, представленных на изображениях [Горончаровский, 2009, с. 225]. Гладиаторские бои были дорогостоящим зрелищем, требующим как финансового, так и человеческого ресурса. Скорее всего, в Пантикапее они устраивались царской администрацией, которой содержать собственную школу гладиаторов было не под силу.

Гладиаторские бои в основном предназначались для солдат и командиров римских подразделений и представителей элиты Пантикапея и Херсонеса, получивших права римского

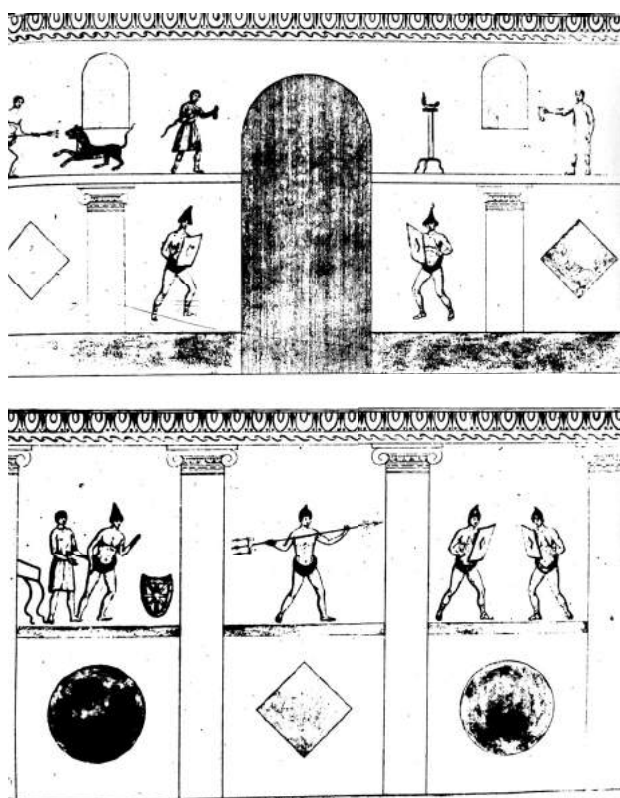
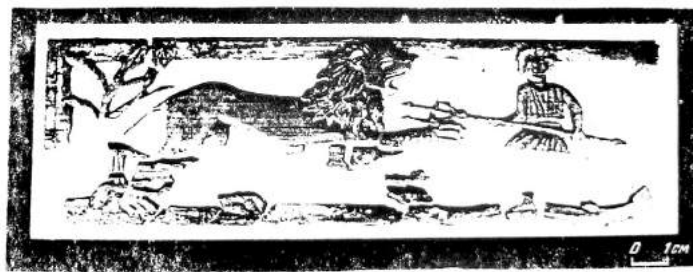

Рис. 122.
Гладиаторы
и бестиарий,
роспись склепа,
I–II в. н. э.,
Боспор

1

2

Рис. 123. Изображения травли животных, украшения деревянных саркофагов I–II в. н. э., Пантикапей:

1. Бестиарий с копьём, гробница 1900 г.;
2. Бестиарий с трезубцем, гробница 1883 г.

гражданства. В целом, такие зрелища были чужды основной массе населения и не получили широкого распространения в Северном Причерноморье. Они были связаны исключительно с навязываемым культом римского императора и проводились только в тех местах, где длительное время размещались отряды римских войск.

Театральные представления, несмотря на проведение гладиаторских боев в театрах, не утратили своего значения и в первые века н. э. На сценах продолжают ставиться комедии и даже трагедии. Большую роль в этом, вероятно, сыграл тот факт, что трагедия играла важную роль в воспитании гражданина и служила, по словам Аристотеля, своеобразным

«очищением» общества посредством сострадания и страха [Аристотель. Поэтика, VI]. Следует отметить, что для причерноморских городов этот классический идеал и в первые века н. э. продолжает оставаться актуальным. Так, в херсонесском почетном декрете римского времени в честь Г. Кая Евтихиана [IOSPE, I², № 364], при перечислении заслуг чествуемого перед гражданской общиной, используется формула «καλὸς καὶ ἀγαθός» (сочетание наилучших душевных и физических качеств), что свидетельствует о популярности классического идеала калокагатии, а, следовательно, традиционного представления об идеальном гражданине. В первые века н. э. программа театральных представлений расширяется за счет постановок мимов и пантомимы. Однако культовая сторона театральных действий значительно уступает зрелищности.

Музыкальная культура, поучившая распространение в полисах Северного Причерноморья, вполне соответствовала традиционным представлениям эллинов. Длительное сохранение греческого языка и его диалектов отражало стремление сохранить культурную идентичность со всем греческим миром. Значительное количество образованных граждан, знающих греческую мифологию, способных понимать поэзию, музыку, разбирающихся в философии и литературном творчестве, отражают общий культурный уровень северопоптийских городов. Весь период античности в полисах существует слой интеллектуальной элиты, которая поддерживается системой государственной власти и является носителем эллинских традиций. Греческое мировоззрение формировалось в местных театрах, которые имели многофункциональное предназначение, как места для проведения сакральных представлений, музыкальных агоней, прославлений выдающихся граждан. Исконно греческие идеалы продолжали сохраняться в гражданских общинах, даже несмотря на устройство римских зрелищ. Философские искания, литературное и поэтическое творчество, театральные представления и музыкальное наследие Эллады стали неотъемлемой частью жизни гражданских коллективов Северного Причерноморья.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование культуры греческих городов Северного Причерноморья в соединении с особенностями существования гражданских коллективов чрезвычайно важно для понимания исторического развития региона. Ориентир исследования на города, как центры полисной культуры, позволяет выявить особенности мировоззрения, уклада жизни, мотивы поведения эллинов, обитавших на северном побережье Понта Евксинского в период с VI в. до н. э. по IV в. н. э.

Комплексный анализ нарративных, эпиграфических источников, данных нумизматики, иконографии и археологии предоставляет возможность определить факторы, которые обусловили специфику культуры отдельных городов Северного Причерноморья и всего региона в целом. Прежде всего, отметим, что особенности географического и политического положения городов способствовали формированию самодостаточных в культурном отношении, замкнутых вследствие варварского окружения гражданских коллективов, которые стремились сохранить типично греческие черты культуры, вследствие чего сумели противостоять и римскому культурному влиянию. Определяющим фактором для развития культуры послужили колонизационные процессы в Северном Причерноморье. Большинство городов понтийского региона

появились в результате милетской колонизации и унаследовали, соответственно, ионийский тип культуры. Дорийский тип культуры получил распространение в Херсонесе Таврическом, основанном выходцами из Гераклеи Понтийской. Важным фактором было время возникновения городов – VI–V вв. до н. э., то есть период наивысшего расцвета греческой культуры, черты которой и были принесены первопоселенцами, а сложившиеся гражданские коллективы пытались сохранить ее характерные черты до конца античной эпохи.

Особенности устройства городов и развития городской жизни были взаимосвязаны с политической ситуацией в Северном Причерноморье. На первоначальном этапе особая роль в передаче и сохранении культурных традиций принадлежала местной греческой аристократии, тесно связанной с первопоселенцами. Дальнейшая демократизация полисной жизни привела к распространению эллинских традиций на более широкие слои населения, которые включали и эллинизированных варваров. Однако следует подчеркнуть, что связь с общегреческими культурными центрами, поддержание традиционных устоев, эллинской идеологии, жизненного уклада в Северном Причерноморье осуществлялось благодаря полисной элите. В первые века н. э., в связи с появлением в городах Северного Причерноморья римских военных гарнизонов, в составе гражданских коллективов появилась незначительная категория населения, имевшая права римского гражданства. Это повлекло за собой распространение элементов римских градостроительных тенденций, определенного влияния римлян на духовную и культурную жизнь граждан.

Исследование особенностей градостроительства в Северном Причерноморье позволило прийти к выводу, что возникновение и становление греческих городов приходится на VI–V вв. до н. э. К IV–II вв. до н. э. относится период расцвета городской жизни. Время с I в. до н. э. по IV в. характеризуется неравномерным развитием городов и, в целом, связано с постепенным упадком эллинского градостроительства.

Изучение особенностей благоустройства и повседневной жизни граждан позволило выявить жизненные стандарты эллинов Северного Причерноморья и определить главную тенденцию – стремление сохранить древние традиции и привычный греческий образ жизни как в автономный период (VI–I вв. до н. э.), так и в период римского культурного влияния в первые века н.э. Особую роль в этом процессе сыграла греческая система воспитания и образования, получившая широкое распространение в северопонтийских городах.

Исходя из анализа религиозных представлений эллинов Северного Причерноморья, можно прийти к выводу, что они были перенесены в данный регион первопоселенцами. С момента основания городов отмечается сложившееся религиозное мировоззрение населения, которое опиралось на традиции метрополии. Колонисты привезли в Северное Причерноморье и свою традиционную мифологию. В дальнейшем эти мифы вошли составной частью в ритуалы почитания богов. В целом религия, получившая распространение в государствах Северного Причерноморья в VI в. до н. э. – IV вв. н. э., была греческой и имела тенденцию к сохранению исконных культов главных олимпийских богов и обожествленных героев. Первые места в пантеонах занимали те из олимпийских богов, которые имели многочисленные функции и были связаны с безопасностью жизни граждан и ведущими отраслями хозяйства (культы Ахилла, Аполлона, Афродиты, Артемиды, Девы, Геракла, Гермеса, Диониса). В первые века н. э., в связи с появлением в полисах римских гарнизонов и распространением римского культурного влияния, в пантеонах происходят некоторые изменения. Главенствующая роль, по-прежнему, принадлежит греческим божествам, но с усилением функции защитников, покровителей и спасителей полисов. В пантеонах возрастает значение тех греческих богов, культы которых имели особую популярность в Римской империи. Включение полисов Северного Причерноморья в сферу римского влияния также способствовало распространению здесь культа римских императоров, который с наибольшей вероятностью

почитался в Боспорском царстве. В этот период увеличилось количество почитателей восточных культов (малоазийских, египетских, иранских). На Боспоре во II–III вв. особую популярность приобрел синкретический культ безымянного Бога Высочайшего (Теос Гюписистос). Адепты данного культа объединялись в религиозные союзы (фиасы), во главе которых стояли представители боспорской аристократии. В позднеантичный период в Северное Причерноморье проникает учение гностиков и христианская идеология. Греческое население Боспора и Херсонеса длительный период оказывало сопротивление распространению новой религии и только во второй половине IV в. н. э. в условиях превращения христианства в основу римской культурной экспансии в Северном Причерноморье оно получает более широкое распространение.

Отметим, что наряду с полисной религией, в городах Северного Причерноморья можно выделить проявления личной религии греков, отразившиеся на специфике сакральной жизни граждан и религиозных обрядах.

Организацией религиозной жизни граждан занимались жрецы, которые в городах Северного Причерноморья в основном являлись представителями богатых и знатных родов. Одной из форм организации религиозной жизни было объединение граждан в культовые союзы. К числу наиболее ранних сакральных союзов в Северном Причерноморье можно отнести аристократические фиасы, перенесенные из метрополии, а также союзы, связанные с культами богов-спасителей, в состав которых часто входили представители знатных родов. Различные по характеру и структуре культовые объединения получили широкое распространение в первые века н. э. на Боспоре. Фиасы этого времени заменили собой разрушающую полисную систему, стали индикатором проникновения на Боспор новых культов, эллинизации местного населения и возможности его вхождения в состав «новой» боспорской аристократии.

Весь период существования греческих городов Северного Причерноморья составной частью их обрядовой системы яв-

лялись очистительные церемонии, жертвоприношения (анафематы, заклания животных, воскурения, возлияния), молитвы, сакральные трапезы. Распространенным явлением были религиозные празднества, сопровождавшиеся разнообразными состязаниями (агонами). К числу наиболее значимых агонистических празднеств следует отнести Ахиллеи (Ольвия), Аполлонии (Ольвия, Пантикапей), Гераклии (Херсонес), Гермей (Херсонес, Горгиппия), Парфении (Херсонес), Дионисии. Эти празднества сопровождались тремя видами состязаний: гимнастическими, гиппическими (конными) и мусическими (музыкально-литературными соревнования и театральными постановками). Характерным элементом агонистических праздников в автономный период существования городов были церемонии гражданского назначения. В первые века н. э. усиливается зрелищный характер состязаний. Однако следует подчеркнуть, что разнообразие видов агонов и сакральных обрядов, внимание к ним со стороны официальных властей свидетельствуют о том, что в городах Северного Причерноморья весь античный период большое внимание уделялось религиозным актам, которые были тесно связаны с эллинской традицией и продолжали оставаться тем элементом, который объединял гражданские коллективы.

Говоря о развитии мусической культуры и ее влиянии на мировоззрение и образ жизни эллинов Северного Причерноморья, необходимо подчеркнуть достаточно высокий уровень грамотности населения. Весь период существования греческих городов Северного Причерноморья язык эллинов сохранялся в своих основных диалектах, что давало импульс развитию поэтического творчества и научных познаний граждан. Классическая традиция не только сохранялась в этой части греческого мира, но и оказывала влияние на культуру Эллады, способствуя сохранению ее целостности.

Значительное количество образованных граждан, знающих греческую мифологию, способных понимать поэзию, музыку, разбирающихся в философии и литературном творчестве, отражают общий культурный уровень северопонтийских

городов. Весь период античности в полисах существовал слой интеллектуальной элиты, которая поддерживалась системой государственной власти и являлась носителем эллинских традиций. Следует подчеркнуть, что к первым векам н. э. относится наибольшее количество стихотворных текстов. Следовательно, время прихода в Северное Причерноморье римлян стало периодом расцвета поэтического творчества эллинов. Возможно, это связано с тем, что римское военное присутствие создавало ощущение стабильности и способствовало такому своеобразному греческому возрождению.

Развитие музыкального искусства в греческих городах Северного Причерноморья известно благодаря наличию музыкальных инструментов (лира, кифара, тригон, авлос, труба), обычаю устройства музыкальных состязаний и проведению концертов известных эллинских исполнителей в Северном Причерноморье. Следует подчеркнуть, что римское влияние на развитие музыки отразилось в появлении нового вида музыкального инструмента – водяного органа, который, возможно сопровождал почитание культа римского императора и гладиаторские бои. Особого расцвета в греческих городах Северного Причерноморья приобрело театральное искусство, которое включало постановки трагедий, комедий, драмы сатиров. В первые века н. э., наряду с сохранением трагедий и широким распространением комедий, появляются мимические представления и пантомимы. Под римским влиянием в театрах Северного Причерноморья начинают устраиваться гладиаторские бои, которые, однако не получили широкого распространения. Отметим, в целом, что греческое мировоззрение формировалось в местных театрах, которые имели многофункциональное предназначение, как места для проведения сакральных представлений, мусических агонов, прославления выдающихся граждан. Мусическая культура, поучившая распространение в полисах Северного Причерноморья, вполне соответствовала традиционным представлениям эллинов, исконно греческие идеалы продолжали сохраняться в гражданских общинах, даже несмотря на устройство римских зрелищ.

Подводя итог, отметим своеобразие и самодостаточность культуры городов Северного Причерноморья, в которой, наряду с сохранением традиций греческой культуры классической и эллинистической эпох, проявлялись элементы римской культуры и культурного взаимовлияния с местной иноплеменной средой. Уникальность данной культуры заключалась в том, что весь античный период она была ориентирована на укрепление единства гражданских коллективов и развитие культурных связей с эллинским миром.

SUMMARY

Culture and Society of Greek Cities of the Northern Black Sea Coast (VI BC – IV AD) *by Oksana A. Ruchynska*

The study of the culture of the Greek cities of the Northern Black Sea Region in conjunction with the peculiarities of the existence of civil societies is extremely important for understanding the historical development of the region. A comprehensive analysis of narrative, epigraphic sources, numismatics data, iconography and archeology revealed the factors that determined the specific culture of Greek cities of the Northern Black Sea Coast and the whole region. In this study, the concepts of culture and society are considered in inseparable unity, which implies a shift in interests towards the assessment of historical events through the cultural and spiritual values. The study is focused on cities as centers of polis culture, due to the concentration of Greek civil societies there. It allowed author to comprehensively explore the worldview, lifestyle, motives of the Hellenes of the Northern Black Sea Region and understand the true causes of the historical events happened in this region.

Chapter 1 (Development Features of Culture in Greek Cities of the Northern Black Sea Coast) is dedicated to the identification of conditions for the formation of Greek culture

and the particularity of civil societies. The author concluded that the particularities of the geographical and political situation of the cities contributed to the formation of culturally self-sufficient and closed, due to barbaric environment, civil societies who tried to preserve the typical Greek features of culture. In the first centuries AD, it helped to counteract the Roman cultural influence. Most of the cities of the Northern Black Sea Region were founded by Miletus and inherited the Ionian type of culture; only Chersonesus, founded by the settlers from Heraclea, had a distinctive Dorian culture. Cities emerged in the period from the 6th – 5th centuries BC – the period of the highest flourishing of Greek culture, which was brought by the first settlers, and the existing civil societies tried to preserve its characteristic features. The political situation of separate cities in the Northern Black Sea Region also determined the particularities of culture. The above factors have influenced the town planning and the characteristics of everyday life of people there.

Chapter 2 (Spiritual Culture in Greek Cities of the Northern Black Sea Coast) is devoted to the problem of the spread of Greek religion and mythology among the Greeks of the Northern Black Sea Region. Author determines the specific features of the polis and personal religion, which were reflected in the organization of the sacred life of citizens and religious rites. Religious festivals and various competitions (agones) were a common phenomenon in the Greek cities of the Northern Black Sea Region. The most significant agonistic festivities were Festivals of Achilles (Olbia), Festivals of Apollo (Olbia, Panticapaeum), Festivals of Heracles (Chersonesus), Festivals of Hermes (Chersonesus, Gorgippia), Festivals of Parthenos (Chersonesus), and Festivals of Dionysus (everywhere). Three types of competitions accompanied these festivals: gymnastic, hyppic (horse) and muses (musical, literary competitions and theatrical performances).

Chapter 3 (Muses Culture in Greek Cities of the Northern Black Sea Coast) examines the impact of the traditions of the muses culture on the worldview and lifestyle of the Greeks of the Northern Black Sea Region. The development of literary creativity

in the ancient cities of the Northern Black Sea region is primarily reflected in the level of literacy development of the population. Written sources testify to the citizens' knowledge of cyclic poems, works of Homer, Hellenic philosophy. In the ancient cities of the Northern Black Sea Region, a layer of creative intelligentsia stands out: scientists, writers, poets. The development of musical art became known due to the presence of musical instruments (lyra, kithara, trigon, aulos, trumpet, water organ), practices of arranging musical contests and holding concerts of famous Greek performers in the Northern Black Sea Region. Theatrical art, which included staging the tragedies, comedies, satyr plays, in the first centuries AD – performances of mimes and pantomimes, flourished especially in the Greek cities of the Northern Black Sea Region. Gladiatorial games begin to take place under the Roman influence in the Northern Black Sea Region, but they were not widely used.

The study also determines the rather significant role of the polis elite in the formation and development of culture, its interaction with demos in various cultural spheres.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Рис. 1. Северное Причерноморье в античную эпоху
Рис. 2. Фрагмент агонистического каталога из Херсонеса, первые века н. э.
Рис. 3. Глиняный многогранник с граффити (буквы греческого алфавита), 1 в. до н. э., Феодосия (по Э. Б. Петровой)
Рис. 4. Херсонесская монета III в. до н. э. с изображением головы богини Девы (Партенос)
Рис. 5. Борис Владимирович Фармаковский (1870–1928)
Рис. 6. Карл Казимирович Косцюшко-Валюжинич (1847–1907)
Рис. 7. Владимир Дмитриевич Блаватский (1899–1980)
Рис. 8. Колонизация греками Северного Причерноморья
Рис. 9. Солнечные часы (γνῶμῶν). Кепы, первые века н. э. (фото О. А. Ручинской)
Рис. 10. План Ольвии
Рис. 11. План Херсонеса
Рис. 12. План Пантикапея
Рис. 13. Реконструкция земляных сооружений из Ольвии
Рис. 14. Реконструкция земляных сооружений из Мирмекия
Рис. 15. Главный алтарь, Ольвия, VI–V в. до н. э.
Рис. 16. Центральный теменос Ольвии, V в. до н. э. (реконструкция А. Н. Карасева)
Рис. 17. Городская ограда в Тиритаке: 1 – остатки городской ограды, 2 – западная стена здания
Рис. 18. Городище Калос Лимен

- Рис. 19. Ольвийское городище (аэрофотосъемка)
- Рис. 20. Херсонес, прямоугольная система планирования
- Рис. 21. Театр в Херсонесе
- Рис. 22. Верхний город Фанагории
- Рис. 23. Центральная часть Верхнего города Ольвии (реконструкция С. Д. Крыжицкого)
- Рис. 24. Богатый дом вблизи акрополя Пантикапея
- Рис. 25. Херсонесские ворота III в. до н. э. (в верхней части – проем римского времени)
- Рис. 26. Вылазная калитка в стене Херсонеса
- Рис. 27. Оборонительные стены Ольвии (фото О. А. Ручинской)
- Рис. 28. Реконструкция западных ворот Ольвии (по С. Д. Крыжицкому)
- Рис. 29. Реконструкция акрополя Пантикапея III в. до н. э. (по В. П. Толстикову)
- Рис. 30. Оборонительные стены Херсонеса (изображение на стене склепа IV в. н. э.)
- Рис. 31. Изображение крепостных ворот на монете Пантикапея, вторая половина I в. н. э.
- Рис. 32. Клеймо на ручке Херсонесской амфоры с упоминанием астинома
- Рис. 33. Улица в Херсонесе
- Рис. 34. Улочка в Ольвии (фото О. А. Ручинской)
- Рис. 35. Улочка в Нимфее (фото О. А. Ручинской)
- Рис. 36. Улица-лестница в Ольвии (фото О. А. Ручинской)
- Рис. 37. Горгиппия, главная улица
- Рис. 38. Колодец на поселении Борисфен (фото О. А. Ручинской)
- Рис. 39. Статуэтка мальчика, являвшаяся украшением фонтана, Ольвия, III в. н. э.
- Рис. 40. Фрагмент водослива в виде львиной головы. Пантикапей, V в. до н. э.
- Рис. 41. Водосток треугольного сечения. Ольвия
- Рис. 42. Керамические трубы для воздушного отопления. Харакс
- Рис. 43. Пантикапей. Дикие животные. Роспись склепа 1872 г.
- Рис. 44. Ольвия, двусторонняя стела, V в. до н. э.
- Рис. 45. Херсонес. Стекланные сосуды

Рис. 46. Костяная статуэтка с изображением Деметры, Тира, V–III в. до н. э.

Рис. 47. Херсонес, статуэтка коня, I–II в. н. э.

Рис. 48. Херсонес, фрагмент статуэтки барана, втор. пол. IV–перв. пол. III в. до н. э.

Рис. 49. Херсонес, статуэтка голубя, II в. н. э.

Рис. 50. Херсонес, фрагментированная статуэтка петуха, I в. н. э.

Рис. 51. Херсонес, статуэтка быка, I–II в. н. э.

Рис. 52. Херсонес, игральные кости и астрагалы

Рис. 53. Херсонес, комплект стеклянных шашек

Рис. 54. Статуя молодого боспорца, ритора или поэта, I в. н. э., Пантикапей

Рис. 55. Источник с подземной лестницей, святилище Асклепия близ Пантикапея

Рис. 56. Медицинский амулет. Тира, I в. н. э.

Рис. 57. Надгробие врачей с изображением медицинских инструментов. Херсонес

Рис. 58. Бронзовые ножки шкатулки. Боспор, склеп Деметры

Рис. 59. Свечи. Ольвия

Рис. 60. Терракотовый хлебец. Херсонес

Рис. 61. Серебряное блюдо в форме раковины. Пантикапей

Рис. 62. Женская фигура в хитоне и гиматии с покрытой головой, терракота, Херсонес

Рис. 63. Нога в сандали, фрагмент терракотовой статуэтки. Херсонес

Рис. 64. Терракотовый алтарь с изображением мифологической сцены, III в. до н. э. Херсонес

Рис. 65. Сцена Похищения Керы Плутоном (Склеп Деметры, I в. н. э. Пантикапей) (фото О. А. Ручинской)

Рис. 66. Скорбящая Деметра (Склеп Деметры, I в. н. э. Пантикапей) (фото О. А. Ручинской)

Рис. 67. Деметра в поисках Керы (Склеп Деметры, I в. н. э. Пантикапей) (фото О. А. Ручинской)

Рис. 68. Свинцовые букрании, IV–II вв. до н. э. Ольвия

Рис. 69. Посвящение ситонов, стела конца III – начала II в. до н. э. Ольвия

Рис. 70. Герма Диониса, жертвоприношение овцы, Пантикапей

Рис. 71. Сцена жертвоприношения, свинцовая пластина, IV–III в. до н. э. Ольвия

Рис. 72.1. Графическое изображение сцены возлияния на стене первых веков н. э. Ольвия

Рис. 72.2. Прорисовка изображения сцены возлияния

Рис. 73. Стена жертвоприношения, роспись склепа, первые века н. э. Пантикапей

Рис. 74. Полихромная курильница, I в. до н. э., Таманский полуостров

Рис. 75. Фигурный сосуд в виде барана. Тира

Рис. 76. Фигурный сосуд в виде головы коня, III–II в. до н. э. Ольвия

Рис. 77. Херсонесское надгробие III в. н. э. с изображением жеста адорации

Рис. 78. Бронзовый стригиль. Ольвия

Рис. 79. Изображение состязаний в беге, килик, Ольвия (фото О. А. Ручинской)

Рис. 80. Приз с праздника Анакий, IV–III в. до н. э., Херсонес

Рис. 81. Надгробный рельеф с изображением юноши-атлета, первая половина V в. до н. э., Пантикапей

Рис. 82. Изображение сцены из жизни гимнасия на краснофигурном скифосе, Никоний

Рис. 83. Расписной склеп, IV в. до н. э. Пантикапей

Рис. 84. Статуарное изображение Аполлона, Ольвия

Рис. 85. План зала гимнасия с банными помещениями. Ольвия (по А.Н. Карасеву, Е.И. Леви)

Рис. 86. Надгробие Гермодора с изображением стригиля, IV–III в. до н. э., Херсонес

Рис. 87. Терракотовый торс Геракла, III – II в. до н. э., Херсонес

Рис. 88. Театрон Херсонесского театра

Рис. 89. План театра, Херсонес (по О. И. Домбровскому)

Рис. 90. Мраморное кресло, IV в. до н. э., Пантикапей

Рис. 91. Авлосы Северного Причерноморья: 1. Фрагмент костяного авлоса, первые века н. э., Пантикапей; 2. Терракотовая статуэтка авлетрисы, V–IV вв. до н. э., Пантикапей; 3. Фрагмент костяного авлоса, первые века н. э., Херсонес

Рис. 92. Греческий авлос

Рис. 93. Изображение музыкантов, склеп 1900 г., Боспор

Рис. 94. Танцовщица, играющая на двойном авлосе, терракотовая статуэтка IV–III вв. до н. э. Пантикапей

Рис. 95. Ансамбль музыкантов, роспись саркофага II в. н. э., Пантикапей

Рис. 96. Стела с эпитафией авлетрисе Пасафиликате, IV в. до н. э., Мирмекий

Рис. 97. Сальпинг

Рис. 98. Надгробие трубача Аврелия Сальвиана, II в. н. э., Херсонес

Рис. 99. Сиринга

Рис. 100. Музыкальные инструменты, Северное Причерноморье: 1. Тимпан, терракотовая статуэтка, первые века н. э., Пантикапей; 2. Сиринга, терракотовая статуэтка, II–III вв. н. э., Пантикапей; 3. Кифара, терракотовая статуэтка, II–III вв. н. э., Пантикапей

Рис. 101. Изображение барбитона на краснофигурном лекифе, 480–470 гг. до н. э. Ольвия

Рис. 102. Лира

Рис. 103.1. Сирена с лирой, современный оттиск в форме IV в. до н. э., Фанагория; 2. Бронзовый резонатор лиры, II в. н. э., Пантикапей

Рис. 104. Кифара

Рис. 105. Арфа-тригон

Рис. 106. Тригон, терракотовая статуэтка, Пантикапей

Рис. 107. Терракотовые маски актеров: 1. Трагическая маска, I в. н. э., Пантикапей; 2. Маска раба, IV в. до н. э., Ольвия; 3. Актер в маске сатира, II в. до н. э., Пантикапей

Рис. 108. Терракотовая статуэтка трагического актера, первые века н. э., Херсонес

Рис. 109. Терракотовая статуэтка комического актера, Херсонес

Рис. 110. Терракотовая статуэтка комического актера, первая половина IV в. до н. э., Ольвия

Рис. 111. Терракотовая статуэтка актера с молотом на плече, IV в. до н. э., Пантикапей

Рис. 112. Терракотовая статуэтка актера в маске раба новой комедии, Пантикапей

Рис. 113. Маска Сатира, Херсонес

Рис. 114. Маска Силена, Херсонес

Рис. 115. Актер в образе Силена, мраморный рельеф, IV в. до н. э., Пантикапей

Рис. 116. Танцующий мим, терракотовая статуэтка с подвешенными ногами, II в. до н. э. – I в. н. э., Пантикапей

Рис. 117. Марионетки первых веков н. э.: 1, 3 – актеры-мимы, 2 – пантомим

Рис. 118. Краснолаковые светильники первых веков н. э. с эротическими сценами, Херсонес, Пантикапей

Рис. 119. Голова Юноши. Фрагмент живописной стелы, IV–III в. до н. э., Херсонес

Рис. 120. Мастерская живописца. Роспись саркофага II в. н. э., Пантикапей

Рис. 121. Изображения гладиаторов, I–II в. н. э., Херсонес: 1 – мраморный рельеф, 2 – светильник

Рис. 122. Гладиаторы и бестиарий, роспись склепа, I–II в. н. э., Боспор

Рис. 123. Изображения травли животных, украшения деревянных саркофагов I–II в. н. э., Пантикапей: 1. Бестиарий с копьем, гробница 1900 г.; 2. Бестиарий с трезубцем, гробница 1883 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

Аграфонов П. Г. Культ Геракла в Херсонесском государстве (IV в. до н. э. – III в. н. э.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1999. 22 с.

Азаров В. П. Один из участков пантикапейского некрополя // Археология и история Боспора. Симферополь: Крымиздат, 1962. Т. 2 С. 321-327.

Александровский Н. А. Раскопки эпидаврского святилища // ЖМНП. 1890. № 269. С. 81-128.

Алексеев В. П. Новые материалы к изучению культуры античных городов Северного Причерноморья (Тира–Никоний–Ольвия–Херсонес) // ВДИ. 2004. № 3. С. 58-80.

Алексеевская Л. М. Лира из Керчи // ИАК. 1915. Вып. 58. С. 140-152.

Анохин В. А. Античные монеты Северного Причерноморья. Каталог. К.: Стилос, 2011. 328 с.

Анохин В. А. История Боспора Киммерийского. К.: Одигитрия, 1999. 250 с.

Анохин В. А. Монетное дело Боспора. К.: Наукова думка, 1986. 181 с.

Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. – XII в. н. э.). К.: Наукова думка, 1977. 176 с.

Антипина Е. Е. Остеологические коллекции из археологических памятников Азиатского Боспора: возможности исследования животноводческой отрасли // ABRAU ANTIQUA. Результаты комплексных древностей полуострова Абрау. М.: Институт археологии РАН, 2009. С. 169-180.

Античная скульптура Херсонеса. Каталог / Сост. А. П. Иванова, А. П. Чубова, Л. Г. Колесникова. Киев: Мистецтво, 1976. 340 с.

Античные памятники Северо-Западного Причерноморья / В. В. Крапивина, С. Д. Крыжицкий, С. Б. Охотников. К.: Мистецтво, 2001. 176 с.

Античні держави Північного Причорномор'я / Ред. С. Д. Крижицького, В. М. Зубаря, С. С. Бессоновой та інші. // *Давня історія України*. К.: Альтернативи, 1998. Т. 2. 352 с.

Античные государства Северного Причерноморья / Под ред. Г. А. Кошеленко, И. Т. Кругликовой, В. С. Долгорукова. М: Наука, 1984. 392 с.

Античные государства Северного Причерноморья // *Археология Украинской ССР*: В 3 т. Киев: Наукова думка, 1987. Т. 2. 588 с.

Античное Причерноморье: Памятники архитектуры, скульптуры, живописи и прикладного искусства / Сост. Г. И. Соколов. Л.: Аврора, 1973. 194 с.

Антонова И. А., Аркадова Л. А. Раскопки терм и античной протейхизмы в Херсонесе // *АО за 1970 г. М., 1971*. С. 270-271.

Антонова И. А., Яйленко В. П. Херсонес, Северное Причерноморье и Маркоманнские войны по данным херсонесского декрета 174 г. н. э. в честь Тита Аврелия Кальпурния Аполлониды // *ВДИ*. 1995. № 4. С. 58-86.

Аристотель. Политика // *Сочинения в 4-х тт.* / Пер. С. А. Жебелева. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 376-644.

Аристотель. Сочинения: В 4-х тт.: Т. 4 / Пер. под ред. А. И. Доватура. М.: Мысль, 1984. 830 с.

Аристофан. Комедии / Пер. А. П. Пиотровского. М.; Л.: Академия, 1934. Т. 1 -2.

Арсеньева Т. М. Лепная керамика Танаиса // *Древности Нижнего Дона*. М.: Наука, 1965. С. 169-201.

Артемидор. Сонник / Пер. М. Л. Гаспарова, В. С. Зилитинкевич // *ВДИ*. 1989. № 4. С. 201-231.

Афонасин Е. А. Античная музыка. Предисловие и библиография // *СХОЛН. Философское антиковедение и классическая традиция*. 2012. Т. 6. Вып. 1. С. 8-22.

Белов Г. Д. Раскопки в Херсонесе в 1959 году // *СГЭ*. 1962. Вып. 22. С. 23-38.

Белов Г. Д. Раскопки в Херсонесе в 1961 г. // *СГЭ*. 1964. Вып. 25. С. 47-62.

Белов Г. Д. Северный прибрежный район Херсонеса // МИА. 1953. Вып. 34. С. 11-32.

Белов Г. Д. Скульптура из Херсонеса в собрании Эрмитажа // Культура и искусство античного мира. Л.: Аврора, 1971. С. 107-122.

Белов Г. Д. Стеклоделательная мастерская в Херсонесе // КСИА. 1969. Вып. 116. С. 80-84.

Белов Г. Д. Терракоты из Херсонеса // Терракотовые статуэтки. Свод археологических источников. М.: АН СССР, 1970. Вып. Г1-11. Ч. 1. С. 70-78.

Белов Г. Д. Херсонес Таврический. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1948. 150 с.

Белов Г. Д. Эллинистическая мозаика // МИА. 1953а. Вып. 34. С. 279-295.

Беляев С. А. Херсонес // Античные государства Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984. С. 49-53.

Беньковский П. О. О терракотовых повозочках из Керчи // ИАК. 1904. Вып. 9. С. 63-72.

Берзин Э. О. Горгиппийский агонистический каталог // Советская археология. 1961. № 1. С. 111-127.

Блаватская Т. В. Игральные кости из Пантикапея // *Listy filologicke*. 1959. № 8 (*Eunomia* III, 2). С. 68-80.

Блаватская Т. В., Розов В. Н. Граффити зенонитов // Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник. М., 1985. С. 115-137.

Блаватский В. Д. Мраморный трон из Пантикапея // Советская археология. 1957. № 2. С. 247-250.

Блаватский В. Д. О культе римских императоров на Боспоре // Блаватский В. Д. Античная археология и история. М.: Наука, 1985. С. 191-195.

Блаватский В. Д. Отчет о раскопках в Фанагории в 1936-1937 гг. // ТГИМ. 1941. Вып. 16. С. 4-74.

Блаватский В. Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 163 с.

Блаватский В. Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М.: Наука, 1964. 239 с.

Бондаренко М. Е. Государственные пантеоны древнегреческих полисов Северного Причерноморья. Автореф. дис...канд. ист. наук. М., 2007. 23 с.

Бондаренко М. Е. Пантеон античной Тире. М.: Макс-Пресс, 2005. 65 с.

Бондаренко М. Е. Пантеон Херсонеса Таврического. М.: Компания Спутник, 2003. 169 с.

Буйских А. В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху // МАИЭТ. Supplementum. Вып. 5. Симферополь, 2008. 424 с.

Буйских А. В., Золотарев М. И. Градостроительный план Херсонеса Таврического // ВДИ. 2001. № 1. С. 111-132.

Буйских С. Б. Исследование святилища Ахилла на Бейкушском мысу (предварительные итоги) // ХСб. 2001. Вып. 11. С. 34-43.

Бутягин А. М. Земляночное строительство на архаическом Боспоре (генезис и развитие) // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы международной научной конференции. СПб., 2001. Ч. 1. С. 36-41.

Варнеке Б. В. Очерки из истории древнеримского театра. СПб., 1903. 235 с.

Вдовиченко И. И. Античные расписные вазы из крымских музеев. Каталог коллекций. Симферополь: Сонат, 2003. 128 с.

Вдовиченко И. И. Изображения военных женских танцев на вазах из Северного Причерноморья // Записки історико-філологічного товариства Андрія Білецького. Київ, 1999. № 3. С. 81-86.

Вдовиченко И. И. О роли музыки в жизни варваров и эллинов Северного Причерноморья // ПИФК. 2004. Вып. 14. С. 124-141.

Видаль-Накэ П. Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире / Пер. с фр. М.: Ладомир, 2001. 419 с.

Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса VII-I вв. до н. э.: Историко-эпиграфическое исследование. М.: Наука, 1989. 282 с.

Виноградов Ю. Г. Херсонесский декрет о «несении Диониса» IOSPE I² 343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. 1997. № 3. С. 104-124.

Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И. Древнейший Херсонес // Причерноморье в VII-V вв. до н. э. Письменные источники и археология. Тбилиси, 1990. С. 48-74.

Виноградов Ю. Г., Русяева А. С. Культ Аполлона и календарь в Ольвии // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. К.: Наукова думка, 1980. С. 19-84.

Виноградов Ю. Г., Шестаков С. А. Laudatio Funebris из Пантикапея // ВДИ. 2005. № 2. С. 42-44.

Витрувий. Десять книг об архитектуре / Пер. Ф. А. Петровского. М.: Искусство, 1936. 520 с.

Востриков И. В. Афинский патриотизм и функционирование института эфебии // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2014. № 2. С. 3-10.

Габелко О. Л., Завойкина Н. В., Шавырина Т. Г. «Стела Омфсалака» и фиасы Фанагории в первые века н. э. // Античный мир и археология. Саратов, 2006. С. 334-344.

Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 624 с.

Гайдукевич В. Ф. Мирмекийские зольники-эсхары // КСИА. 1965. Вып. 103. С. 28-42.

Герасимов Т. Едно вотивно яйце на Асклепий // Известия на археологически институт. София, 1966. Т. 29.

Геродот. История в девяти книгах / Пер. и прим. Г. А. Стратановского. М.: Наука, 1972. 600 с.

Герцигер Д. С. Четыре фигурных сосуда из Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 85-93.

Гилевич А. М. Монета Византия с агонистическим сюжетом // Херсонес Таврический: Ремесло и культура. К.: Наук. Думка, 1974. С. 30-34.

Гилевич А. М., Щеглов А. Н. Херсонесец Батилл, сын Никагора (Табл. I-II) // Hyperboreus. 1996. Vol. 2. Fasc. 2. P. 100-124.

Горончаровский В. А. Арена и кровь. Римские гладиаторы между жизнью и смертью. СПб.: Петербургское востоковедение, 2009. 254 с.

Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3. С. 231-315.

Граффити античного Херсонеса (на чернолаковых сосудах) / Ю. А. Бабинов и др. Отв. ред. Э. И. Соломоник. К.: Наукова думка, 1978. 139 с.

Грач Н. Л. Мраморная скульптура из Горгиппии // Советская археология. 1970. № 1. С. 245-247.

Греческая эпиграмма / Изд. подгот. Н. А. Чистякова. СПб.: Наука, 1993. 448 с.

Гриневич К. Э. Северо-восточные кварталы Херсонеса Таврического по данным раскопок Р. Х. Лепера // ХСб. 1931. Вып. 3. С. 5-139.

Гриневич К. Э. Стены Херсонеса Таврического. 1. Подстенный склеп № 1012 и ворота Херсонеса // ХСб. 1926. Вып. 1. 72 с.

Гриневич К. Э. Стены Херсонеса Таврического // ХСб. 1927. Ч. 2. Вып. 2. С. 5-104.

Гриневич К. Э. Стены Херсонеса Таврического // Хсб. 1959. Ч. 3. Вып. 5. С. 75-114.

Даниленко В. Н. Надгробные стелы // СХМ. 1969. Вып. 4. С. 29-44.

Дарвин А. Л. Сфер Борисфенит и реформаторское движение в Спарте (историография вопроса) // Мнемон. 2003. Вып. 2. С. 171-190.

Денисова В. И. Коропластика Боспора: (По материалам Тиритаки, Мирмекия, Илурата и сельской усадьбы). Л.: Наука, 1981. 171 с.

Денисова В. И. Стихотворная древнегреческая надпись из Ольвии // СА. 1988. № 1. С. 251-256

Диатроптов П. Д. Культ героев в античном Северном Причерноморье. М.: Индрик, 2001. 160 с.

Диатроптов П. Д., Емец И. А. Корпус христианских надписей Боспора // Эпиграфический вестник. 1995. № 2. С. 7-40.

Диодор Сицилийский. Историческая библиотека / Пер. И. Алексеева. СПб., 1775. 1941 с.

Дион Хрисостом. XXXVI Борисфенитская речь, прочитанная в отечестве / Пер. В. В. Латышева // ВДИ. 1948. № 1. С. 228-233.

Добровольская Е. В. Археозоологические особенности Фанагории: скотоводство и охота // Фанагория. Результаты археологических исследований. М.: Ин-т Археологии РАН, 2013. Т. 1. С. 192-205.

Долгоруков В. С. Некоторые вопросы истории и топографии ранней Фанагории // КСИА. 1990. Вып. 197. С. 30-37.

Домбровский О. И. Античный театр в Херсонесе. (Раскопки 1954–1958 гг.) // СХМ. 1960. Вып. 1. С. 29-36.

Домбровский О. И. Херсонесская галечная мозаика и некоторые аспекты истории античного искусства // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев: Академия Евробизнеса, 1994. С. 159-208.

Емец И. А. Граффити и дипинти из античных городов и поселений Боспора Киммерийского (типология и методика исследования). М.: Спутник, 2005. 364 с.

Емец И. А. Греко-варварские религиозные взаимовлияния на Боспоре Киммерийском. М.: Спутник, 2002. 222 с.

Жебелев С. А. Религиозное врачевание в Древней Греции // ЗРАО. 1893. Новая серия. Т. 6. С. 368-429.

Журавлев О. П. Животноводство и охота в Ольвийском государстве (замечки археозоолога) // Ольвийские древности. Сборник научных

трудов памяти В. М. Отрешко (1949–1999). К.: Институт археологии НАН Украины, 2009. С. 258–267.

Завойкина Н. В. Боспорские фиасы: между полисом и монархией. М.: изд-во Университета им. Дмитрия Пожарского, 2013. 288 с.

Завойкина Н. В. Из истории Боспорской элиты II–III вв. н. э.: Юлий Менестрат и Хофразм // ПИФК. 2013а. № 2. С. 250–262.

Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. СПб: Филологический ф-т СПбГУ, 2000. 320.

Зайцева К. И. Ольвийские культовые свинцовые изделия // Культура и искусство античного мира. Л., 1971. С. 84–106.

Зелинский Ф. Ф. История античной культуры. М.: Сытин, 1915. 204 с.

Зинько В. Н. Гидротехнические сооружения в окрестностях боспорского города Нимфея // Боспорский феномен. Греческая культура на периферии античного мира. СПб., 1999. С. 142–147.

Зинько А. В. Рыболовный промысел в Тиритаке в III в. н. э. // Боспорские исследования. Симферополь–Керчь, 2006. Вып. XI. С. 177–186.

Зограф А. Н. Античные монеты // МИА. 1951. № 6. 262 с.

Зограф А. Н. Две группы херсонесских монет с заимствованными типами // ИГАИМК. 1927. № 5. С. 379–397.

Зограф А. Н. Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932–1934 гг. // МИА. 1941а. № 4. С. 157–164.

Зограф А. Н. Монеты Тиры. М.: изд-во АН СССР, 1957. 132 с.

Зограф А. Н. Находки монет в местах предполагаемых античных святилищ на Черноморье // СА. 1941. Т. 7. С. 152–160.

Золотарев М. И. Раскопки в северо-восточном районе Херсонеса // АО 1985. М., 1987. С. 330–331.

Золотарев М. И., Буйских А. В. Теменос античного Херсонеса. Опыт архитектурной реконструкции // ВДИ. 1994. № 3. С. 78–101.

Зубарь В. М. Места отправления религиозных культов в Херсонесе Таврическом и его округе в эллинистический период // МАИЭТ. 2005. Вып. 11. С. 31–58.

Зубарь В. М. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н. э. К.: Наукова думка, 1982. 146 с.

Зубарь В. М. Херсонес Таврический в античную эпоху (экономика и социальные отношения). К.: Наукова думка, 1993. 140 с.

Зубарь В. М., Антонова И. А. О времени и обстоятельствах возникновения так называемой цитадели Херсонеса // Бахчисарайский

историко-археологический сборник. Симферополь, 2001. Вып. 2. С. 45-53.

Зубарь В. М., Русяева А. С. На берегах Боспора Киммерийского. К.: Стилос, 2004. 239 с.

Зубарь В. М., Сорочан С. Б. У истоков христианства в юго-западной Таврике. Эпоха и вера. К.: Стилос, 2005. 182 с.

Зуц В. Л. Гражданская община ольвиополитов догетского времени // Археология. 1975. Т. 16. С. 37-49.

Иванов Е. Э. Херсонес Таврический: историко-археологический очерк. Симферополь, 1912. 375 с.

Иванова А. П. Искусство античных городов Северного Причерноморья. Л.: Изд-во ЛГУ, 1953. 192 с.

Иванова А. П. Скульптура и живопись Боспора. К.: Изд-во АНУ ССР, 1961. 148 с.

Иванчик А. И., Толстиков В. П., Ковальчук А. В. Новая надгробная эпиграмма из Пантикапея // ВДИ. 2007. № 1. С. 107-117.

Ильина И. Ю. О топографии находок эллинистической скульптуры в Ольвии // Эллинистические штудии в Эрмитаже. К шестидесятилетию Михаила Борисовича Пиотровского. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. С. 150-158.

Иофа Т. И. Краснолаковые светильники // Ольвия. Теменос и агора / Отв. ред. В. Ф. Гайдукевич. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1964. С. 281-285.

Кадеев В. И. Раскопки в районе Херсонеса // АО 1983 года. М., 1985. С. 279-280.

Кадеев В. И. Херсонес Таврический. Быт и культура (I-III вв. н. э.). Харьков: Бизнес Информ, 1996. 212 с.

Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков: Вища школа, 1981. 143 с.

Казанский Н. Н. Социолингвистическая ситуация в Боспорском царстве и особенности языковой политики эллинистических государств // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства / Отв. ред. А. В. Подосинов, О. Л. Габелко. М.: Рус. Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. С. 188-200.

Каллистов Д. П. Античный театр. Л.: Искусство, 1970. 175 с.

Карасев А. Н. К вопросу о водоснабжении ольвийского гимнасия // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 3-10.

Карасев А. Н. Оборонительные сооружения Ольвии // КСИИМК. 1948. Т. 22. С. 25-37.

Карасев А. Н. Монументальные памятники Ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. М.; Л.: Наука, 1964. С. 27-30.

Карышковский П. О. Монеты Ольвии (очерк денежного обращения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху). Киев: Наукова думка, 1988. 168 с.

Карышковский П. О., Клейман И. Б. Древний город Тира. Историко-археологический очерк. Киев: Наукова думка, 1985. 160 с.

Клейман И. Б. Статуя актера в образе Паппосилена из района Ольвии // Памятники искусства из Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1986. С. 115-120.

Книпович Т. Н. Танаис (историко-археологическое исследование). М., Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 180 с.

Книпович Т. Н., Славин Л. М. Раскопки юго-западной части Тиритаки // МИА. 1941. № 4. С. 37-60.

Кобылина М. М. Античная скульптура Северного Причерноморья. М.: Наука, 1972. 64 с.

Кобылина М. М. Глиняный торс Геракла из Херсонеса // Культура античного мира. М.: Наука, 1966. С. 92-99.

Кобылина М. М. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н. э. М.: Наука, 1978. 215 с.

Кобылина М. М. Мастерские пантикапейских коропластов // Терракотовые статуэтки. Ч. 3. Пантикапей. Свод археологических источников. Г1-11. М.: АН СССР, 1974. С. 47-53.

Кобылина М. М. Религия и культы // Античные государства Северного Причерноморья / Под ред. Г. А. Кошеленко, И. Т. Кругликовой, В. С. Долгорукова. М.: Наука, 1984. С. 220-222.

Кобылина М. М. Саркофаги и надгробия // Античные государства Северного Причерноморья / Под ред. Г. А. Кошеленко, И. Т. Кругликовой, В. С. Долгорукова. М.: Наука, 1984а. С. 224-225.

Кобылина М. М. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М.: изд-во АН СССР, 1961. 182 с.

Кобылина М. М. Терракотовые статуэтки Северного Причерноморья // Терракотовые статуэтки. Свод археологических источников. М.: АН СССР, 1970. Вып. Г1-11. С. 6-22.

Кобылина М. М. Терракотовые статуэтки Фанагории // Терракотовые статуэтки. Ч. 4. Придонье и Таманский полуостров. Свод археологических источников. Г1-11. М.: Наука, 1974. 57 с.

Кобылина М. М. Фанагория // МИА. 1956. Вып. 57. С. 5-127.

Козуб Ю. И. Быт // Археология Украинской ССР. К.: Наукова думка, 1986. Т. 2. С. 504-513.

Козуб Ю. И. Древнейшее святилище Ольвии // Ольвия. К.: Наукова думка, 1975. С. 139-163.

Козуб Ю. И. Некрополь Ольвии V–IV ст. до н. е. К.: Наукова думка, 1974. 181 с.

Козуб Ю. И., Белецкий А. А. Стихотворная эпитафия Эпикрата из Ольвии // ВДИ. 1977. № 1. С. 172-175.

Колесникова Л. Г. Спорт в античном Херсонесе. М.; Л.: Советский художник, 1964. 27 с.

Константин Багрянородный. Об управлении империей / Пер. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М.: Наука, 1989. 501 с.

Коровина А. К. Гермонасса: античный город на Таманском полуострове. М.: ГМИИ им. А. С. Пушкина, 2002. 146 с.

Корпус боспорских надписей / Ред. В. В. Струве, М. Н. Тихомирова, В. Ф. Гайдукевича и др. М.; Л.: Наука, 1965. 951 с.

Косцюшко-Валюжинич К. К. Извлечения из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 г. // ИАК. 1901. Вып. 1. С. 1-55.

Косцюшко-Валюжинич К. К. Извлечения из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1900 г. // ИАК. 1902. Вып. 2. С. 1-39.

Косцюшко-Валюжинич К. К. Извлечения из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1901 г. // ИАК. 1902. Вып. 4. С. 51-119.

Косцюшко-Валюжинич К. К. Извлечения из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1902 г. // ИАК. 1904. Вып. 9. С. 1-62.

Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 г. // ИАК. 1906. Вып. 20. С. 17-95.

Косцюшко-Валюжинич К. К. Извлечения из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 г. // ИАК. 1907. Вып. 25. С. 67-171.

Кошеленко Г. А. Царская власть и ее обоснование в ранней Парфии // История Иранского государства и культуры. М., 1971. С. 212-218.

Крапивина В. В. Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н. э. Киев: Наукова думка, 1993. 184 с.

Кругликова И. Т. Земельные наделы херсонеситов на Гераклейском полуострове // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 9-26.

Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975. 300 с.

Крыжицкий С. Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1993. 246 с.

Крыжицкий С. Д. Архитектура Ольвийского полиса в графических реконструкциях. Симферополь, Керчь: Озарків А. М., 2012. 381 с. (МАИЭТ. Supplementum 11)

Крыжицкий С. Д. Жилые ансамбли древней Ольвии. IV–II вв. до н. э. Киев: Наукова думка, 1971. 143 с.

Крыжицкий С. Д. Жилые дома античных государств Северного Причерноморья (VI в. до н. э. – IV в. н. э.). К.: Наукова думка, 1982. 166 с.

Крыжицкий С. Д. Основные итоги изучения затопленной части Нижнего города Ольвии // АКСП. 1984. С. 36-65.

Крыжицкий С. Д., Буйських А. В. Реконструкция споруд Центрального междуречья в Ольвии // Археологія. 1990. № 3. С. 25-37.

Крыжицкий С. Д., Лейтунская Н. А. Комплекс западных ворот Ольвии // АДСП. Киев: Наукова думка, 1988. С. 10-32.

Крыжицкий С. Д., Щеглов О. М. Про зерновий потенціал античних держав Північного Причорномор'я // Археологія. 1991. № 1. С. 46-56.

Кругликова И. Т. Синдская гавань. Горгиппия. Анапа. М.: Наука, 1977. 106 с.

Ксенофонт. Воспоминания о Сократе / Пер. С. И. Соболевского. М.: Наука, ИФ РАН, 1993.

Ксенофонт. Пир // Ксенофонт. Воспоминания о Сократе / Пер. С. И. Соболевского. М.: Наука, ИФ РАН, 1993. С. 160-196.

Кубланов М. М. Из истории культуры Северного Причерноморья // Древний мир. М.: Изд-во восточн. лит-ры, 1962. С. 562-572.

Кубланов М. М. Легенда о ристалище Ахилла и ольвийские агонистические празднества // ЕМИРА. 1957. Вып. 1. С. 222-231.

Кубланов М. М. О местной историографии на Боспоре // ВДИ. 1954. № 4. С. 143-146.

Кубланов М. М. Религиозный синкретизм и появление христианства на Боспоре (I–IV вв. н. э.) // ЕМИРА. 1958. Вып. 2. С. 57-68.

Кудренко А. И. О водоснабжении Ольвии в IV–II вв. до н. э. // АКСП. 1984. С. 178-188.

Кузнецов В. Д. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2006. № 1. С. 155-172.

Кулишова О. В. Хор в древнегреческой драме: социально-политический аспект // Мнемон. СПб., 2014. Вып. 14. С. 253-259.

Кунина Н. З., Сорокина Н. П. Стекланные бальзамарии Боспора // Труды государственного Эрмитажа. Л., 1972. Т. 13. С. 146-177.

Кутайсов В. А. Античный город Керкинитида VI–II вв. до н. э. К.: Наукова думка, 1990. 176 с.

Кутайсов В. А. Керкинитида и Херсонес в IV–II вв. до н. э. // ВДИ. 2003. № 2. С. 60–90.

Лалин В. В. Побут // Археологія Української РСР. Київ: Наукова думка, 1971. Т. 2. С. 479–482.

Латышев В. В. Дополнения и поправки к изданным надписям из Южной России // ИАК. 1907. Вып. 23. С. 49–65.

Латышев В. В. Новый гимн в честь Гермеса // ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 311–313.

Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Ч. 2. СПб.: Алетея, 1997. 320 с.

Латышев В. В. Эпиграфические новости из Южной России (находки 1903–1905 гг.) // ИАК. 1905. Вып. 14. С. 94–137.

Латышев В. В. Эпиграфические новости из Южной России (находки 1906 г.) // ИАК. 1907. Вып. 23. С. 28–48.

Латышев В. В. Scythica et Caucasica. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. СПб., 1893–1904. Т. 1–2.

Леви Е. И. Материалы ольвийского теменоса // Ольвия: Теменос и агора. М.; Л.: Наука, 1964. С. 131–175.

Леви Е. И. Ольвийская агора // МИА. 1956. № 50. С. 32–118.

Леви Е. И. Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л.: Наука, 1985. 151 с.

Леви Е. И. Ольвийская надпись с посвящением Аполлону Врачу // ВДИ. 1965. № 2. С. 86–95.

Лейбенсон Ю. Г. Об этническом происхождении философов – выходцев из Северного Причерноморья // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Исторические науки. 2016. Т. 2 (68). № 2. С. 3–26.

Ленская В. С. Жрец и жертвоприношение в Древней Греции // ПИФК. 2013. № 2. С. 315–331.

Лепер Р. Х. Дневники раскопок херсонесского некрополя // ХСб. 1927. Вып. 2. С. 188–256.

Лосев А. Ф. Критические заметки к диалогу Тимей // Платон. Собрание сочинений в 4-ч тт. М., 1994. Т. 3. С. 594–619.

Лосев А. Ф. Мифология греков и римлян. М.: Мысль, 1996. 975 с.

Лукиан. Собрание сочинений / Пер. под. ред. Б. Л. Богаевского. М.; Л.: Академия, 1935. Т. 1–2.

Макаров И. А. Документальное досье о налоге на проституцию из Херсонеса Таврического (К интерпретации IOSPE I². 404) // ВДИ. 2003. № 4. С. 123–136.

Макимова М. И. Резные камни // Античные города Северного Причерноморья. М.; Л.: АН СССР, 1955.

Маликов В. М. Плоды и зерна грецкого ореха, каштана, итальянской сосны, инжира, финиковой пальмы, и маслины из раскопок Херсонеса // Архив Херсонесского историко-археологического заповедника. Дело № 736. Л. 2-3.

Марру А.-И. История воспитания в античности (Греция). М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 1998. 425 с.

Марченко И. Д. Раскопки Пантикапея в 1959-1964 гг. // СГМИИ. 1968. Вып. 4. С. 27-53.

Марченко И. Д. Марионетки и культовые статуэтки Пантикапея // Терракотовые статуэтки. Пантикапей. Свод археологических источников. Г1-11. Ч. 3. М., 1974. С. 38-46.

Масленников А. А. Население Боспорского государства в VI-II вв. до н. э. М.: Наука, 1981. 230 с.

Масленников А. А. Население Боспорского государства в первых веках н. э. М.: Наука, 1990. 230 с.

Масленников А. А. Сельские святилища Европейского Боспора. М.; Тула: Гриф и К, 2007. 564 с.

Масленников А. А. Сельский теменос (?) в восточном Крыму // ВДИ. 1997. № 4. С. 150-171.

Мещеряков В. Ф. Державні культи Діви і Херсонас у Херсонесі Таврійському I-III ст. н. е. // Вісник Харківського університету. 1980. № 201. Сер. Історія. Вип. 12. С. 64-72.

Мещеряков В. Ф. О времени появления христианства в Херсонесе Таврическом // Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. Л., 1978. С. 121-144.

Михалицын П. Е., Ручинская О. А. Античный театр и Византия: от гражданской идеологии к христианству // Дриновський збірник. Софія, Харків: вид-во БАН імені проф. Марина Дринова, 2017. С. 95-104.

Молев Е. А. Боспорские древности. Проблемы политической, социальной и культурной истории античного Боспора. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2017. 339 с.

Молев Е. А. Боспорский город Китей. Симферополь; Керчь: АДЕФ-Украина, 2010. 316 с.

Молев Е. А. Эллины и варвары. На северной окраине античного мира. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. 399 с.

Молева Н. В. Музыка и музыканты на Боспоре // Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников. СПб.: изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. С. 61-64.

Молева Н. В. Очерки сакральной жизни Боспора. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, 2002. 132 с.

На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. Каталог / Под ред. Д. В. Журавлева. М.: ГИМ, 2002. 143 с.

Надписи Ольвии (1917–1965) / Ред. Т. Н. Книпович, Е. И. Леви. Л.: Наука, 1968. 132 с.

Наливкина М. А. Костяные изделия из раскопок Ольвии в 1935–1936 гг. // Ольвия. Киев: изд-во АН УССР. 1940. Т. 1. С. 187–202.

Намойлик А. С. Посвятительное граффито из Нимфея // *Nuregboreus*. 2008. Vol. 14. Fasc. 2. С. 153–161.

Неверов О. Я. Геммы античного мира. М.: Наука, 1983. 144 с.

Неверов О. Я. Гностические геммы, перстни и амулеты юга СССР // ВДИ. 1979. № 1. С. 95–103.

Неверов О. Я. Итальянские геммы в некрополях северопапонтийских городов (К вопросу об итальянском импорте в Северном Причерноморье) // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л.: Аврора, 1979. С. 104–115.

Неверов О. Я. Металлические перстни и печати // АГСП. М., 1984. С. 239–240.

Неверов О. Я. Портретные геммы и перстни из Северного Причерноморья // ТГЭ. 1976. Т. 17. С. 166–182.

Никитин П. К истории афинских драматических состязаний. СПб., 1882. 197 с.

Никитина И. П. Правовое положение отдельных категорий граждан // Ученые записки УрГУ. 1969. Вып. 17. С. 139–154.

Николаев Н. И. Просопография Ольвии Понтийской V в. до н. э. – I в. н. э. К.: Издатель Олег Филлюк, 2014. 316 с.

Николаенко Г. М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV–III вв. до н. э. Ч. 2. Севастополь, 2001. 164 с.

Никомах из Герасы. Руководство по гармонике, продиктованное на скорую руку сообразно старине / Пер. Т. Г. Мякина, Л. В. Александрова // СХОЛН. Философское антиковедение и античная традиция. 2009. Т. 3. Вып. 1. С. 179–205.

Публий Овидий Назон. Скорбные элегии. Письма с Понта / Пер. под ред. М. Гаспарова, С. Ошерова. М.: Наука, 1978. 272 с.

Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье / Крыжицкий С. Д., Русаева А. С., Крапивина В. В. и др. К.: Изд-во ИА НАНУ, 1999. 478 с.

Онайко Н. А. Разведка памятников античного времени в районе Новороссийска // АО 1965 г. М., 1966. С. 106-107.

Отрешко В. М. Землянки и поуземлянки на античных поселениях Нижнего Побужья // Ольвийские древности. Сборник научных трудов памяти В. М. Отрешко (1949–1999) / Ред. С. Б. Буйских, С. А. Лысенко. Киев: ИА НАНУ, 2009. С. 98-102.

Отрешко В. М., Мазарати С. Н. Архаические сооружения Березани // Ольвийские древности. Сборник научных трудов памяти В. М. Отрешко (1949–1999) / Ред. С. Б. Буйских, С. А. Лысенко. Киев: ИА НАНУ, 2009. С. 81-92.

Охотников С. Б., Островерхов А. С. Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином). К.: Наукова думка, 1993. 140 с.

Павсаний. Описание Эллады / Пер. С. П. Кондратьева. М.: Ладомир, 1994. Т. 1-2.

Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. К.: Наук. думка, 1974. 219 с.

Папанова В. А., Диатроптов П. Д. Граффити с пригородных усадеб Ольвии // Північне Причорномор'я за античної доби (на пошану С. Д. Крижицького). Київ: Стародавній світ, 2017. С. 82-93.

Петерс Б. Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука, 1986. 185 с.

Петрова Э. Б. Античная Феодосия. История и культура. Симферополь: Сонат, 2000. 264 с.

Пичикян И. Р. Малая Азия – Северное Причерноморье: Античные традиции и влияния. М.: Наука, 1984. 296 с.

Платон. Государство / Пер. А. Н. Егунова // Платон. Сочинения в 4-х тт. Т. 3. Ч. 1. СПб.: изд-во СПбУ, 2007. С. 97-457.

Плиний Старший. Естественная история // SC. Т. 2. СПб., 1904. С. 167-251.

Подосинов А. В. Боспорский правитель за рубежом: причины и следствия // Элита Боспора и боспорская элитарная культура. Материалы международного Круглого стола (Санкт-Петербург, 22-25 ноября 2016 г.). СПб: ПАЛАЦЦО, 2016. С. 20-25.

Подосинов А. В. Возникновение Боспорского царства: От полиса к царству // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. XXIII Чтения памяти В. Т. Пашуто. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2011. С. 224-232.

Помпоний Мела. Землеописание // SC. Т.2. СПб., 1904. С. 115-126.

Пономарев Д. Ю. К вопросу о последователях медицинской школы Авла Корнелия Цельса в Крыму (по палеопатологическим данным) // ПИФК. 2001. Вып. 11. С. 121-127.

Придик Е. Греческие заклатья и амулеты из Южной России // ЖМНП. 1899. № 12. С. 118-124.

Прокопенко С. Н. Развитие хоры городов Боспора в VI – первой четверти III в. до н. э.: Автореф. дис...канд. ист. наук. Специальность 07.00.03. Всеобщая история. Иваново, 2008. 23 с.

Пятышева Н. В. Мраморная статуэтка Гигии из Херсонеса // ВДИ. 1971. № 4. С. 71-77.

Пятышева Н. В. Ювелирные изделия Херсонеса (конец IV в. до н. э. – IV в. н. э.) // Труды ГИМ. М., 1956. Т. 18. 84 с.

Радциг С. И. Введение в классическую филологию. М.: изд-во Московского университета, 1965. 527 с.

Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. М., 1913-1914. Т. 1-2.

Ростовцев М. И. Дело о взимании проституционной подати в Херсонесе // ИАК. 1916. Вып. 60. С. 63-69.

Ростовцев М. И. Сириск – историк Херсонеса Таврического // ЖМНП. 1915. Т. 43. Вып. 2. С. 151-170.

Русяева А. С. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья (VI–I вв. до н. э.). К.: Наукова думка, 1982. 163 с.

Русяева А. С. Граффити Ольвии Понтийской. Симферополь: БФ «Деметра», 2010. 286 с.

Русяева А. С. Культура. Искусство. Религия // Археология Украинской ССР. К.: Наукова думка, 1986. Т. 2. С. 513-561.

Русяева А. С. О храме Ахилла на острове Левка в Понте Эвксинском // ВДИ. 2004. № 1. С. 177-190.

Русяева А. С. Религия и культы античной Ольвии. К.: Наук. думка, 1992. 254 с.

Русяева А. С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев. К.: Стилос, 2005. 559 с.

Русяева А. С. Новые данные о культе Аполлона Врача в Ольвии // АДСП. Киев: Наукова думка, 1988. С. 166-174.

Русяева А. С. Элевсинский аспект культа Деметры в Боспорском государстве // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Материалы II боспорских чтений. Керчь, 2001. С. 122-127.

Русяева А. С., Івченко А. В. Список імен на чорнолаковій чашці з некрополя Ольвії // *Археологія*. 2014. № 2. С. 65-74.

Русяева А. С., Русяева М. В. Верховная богиня античной Таврики. Киев: Наукова думка, 1999. 208 с.

Русяева А. С., Русяева М. В. Ольвия Понтийская: Город счастья и печали К.: Стилос, 2004. 228 с.

Русяева А. С. Домашні святилища та культи в античних містах Північного Причорномор'я // *Археологія*. 2001. № 2. С. 41-51.

Ручинская О. А. К вопросу о «поощрении» и «поризании» в греческой гражданской общине (по материалам Ольвии эллинского периода) // *LAUREA: К 80-летию профессора Владимира Ивановича Кадеева*. Х.: Константа, 2007. С. 94-100.

Ручинская О. А. Общественная жизнь в античных городах Северного и Западного Причерноморья (социально-культурный аспект): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Днепропетровск, 1996. 17 с.

Ручинская О. А. Патриархальные представления в мировоззрении жителей античного Херсонеса // *Вісник ХУ*. 2001. Вип. 33. № 526. С. 14-21.

Ручинская О. А. Право и общество античных городов Северного и Западного Понта // *Античный мир. Византия: К 70-летию проф. В. И. Кадеева*. Харьков, 1997. С. 172-189.

Ручинская О. А. Религиозные обряды и празднества в общественной жизни античных городов Северного Причерноморья // *Древности за 1994 г.* Харьков, 1994. С. 73-86.

Ручинская О. А., Семененко Е. В. К вопросу о храмовой медицине в античных городах Западного Причерноморья в I–III вв. н. э. // *Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна*. 2012. № 1005. Серія «Історія». Вип. 45. С. 82-92.

Рыжов Г. С. Керамический комплекс III–IV вв. н. э. из северо-восточного района Херсонеса // *Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры*. К., 1986. С. 130-139

Самойлова Т. Л. Тира в VI–I вв. до н. э. Киев: Наукова думка, 1988. 148 с.

Самойлова Т. Л. К вопросу о культовых сооружениях Тире // *БФ*. 2002. Ч. II. С. 14-18.

Самойлова Т. Л. Основные тенденции развития религиозного мировоззрения эллинов в Тире // *БЧ*. 2007. Вип. VIII. С. 276-279.

Сапрыкин С. Ю. Энкомий из Понта и положение Боспорского царства в конце I – начале II в. н. э. // *ВДИ*. 2005. № 2. С. 45-81.

Сапрыкин С. Ю. О культе Геракла в Херсонесе и Геракле в эпоху эллинизма // СА. 1978. № 1. С. 38-52.

Сапрыкин С. Ю., Масленников А. А. Граффити и дипинти хоры античного Боспора. Симферополь, Керч: АДФ-Украина, 2007. 320 с.

Сапрыкин С. Ю., Масленников А. А. Люди и их боги: религиозное мировоззрение в Понтийском царстве // Человек и общество в античном мире. М.: Наука, 1998. С. 398-440.

Свенцицкая И. С. Полис и империя: эволюция императорского культа и роль «возрастных союзов» в городах малоазийских провинций I–II вв. // ВДИ. 1981. № 4. С. 33-51.

Свенцицкая И. С. Роль частных сообществ в общественной жизни полисов эллинистического и римского времени // ВДИ. 1985. № 4. С. 43-61.

Семенов-Зусер С. А. Рыбный рынок в Херсонесе // ВДИ. 1947. № 2. С. 237-246.

Семенов-Зусер С. А. Физическая культура и зрелища в древнегреческих колониях Северного Причерноморья. Харьков: Изд-во ХГУ, 1940. 47 с.

Силантьева П. Ф. Терракоты Пантикапея // Терракотовые статуэтки. Пантикапей. Свод археологических источников. Г1-11. Ч. 3. М.: Наука, 1974. С. 5-37.

Скржинская М. В. Скифия глазами эллинов. СПб.: Алетейя, 2001. 304 с.

Скржинская М. В. Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. СПб.: Алетейя, 2010. 399 с.

Скржинская М. В. Образование и досуг в античных государствах Северного Причерноморья. К.: Институт истории Украины НАНУ, 2014. 250 с.

Славин Л. М. Кварталы в районе ольвийской агоры (раскопки 1961–1970 гг.) // Ольвия. Киев: Наукова думка, 1975. С. 5-60.

Соколов Г. И. Искусство Боспорского царства. М.: Изд-во Московского энергетического института, 1999. 534 с.

Соколов Г. Ольвия и Херсонес. Ионическое и дорическое искусство М.: Греко-латинский кабинет, 1999а. 570 с.

Соколова О. Ю. Нимфейская экспедиция в 2015 г. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 2017. Вып. 41. С. 238-247.

Соколова О. Ю. Новая посвятельная надпись из Нимфея // Huparboreus. 2002. Vol. 8. Fasc. 1. С. 99-121.

Сокольский Н. И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья // МИА. 1971. № 178. 290 с.

Сокольский Н. И. Святилище Афродиты в Кепях // Советская археология. 1964. № 4. С. 101-118.

Соловьев С. Л. Новые аспекты истории и археологии античной Березани // ПАВ. 1994. № 8. С. 85-95.

Соломоник Э. И. Алтарь Немесиды из Херсонеса // ВДИ. 1960. № 2. С. 133-139.

Соломоник Э. И. Граффити античного Херсонеса (на чернолаковых сосудах). Киев: Наукова думка, 1978. 139 с.

Соломоник Э. И. Граффити с хоры Херсонеса. Киев: Наукова думка, 1984. 143 с.

Соломоник Э. И. Греческие надписи из района античного театра в Херсонесе // ВДИ. 1967. № 1. С. 69-79.

Соломоник Э. И. Древние надписи Крыма. К.: Наукова думка, 1988. 108 с.

Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. К.: Наук. думка, 1964. 194 с.

Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. К.: Наук. думка, 1973. 281 с.

Соломоник Э. И. Фрагмент агонистического каталога из Херсонеса // ВДИ. 1963. № 4. С. 172-176.

Сон Н. А. Тира римского времени. К.: Наукова думка, 1993. 156 с.

Соркина Т. С. Медицина в рабовладельческих государствах Средиземноморья. М.: изд-во УДН, 1979. 96 с.

Сорокина Н. П., Журавлев Д. В. Коллекции памятников из античных центров Северного Причерноморья в собрании Государственного Исторического музея (г. Москва) // ВДИ. 1993. № 4. С. 242-259.

Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков: Майдан, 2000. 828 с.

Стефан Византийский. Этника // SC. Т. 1. СПб., 1893-1900. С. 252-271.

Стефани Л. Объяснения некоторых художественных произведений открытых в южной России в 1875 г. // ОАК за 1876 г. СПб., 1879. С. 5-222.

Столба В. Ф. Новое посвящение из Северо-Западного Крыма и аспекты культа Геракла в Херсонесском государстве // ВДИ. 1989. № 4. С. 55-70.

Страбон. География в 17 книгах / Пер. Г. А. Стратановского. М.: Ладомир, 1994. 941 с.

Стратегмы Полиена, заимствованные из сочинений разных авторов, писавших о важнейших древних полководцах, героях и знаменитых женщинах / Пер. Д. Поппандопуло. СПб., 1842. 575 с.

Стржелецкий С. Ф. Виноделие в Херсонесе Таврическом античной эпохи // ХСб. Симферополь, 1959. Вып. 5. С. 121-151.

Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического. К истории древнего земледелия в Крыму // ХСб. Симферополь, 1961. Вып. 6. 247 с.

Стржелецкий С. Ф. XVII башня оборонительных стен Херсонеса (башня Зенона) // СХМ. 1969. № 4. С. 7-29.

Струве В. В. Древнейший историк СССР // Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л.: Наука, 1968. С. 147-200.

Суриков И. Е. Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. 304 с.

Суриков И. Е., Ленская В. С., Соломатина Е. И., Таруашвили П. И. История и культура Древней Греции. Энциклопедический словарь. М.: Языки славянских культур, 2009. 792 с.

Тахо-Годи А. А., Лосев А. Ф. Греческая культура в мифах, символах и терминах. СПб.: Алетейя, 1999. 717 с.

Тачева-Хитова М. О культе ΘΕΟΣ ΎΨΙΣΤΟΣ на Боспоре // ВДИ. № 1. 1978. С. 133-142.

Толстиков В. П. К вопросу об оборонительных сооружениях акрополя Пантикапея в IV-I вв. до н. э. // ВДИ. 1977. № 3. С. 156-166.

Толстиков В. П. О системе обороны акрополя Пантикапея // СГМИИ. М., 1984. Вып. 7. С. 28-56.

Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 154 с.

Толстиков В. П. Храм на акрополе Пантикапея. Проблемы датировки, типологии и периодизации // ПИФК. 2010. № 1. С. 277-315.

Толстой И. И. Культ Аполлона на Боспоре и в Ольвии // ЖМНП. 1904. № 1. С. 3-32.

Толстой И. И. Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг., 1918. 162 с.

Тохтасьев С. Р. Боспорская легенда об Афродите Апатурос // ВДИ. 1983. № 2. С. 111-117.

Фармаковский Б. В. Раскопки в Ольвии за 1901 год // ОАК за 1901 год. СПб., 1903. С. 2-22.

Феофраст. Исследование о растениях / Пер. М. Е. Сергеевко. М.; Л.: Наука, 1951. 591 с.

Феофраст. Характеры / Пер. Г. А. Стратановского. Л.: Наука, 1974. 123 с.

Фестюжьер А.-Ж. Личная религия греков. М.: Алетейя, 2000. 253 с.

Фомин М. В. К вопросу о формировании христианской общины в позднеантичном Херсонесе // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Севастополь, Тюмень, 2012. Вып. 4. С. 69-76.

Фролова Н. А., Абрамзон М. Г. Античные монеты и свинцовые тесеры Херсонеса Таврического в собрании Государственного исторического музея: Каталог. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2014. 176 с.

Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н. э.: Очерки истории и культуры / Ред. В. М. Зубря, С. Д. Крыжицкого, Л. В. Марченко и др. Харьков: Майдан, 2004. 732 с.

Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I вв. до н. э. Очерки истории и культуры / Ред. В. М. Зубря, А. В. Буйских, С. Д. Крыжицкого и др. Киев, 2005. 732 с.

Хирст Дж. Ольвийские курты // ИАК. 1908. № 27. С. 72-144.

Худяк М. М. Из истории Нимфея (VI–III веков до н. э.). Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 64 с.

Ходза Е. Н. Статуэтки актеров древней и средней комедии в собрании Эрмитажа // ВДИ. 2001. № 1. С. 206-213.

Худяк М. М. Терракоты // Ольвия. К.: Изд-во АН УССР, 1940. Т. 1. С. 85-105.

Цехмистренко В. И. О характере керамического клеймения в античную эпоху // КСИА. 1971. Вып. 128. С. 15-20.

Чубова А. П., Лесницкая М. М. Ольвийский курор // Художественная культура и археология античного мира. Сборник памяти Б. В. Фармаковского. М.: Наука, 1976. С. 210-218.

Чубова А. П., Колесникова Л. Г., Федоров Б. Н. Архитектура и искусство Херсонеса Таврического в V в. до н. э. – IV в. н. э. М.: КМК, 2008. 175 с.

Чубова А. П., Федоров Б. Н. Вопросы реконструкции живописных надгробий Херсонеса // КСИА. 1976. Вып. 145. С. 3-8.

Шанин Ю. В. Герои античных стадионов. М.: Физкультура и спорт, 1979. 136 с.

Шауб И. Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н. э.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. 484 с.

Шебель Г. Олимпия и ее игры. Лейпциг: Эдицион, 1967. 282 с.

Шевченко А. В. Культ Аполлона в Херсонесі // Археологія. 1998. № 1. С. 99–105.

Шевченко А. В. Терракоты античного Херсонеса и его ближайшей сельской округи. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. 520 с.

Шевченко Т. М. Релігійний світогляд населення античного Херсонеса. Київ: ІА НАН України, 2011. 512 с.

Шелов Д. Б. Западное и Северное Причерноморье в античную эпоху // Античное общество. М., 1967. С. 219–224.

Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н. э. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 222 с.

Шелов-Коведяев Ф. В. Березанский гимн острову и Ахиллу // ВДИ. 1990. № 3. С. 49–62.

Шепко Л. Г. Образы богов-врачевателей в художественной культуре древнегреческих городов Северного Причерноморья // Медицина в художніх образах. Донецьк: Норд-прес, 2007. Вип. 5. С. 204–215.

Шкорпил В. В. Отчет о раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1902 г. // ИАК. 1904. Вып. 9. С. 73–177.

Шкорпил В. В. Отчет о раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1903 г. // ИАК. 1905. Вып. 17. С. 1–76.

Шкорпил В. В. Отчет о раскопках в Керчи в 1907 г. // ИАК. 1909. Вып. 35. С. 12–47.

Шкорпил В. В. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1907 г. // ИАК. 1910. Вып. 35. С. 12–47.

Штерн Э. Р. Из жизни детей в греческих колониях на северном побережье Черного моря // Сборник археологических статей, поднесенных графу А. А. Бобринскому в день 25-летия его председательства в ИАК. СПб., 1911. С. 13–28.

Штерн Э. Р. «Graffiti» на античных южнорусских сосудах // ЗООИД. 1897. Т. 20. С. 163–199.

Шургая И. Г. Агонистические амфоры в некрополях Северного Причерноморья // СА. 1971. № 3. С. 189–202.

Щеглов А. Н. К вопросу о гладиаторских боях в Херсонесе Таврическом // Eirene. 1966. Т. 5. С. 99–105.

Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.: Наука, 1978. 158 с.

Элиан. Пестрые рассказы / Пер. С. В. Поляковой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 188 с.

Элий Аристид. Священные речи. Похвала Риму / Изд. подг. С. И. Межерицкая, М. Л. Гаспаров. М.: Ладомир; Наука, 2006. 281 с.

Яйленко В. П. Вотив Левкона из Лабриса // Древности Боспора. 2004. Вып. 7. С. 425-445.

Яйленко В. П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. № 3. С. 75-116.

Яйленко В. П. Материалы к «Корпусу лапидарных надписей Ольвии» // Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник. М., 1985. С. 161-237.

Яйленко В. П. Начальное и школьное образование в античных греческих городах // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1987. М., 1988. С. 54-60.

Яйленко В. П. Несколько ольвийских и березанских граффити (по материалам одесского археологического музея) // КСИА. 1979. Вып. 159. С. 53-60.

Яйленко В. П. Тысячелетний боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э. М.: Гриф и К, 2010. 740 с.

Яйленко В. П. Человек в античной Ольвии (очерки социальной истории Ольвии) // Человек и общество в античном мире. М.: Наука, 1998. С. 90-129.

Arnott P. D. Public and Performance in the Greek Theatre. London, New York: Routledge, 2003. 203 p.

Bieber M. The History of the Greek and Roman Theater. New Jersey; Princeton: Princeton university press, 1961. 343 p.

Bremmer J. N. Greek Religion // Greece and Rome (N.S.). 1994. № 24. 111 p.

Burkert W. Griechische Religion der archaischen und klassischen Epoche. Stuttgart; Berlin; Köln: Verlag Kohlhammer, 1977. 510 S.

Burkert W. The Meaning and Function of the Temple in Classical Greece // Temple in Society / Ed. by M. V. Fox. Winona Lake, Indiana, 1988. P. 27-47.

Burstein S. M. Outpost of Hellenism. The Emergence of Heraclea on the Black Sea. Berkeley; Los Angeles; London, 1976. 153 p.

Classical Olbia and the Scythian World. From the Sixth Century BC to the Second Century AD / Ed. by David Braund, S. D. Kryzhitskiy. Oxford: University Press, 2007. 224 p.

Chaniotis A. Priests as Ritual Experts in the Greek World // Practitioners of the Divine Greek Priests and Religions Officials from Homer to Heliodorus. Harvard: University Press, 2008. P. 17-34.

Chaniotis A. Theatre Rituals // The Greek Theatre and Festivals. Documentary Studies / Ed. by P. Wilson. Oxford: University Press, 2007. P. 48-67.

Ehrenberg V. Society and Civilization in Greece and Rome. Cambridge: Harvard University Press, 1965. 150 p.

Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien. Frankfurt am Main; Bern; New York: Lang, 1983. 588 S.

Foleu H. P. The Homeric Hymn to Demeter. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1994. 297 p.

Forbes C. A. Greek Physical Education. N.Y., London: AMS Press, 1971. 300 p.

Freeman K. God, Man and State. London: Macdonald, 1952. 240 p.

Gardiner E. N. Athletics of the ancient World. Oxford: Clarendon press, 1930. 246 p.

Gardiner E. N. Games the Greeks Played // The History of Popular Culture. New York; London: Macmillan company, 1968. P. 3-11.

Garnsey P. Food and Society in Classical Antiquity. Cambridge: University Press, 1999. 175 p.

Goldhill S. The Greek Dionysia and Civic Ideology // Journal of Hellenic Studies. 1987. Vol. 107. P. 58-76.

Graham A. I. Colony and Mother City in Ancient Greece. Manchester, 1964. 150 p.

Grant M. Gladiators. New York: Barnes and Noble Books, 1995. 128 p.

Greek and Cypriote Antiquities in the Archaeological Museum of Odessa / Ed. by V. Karageorghis. Nicosia: Foundation Anastasios G. Leventis, 2001. 96 p.

Goette H. R. Choregic Monuments and the Athenian Democracy // The Greek Theatre and Festivals. Documentary Studies / Ed. by P. Wilson/ Oxford: University Press, 2007. P. 122-149.

Hammond M. The City in the Ancient World. Cambridge, 1972. 142 p.

Hanell K. Megarische Studien. Lundunum, 1934. 226 S.

Harrison J. E. Prolegomena to the Study of Greek Religion. Cambridge: University Press, 1908. 682 p.

Histria. Monografie arheologică. Vol. 1. București, 1954. 590 p.

Head B. V. Historia Nummorum. A Manuel of Greek Numismatics. London, 1963. 977 p.

Højte J. The Archaeological Evidence for Fish Processing in the Black Sea Region // *Ancient Fishing and Fish Processing in the Black Sea Region. Black Sea Studies. The Danish National Research Foundation's Centre for Black Sea Studies. Aarhus: Aarhus University Press, 2005. P. 133-160.*

Jones A. H. M. The Greek City from Alexander to Justinian. Oxford: Oxford University Press, 1940. 393 p.

Karoglou K. Attic Pinakes. Votive images in Clay. Oxford: Archaeopress, 2010. 215 p.

Knigge U. The Athenian Kerameikos: history, monuments, excavations. Athens: Krene, 1991. 395 p.

Latyshev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Vol. 1. Ed. 2. Petropoli, 1916. 465 p.

Magie D. Roman rule in Asia Minor. To the end of the third century after Christ. Princeton: Princeton University Press, 1950. Vol. 1. 746 p.

McCart G. Masks in Greek and Roman Theatre // *The Cambridge Companion to Greek and Roman Theatre. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 247-267.*

Martin R. P. Ancient Theatre and the Performance Culture // *The Cambridge Companion to Greek and Roman Theatre. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 36-54.*

Mihailov G. Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae. Vol. 1. Ed. 2. Serdicae, 1970. 495 p.

Minns E. H. Scythians and Greeks. Cambridge: Univers. press, 1913. 720 p.

Moretti L. Iscrizioni agonistiche Greche. Roma: Signorelli, 1953. 286 p.

Nevett L. S. House and Society in Ancient Greek World. Cambridge: University Press, 1999. 222 p.

Nilsson M. P. Greek Piety. Oxford: Clarendon press, 1948. 200 p.

Nilsson M. P. Greek popular Religion. New York: Columbia University Press, 1940. 166 p.

Nilsson M. P. Griechische Feste von religiöser Bedeutung mit Ausschluss der Attischen. Leipzig: Teubner, 1906. 490 S.

Olivova V. Sports and Games in the Ancient World. London: Orbis, 1985. 207 p.

Parnicki-Pudelko S. Proba rekonstrukcji agory w Kynaiitha // *Archeologia. 1955. T. 5. S. 76-82.*

Parker R. Athenian Religion. A History. Oxford: Clarendon Press, 1997. 370 p.

Pippidi D. M. In Jurul unei inscriptii din Muzeul National de Antichitati al Institutului de arheologie // SCIV. 1958. T. 9. № 2. P. 357-371.

Ραμοῦ-Χαψιάδη Α. Ἀπο τή φυλετική κοινωνία στήν πολιτική. Πολιτειακή εξέλιξη τῆς Ἀθήνας. Ἀθήνα, 1982. 166 σ.

Rindel J. H. Roman Theatres in the ERATO Project // Acta Acustica united with Acustica. 2013. Vol. 99. P. 21-29.

Ringwood I. A. Local Festivals at Delos // AJA. 1933. Vol. 37. № 4. P. 452-458.

Sansone D. Greek Athletics and Genesis of Sport. Berceley; Los Angeles; London: University of California press, 1988. 130 p.

Sifakis G. M. Studies in the History of Hellenistic Drama. London: the Athlone Press, 1967. 200 p.

Sokolov G. Antique Art on the Northern Black Sea Coast. Architecture, Sculpture, Painting, Applied Arts. Leningrad: Aurora Art Publishers, 1974. 194 p.

Sylloge Inscriptionum Graecarum / Ed. G. Dittenberger. Ed. tert. Vol. 1-4. Lipsiae, 1915-1924.

Ustinova Ju. Supreme Gods of the Bosporan Kingdom. Celestial Aphrodite and the Most High God. Leiden; Boston; Köln, 1999. 371 p.

Vassilantonopoulos S. L., Mourjopoulos J. N. A Study of Ancient Greek and Roman Theater Acoustics // Acta Acustica. 2003. Vol. 89. P. 123-135.

Vinogradov J. G. Der Pontos Euxeinos als politische, okonomische und kulturelle Einheit und die Epigraphik // Actes du IX-e Congres International D'epigraphie Grecque et Latine. Vol. 1. Sofia, 1987. S. 9-77.

Наукове видання

РУЧИНСЬКА
Оксана Анатоліївна

КУЛЬТУРА ТА СУСПІЛЬСТВО
ГРЕЦЬКИХ МІСТ
ПІВНІЧНОГО ПРИЧОРНОМОР'Я
(VI ст. до н. е. – IV ст. н. е.)

(російською мовою)

Технічний редактор: *Є. Онишко*

Підписано до друку 25.10.17. Формат 60х84/16.
Папір офсетний. Гарнітура Palatino Linotype. Друк офсетний.
Ум. друк. арк. 17,88. Наклад 300 прим. Зам. № 18-75.

Видання і друк ТОВ «Майдан»
61002, Харків, вул. Чернишевська, 59
Тел.: (057) 700-37-30
E-mail: maydan.stozhuk@gmail.com

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру видавців і розповсюджувачів
видавничої продукції ДК № 1002 від 31.07.2002 р.

